

Министерство науки
и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего образования
«Российский государственный гуманитарный университет»
Центр социально-политических исследований
и информационных технологий
Федеральный исследовательский центр
«Коми научный центр УрО РАН»
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

АНТРОПОЛОГИЯ ГОРОДА

Выпуск 2

Северный город:
Культурное пространство и идентичность
в арктических и субарктических городах

Москва; Сыктывкар
2020

УДК 99:008:94 (1-21)
ББК 63,5:71:63,3 (2-2)
А72

Под редакцией

Ю.П. Шабаева, И.Л. Жеребцова, М.А. Омарова ГГУ

Редакционная коллегия

И.Л. Жеребцов (отв. редактор), Ю.П. Шабаев (отв. редактор),
И.О. Васкул, В.В. Власова, А.К. Магомедов, О.И. Уляшев

А72 Антропология города. Выпуск 2: Северный город: Культурное пространство и культурные идентичности в арктических и субарктических городах / Под ред. Ю.П. Шабаева, И.Л. Жеребцова, М.А. Омарова. М.: РГГУ; Сыктывкар: Ин-т языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2020. 218 с.
ISBN 978-5-7281-2974-5

Сборник продолжает начатую в 2013 г. серию «Антропология города». Внимание исследователей сосредоточено на анализе эволюции культурного пространства северных городов и понимании культурных процессов, которые происходили в этих городах в XX и начале XXI в. Особое внимание уделяется формированию и трансформации городских идентичностей и образов городов, а также анализу культурных особенностей, свойственных городским сообществам, сформировавшимся в российской Арктике и Субарктике.

УДК 99:008:94 (1-21)
ББК 63,5:71:63,3 (2-2)

ISBN 978-5-7281-2974-5

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2020
© Институт языка, литературы и истории
Коми НЦ УрО РАН, 2020

ВВЕДЕНИЕ

Второй выпуск «Антропологии города» изначально было решено посвятить северным городам. Реализовать эту задачу оказалось непросто, а потому на подготовку второго выпуска серии ушло целых шесть лет.

Следует заметить, что сегодня для России крайне актуально изучение городов в Арктике и Субарктике, ибо помимо принятия Арктической стратегии, правительством утверждена и программа социально-экономического развития арктической зоны. А в стратегии изучения арктической зоны, в первую очередь, необходимо обратить внимание на два культурных феномена. Во-первых, на коренные малочисленные народы севера и ту их часть, которая сохраняет приверженность традиционному хозяйству и традиционному образу жизни, во-вторых, на городские сообщества, сложившиеся здесь совершенно специфическим образом, целью формирования которых было именно социально-экономическое развитие северных территорий и использование их ресурсов для внутреннего и международного рынков.

Российская Арктика – самая урбанизированная часть страны, как замечают Н.Ю. Замятина и А.Н. Пилясов. «Арктический город – “творец” и инноватор поневоле, здесь меньшая численность населения компенсируется повышенной активностью инновационного поиска. В этом смысле даже небольшой арктический город – он “более город”, чем его аналог в средней полосе» (Замятина, Пилясов, 2019: 278).

При этом стоит заметить, что российские северные города – это своеобразные фактории, обеспечивающие жизнедеятельность на Севере и демонстрирующие, что данные территории являются освоенными и окультуренными, т.е. они связаны не только с интересами развития общего хозяйственного комплекса страны, но и имеют очевидное геополитическое значение, суть которого состоит в подтверждении суверенитета государства над его малозаселенными и слабо освоенными территориями. Современные северные и арктические города являются естественной частью культурного пространства, страны, хотя и весьма специфической. Именно здесь, как правило, сосредоточены центры коммуникаций, наиболее развитые службы социального сервиса, снабжения, транспортные службы, культурные инс-

титуты, в том числе и институты, созданные для сохранения и пропаганды исторической памяти и культурного наследия коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Однако большая часть городов и стратегически значимых поселков, таких как Амдерма в НАО, которую в советские годы называли «Воротами в Арктику», сейчас находятся в процессе активной деградации. В той же Амдерме население с 1989 г. сократилось в 10 раз (аналогичная ситуация с п. Териберка и г. Островной на Кольском полуострове). В Воркуте, где добывается самый качественный коксующийся уголь в стране, численность населения снизилась втрое, а 80% жилых строений имеют просадки и трещины (в Норильске таких 20%). Многие предприятия в северных городах и поселках (рудники, шахты, геологические партии, метеостанции, порты, аэропорты, строительные организации) прекратили свое существование, не вписавшись в реалии рыночной экономики из-за дорогой логистики и высоких издержек производства. В результате начался масштабный процесс деиндустриализации Севера, а вслед за этим и активные процессы его деколонизации. Если в советские годы быстро сокращалось сельское население страны, то в постсоветские годы такая же участь постигла периферийные города, особенно северные, где потери населения были очень значительны (см. табл.). В самом тяжелом положении оказались монопромышленные города, которые создавались для решения одной конкретной промышленной цели – добычи определенного вида сырья, транспортного обеспечения. Как только ситуация на рынке стала меняться и потребность в сырье сокращалась или исчезала вовсе (как, например в случае с флюоритом, добывавшемся под Амдермой), начался процесс упадка северных городов, который приобрел значительные масштабы. Отсюда очевидно, что жизненный цикл северных городов тесно связан с теми целями, ради выполнения которых они и возникали. Когда города переставали отвечать изначально определенным для них административным или хозяйственным функциям, они приходили в упадок или вовсе переставали существовать. Так первая столица Российского государства Старая Ладога, перестав быть административным центром, превратилась в заштатное село, а первый город в Заполярье Пустозерск (основан в 1499 г.), утратив значение местного торжища, прекратил свое существование. Та же участь постигла и Мангазею, основанную на реке Таз в 1600 г. А Обдорск (Салехард), который возник почти одновременно с Мангазеей (1595 г.) в устье Оби, сохранился как городское поселение, поскольку изначально предназначался для выполнения нескольких задач: административных, транспортных и снабженческих, оборонных и торговых.

Деградация многих городских поселений, возникших в Арктике и прилегающих районах в советские годы, судя по выявленным в ходе массовых

опросов населения настроениям, будет продолжаться, ибо значительная часть населения твердо намерена покинуть их, поскольку рынок труда здесь весьма ограничен, а перспективы экономического роста во многих случаях являются крайне неопределенными.

Видимо, в ближайшие десятилетия в Арктике могут реализоваться два сценария развития поселенческой сети. Первый негативный сценарий можно обосновать, опираясь на современные тенденции и настроения жителей северных городов и поселков. Его реализация предполагает дальнейшее значительное сокращение числа поселений в Арктической Зоне и субарктике, а равно и сокращение численности населения большинства городов. В определенной мере такое развитие событий оправдано, ибо еще в начале 1990-х гг. многие специалисты говорили об избыточности населения Российской Арктики, о том, что в связи с этим государство вынуждено нести чрезвычайно большие расходы на содержание социальной инфраструктуры этих городов, а наиболее радикально настроенные экономисты вообще призывали осваивать Арктику только вахтовым методом.

*Численность населения городов и поселков
Арктической зоны и субарктики*

Город	Год наивысшей численности	Численность населения	Численность населения 2018 г.	% к наивысшей численности
Мурманск	1991	473000	295374	62,4
П. Умба	1989	8309	4578	55,1
Мончегорск	1989	68652	42099	61,3
Кировск	1967	46000	26581	57,8
Кандалакша	1992	54200	31329	57,8
Апатиты	1989	88026	55713	63,3
Оленегорск	1989	35584	20847	58,6
Беломорск	1992	19000	9861	51,9
Архангельск	1989	415921	351488	84,5
Мезень	1992	5100	3287	64,4
П. Амдерма	1989	5495	577	10,5
Воркута	1991	117000	58133	49,7
Инта	1992	60700	26271	43,3
Печора	1991	66500	39647	59,6
Нарьян-Мар	2018	24775	24775	100
Салехард	2018	49214		100
Норильск	2007	213200	49214	84,2
Дудинка	1989	32325	179554	70,5
Игарка	1989	18820	22803	24,1
Певек	1989	12915	4544	18,0
Якутск	2018	311760	311760	100

Второй сценарий умеренно оптимистический, поскольку сегодня уже понятно, что вахтовым методом осваивать Арктику невозможно, ибо формирование специфической арктической культурной среды никак не согласуется с названным методом и потому вахтовые поселки нужны там, где временно необходимо сосредоточить большие массы строителей, персонал промышленных объектов, но которые не создаются как многофункциональные центры, как стратегические форпосты в Арктике.

Геостратегическое значение арктических городов на настоящий момент является одним из самых мощных стимулов их развития. В принятой в 2018 г. Концепции пространственного развития РФ, выделены так называемые геостратегические регионы (Зубаревич, 2019), к которым, безусловно, нужно отнести и Арктическую зону. А потому очевидно, что в геостратегическом плане Арктика должна стать не только освоенным и окультуренным пространством, но здесь необходимо сформировать современную поселенческую сеть, отвечающую как стратегическим целям государства, так и историческим и культурным традициям коренных малочисленных народов, старожильческих групп и сформировавшихся здесь переселенческих сообществ с их социальными потребностями и специфическим характером потребления товаров и услуг. На Севере необходимо начать формирование такой поселенческой сети, которая будет адекватно отвечать инновационным вызовам и новому технологическому укладу.

Что же касается городов, которые уже существуют, то подход к их развитию необходимо пересматривать. В этой связи известный эконом-географ А. Пилясов отмечает: «Более 80% населения российской Арктики проживает в городах и поселках численностью более пяти тысяч человек. В сравнении с зарубежным Севером Россия имеет очень мощные заполярные индустриальные города, с обширными промышленными зонами, которые в пору сравнить не с арктическими городами других стран, а с Руром, Уэльсом и Силезией. На фоне сокращения с конца 1980-х годов общего населения российской Арктики во многих регионах на 30-50%, в отдельных – в два и более раза, крупные города укрепили свои позиции, их сравнительный «вес» в своих регионах стал еще больше. В современную эпоху все города российской Арктики сталкиваются с вызовом трансформации своего профиля от индустриальных к сервисным, интеллектуальной модернизации старых промышленных производств, необходимостью превращения в инновационные центры для своих окрестных территорий» (Пилясов).

Сегодня к арктическим городам проявляется все больше внимания исследователей, и арктическая урбанизация рассматривается некоторыми из них как своеобразный фронт, некое пограничье и форпост социокультурного развития страны (Замятина, 2016). Они есть форпосты не только и не столько экономического освоения пространства, но его инновационной

модернизации и инфраструктурного развития, имея в виду, прежде всего, инфраструктуру социального сервиса.

Мы согласны с тем, что роль арктических городов весьма значительна. Эти города, как сказано выше, долгие годы выполняли роль своеобразных факторий на обширных и малоосвоенных территориях. Они являлись рынком сбыта для продукции оленеводческих, рыболовецких и охотничьих хозяйств. Так возле Воркуты и Инты расположены два крупнейших оленеводческих кооператива Коми, сюда же поставляли свою продукцию и ненецкие оленеводы. Сегодня этот рынок теряется. Но теряется не только рынок. Северные города – это еще и сервисные центры для тундровиков. К примеру, в 1990-е гг., когда в очень трудном положении оказались ненецкие оленеводы-частники в Большеземельской тундре, в Воркуте был создан приют для детей оленеводов, где их кормили, лечили и учили. Эти города обеспечивают медицинское обслуживание кочующего населения, информационную поддержку и т.д. Важно также и то, что северные города обеспечивают и социальную мобильность тундрового населения, ибо те, кто не желает связывать свою судьбу с традиционным хозяйством, оседают в городах и вовлекаются в хозяйственную и культурную жизнь заполярных городских сообществ, в том числе и в деятельность, связанную с сохранением и пропагандой культурных традиций северных народов, хотя нередко эта деятельность приобретает форму культурного блефа, когда потребителям пытаются навязать те культурные традиции, которые сохранить уже невозможно. Тем не менее социальная миссия арктических городов-факторий очень важна и ее необходимо сохранять. При этом очевидно, что в новых условиях функции арктических поселений следует расширить, а саму городскую среду, как сказано выше, радикально реконструировать. А поскольку в Арктике городская улица не может выполнять роль рекреации, постольку здесь надо не только менять подход к формированию жилой среды, но и создавать общественные пространства с учетом климата, потребностей людей в коммуникации и с ориентацией на необходимость формирования и укрепления местных социумов и городских идентичностей.

Ну и конечно отдельного анализа заслуживает культурное пространство северных и арктических городов. Это пространство весьма специфично и при этом имеет собственную символику, ибо еще в советскую эпоху «покорения Севера» начались его романтизация и поэтизация. Пожалуй, квинтэссенцией этой романтизации является огромное количество стихов и бардовских песен, посвященных Северу и северным городам. А неким поэтическим эпиграфом к нашему сборнику и изучению культурного пространства северного города могла бы стать песня Владимира Высоцкого «Мой друг уехал в Магадан»:

«Мой друг уехал в Магадан.
Снимите шляпу, снимите шляпу!
Уехал сам, уехал сам,
Не по этапу, не по этапу».

Стоит также заметить, что этнографическое изучение Севера, арктических и субарктических территорий и населяющих их этнических групп в России началось несколько столетий назад, и отечественная этнография/этнология немыслима без имен исследователей, создавших описания культурных традиций самых разных северных народов. Все имена невозможно перечислить. Назовем лишь некоторые: это и швед Ф.И. Стралленберг, и финн М.А. Кастрен, и немец И.Г. Георги, это классики российской и советской школы этнографии В.Г. Богораз и Л.Я. Штернберг. Нельзя не упомянуть и имена тех, кто продолжил и укрепил исследовательские традиции российской школы североведения – А.А. Попова, Ю.Б. Симченко, И.И. Крупника, В.И. Васильева, С.А. Арутюнова, З.П. Соколовой и многих других. Их вклад в изучение северных народов и территорий огромен. Стоит также заметить, что именно на севере начиналась блестящая научная карьера некоторых советских и российских этнологов. В 2019 г. отмечалось столетие со дня рождения Ильи Самуиловича Гурвича, являющегося ярким представителем советского североведения, который в 1941 г. стал работать учителем в якутской школе, затем ее директором, успешно совмещая свою преподавательскую и исследовательскую деятельность, а с 1956 г. и до конца жизни работал в Институте этнографии АН СССР, где руководил сектором Крайнего Севера и Сибири. В Магадане началась научная карьера другого выпускника Московского государственного университета – академика Валерия Александровича Тишкова, направленного после окончания университета в Магаданский государственный педагогический институт, где в 1965 г. он стал самым молодым в стране деканом историко-филологического факультета.

Нельзя сказать, что отечественные исследователи, изучавшие культурное пространство Севера, совсем не обращали внимания на культуру городского населения. Но системной работы, связанной с изучением культурного пространства арктических и субарктических городов, не ведется до сих пор, хотя антропология города уже стала весьма популярным направлением отечественных исследований.

В настоящее время, как нам представляется, необходимо оценить то, как эволюционирует культурная среда арктических городов и насколько велик запрос на ее изменение. Редколлегия выражает надежду, что все представленные в сборнике статьи помогут определить актуальные проблемы современной арктической урбанистики, а заодно покажут настоятельную необходимость в развитии такого направления антропологии города, как антропология арктических и субарктических городов.

Для реализации идеи описания культурной среды городов в Арктике и Субарктике редколлегия не могла ориентироваться только на возможности академических учреждений и университетов. В силу самой специфики северных территорий, где явно недостаточно исследовательских организаций, занимающихся серьезными социальными и гуманитарными исследованиями, пришлось осуществлять длительный поиск авторов, менять их состав, привлекая музейных работников и журналистов, что, на наш взгляд, только обогатило «палитру» сборника.

При всем том, что авторский коллектив не составляет единого творческого объединения, а уровень научной квалификации его членов существенно различается, все авторы руководствовались общей схемой подготовки статей, разработанной и предложенной редколлекцией сборника. Единая исходная модель описания северных городов в какой-то мере помогла объединить статьи сборника в некое целое. Но целостность эта очень условна, ибо слишком значительно различаются и уровень квалификации авторов, и авторский стиль, и само понимание предмета описания и изучения.

Казалось бы, здесь есть очевидный минус, но, во-первых, идеология издания, о которой было сказано еще во введении к первому выпуску, предполагает привлечение самых разных авторов с тем, чтобы расширить спектр материалов, характеризующих современное городское пространство и городские сообщества. В том числе, с согласия авторов и издателей, мы предполагали перепечатку отдельных статей, опубликованных в других изданиях, способных, однако, не только существенно обогатить тематические выпуски «Антропологии города», но и приобрести новое значение в сочетании с близкими по содержанию работами. Во-вторых, мы понимаем, что городской текст «читается» разными авторами (а равно и простыми горожанами) по-разному. И единообразия здесь быть не может. А поскольку это так, постольку редакторский коллектив сознательно ограничился в основном техническим редактированием текстов, не меняя их содержательные и стилистические особенности. Это сделано совершенно сознательно, поскольку в нашем понимании сами эти тексты есть материал для изучения и осмысления, ибо и их содержание, и стилистика презентации городского пространства очень наглядно демонстрируют вариативность восприятие города как культурного явления в зависимости от профессиональных пристрастий и интересов авторов. Поэтому авторские тексты в данном случае нужно рассматривать как самостоятельный источник информации.

Все статьи сборника в той или иной мере рассматривают историю возникновения городов, этапы их социально-экономического развития, но в большей мере ориентированы на анализ культурного пространства городов, их культурных образов и городских идентичностей. Не укладываются в общую схему только материалы Ларисы и Станислава Стрючко-

вых – журналистов из Норильска, к которым нам рекомендовали обратиться сотрудники местного краеведческого музея, пользующегося достаточным авторитетом, как у горожан, так и у музейщиков. Названные авторы являются признанными бытописателями Норильска, да и сама история города в данном конкретном случае пишется именно журналистами, что следует из интервью генерального директора медиа-группы «Северный город» Сергея Панченко (*Панченко*). В статьях Ларисы и Станислава сознательно опущено описание гулаговского прошлого Норильска, поскольку об этом достаточно написано другими их коллегами (см., например, *Баратов, 2015; Вольф, 2018*) и тема гулаговского прошлого города стала отчасти конъюнктурной, поэтому они сосредоточили внимание на анализе современной городской мифологии, путях формирования облика города, и на так называемых «местах памяти», к которым, по нашему мнению, относятся не только мемориалы, но символически значимые элементы городского пространства.

Несколько отлична от основной тематики сборника и статья А.К. Магомедова, представляющая собой историографический обзор исследований, посвященных Арктике и арктическим городам, который тем не менее удачно дополняет все остальные статьи и материалы, представленные в сборнике.

Данный выпуск «Антропологии города» подготовлен в кооперации с Учебно-научным центром изучения этнополитических и этнокультурных процессов РГГУ. И это не случайно. И Центр, и Институт ЯЛИ обращают все более пристальное внимание изучению гуманитарной составляющей освоения Арктической Зоны Российской Федерации (АЗ РФ). При этом данные научные организации в значительной мере нарушают сложившуюся многолетнюю традицию гуманитарного изучения Арктики, которая основывалась преимущественно на анализе локальных проблем, связанных с изучением культурной эволюции отдельных коренных малочисленных народов Севера (КМНС) или их отдельных групп. Но сегодня становится все более очевидным, что изучение процессов трансформации этнических культур малочисленных этнических групп, чья жизнедеятельность исторически связана с Арктикой и Субарктикой, не может быть успешным, если не принимать во внимание культурный ландшафт АЗ в целом и происходящие в нем изменения. Настоящий сборник представляет собой только первую попытку в деле предстоящего более глубокого и предметного изучения гуманитарных проблем российской Арктики, но и она, на наш взгляд, свидетельствует, о сложных и противоречивых процессах, имеющих место на этом обширном пространстве, требующих отдельного и предметного изучения.

Литература

Баратов 2015 – Баратов П. Градообразующий лагерь // Дилетант. 2015. № 6 (42).
Вольф 2018 – Вольф Г. Норильск. Темное прошлое города // Дилетант. URL: <http://diletant.media/articles/43730941/> (дата обращения: 1 октября 2018 г.).

Замятина 2016 – Замятина Н.Ю. Арктическая урбанизация как фронтир // Научный вестник ЯНАО. 2016. № 3 (92).

Замятина, Пилясов 2019 – Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Российская Арктика. К новому пониманию процессов освоения. М.: URSS, 2019.

Зубаревич 2019 – Зубаревич Н.В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. 2019. № 1.

Панченко – Панченко С. Норильск: полярная история. URL: http://echo.msk.ru*programs/diletanti/1584856-echo.html

Пилясов – Пилясов А.Н. Новая роль арктических городов в пространственной структуре Арктической зоны РФ. URL:<http://www.irsup.hse.ru>

Юрий Шабает
Магомед Омаров
Игорь Жеребцов

РАЗДЕЛ 1. СТАТЬИ

Юрий Шабает
Игорь Жеребцов
Ольга Лабунова

АНТРОПОЛОГИЯ ЗАПОЛЯРНОГО ГОРОДА: ИДЕНТИЧНОСТЬ, МЕНТАЛЬНАЯ КАРТА И МЕНЯЮЩИЕСЯ ОБРАЗЫ ВОРКУТЫ

Введение

Современная антропология города как самостоятельная дисциплина стала формироваться в рамках западной культурной антропологии в 1960–1970-е гг., хотя ее истоки восходят к Чикагской школе социологии и связаны с трудами Роберта Парка и Луиса Вирта, заложившими основу двух важнейших подходов к изучению городов: урбанистической экологии и урбанизма как стиля жизни, которые теперь основательно рассматриваются в классических западных учебниках социологии (*Гидденс*, 2001: 495–521).

Российский опыт изучения городской жизни стал накапливаться на рубеже XIX и XX вв., когда в стране оформилась оригинальная научная школа гуманитарного исторического градоведения (*Алисов*). Она рассматривала городские поселения не только и не столько как центры экономической и политической жизни, но, прежде всего, как особое культурное явление. В 1920-е гг. интерес к городу носил преимущественно краеведческий характер, ибо статьи с описанием местных городских традиций публиковались в основном в журнале «Краеведение», издававшемся в 1923–1929 гг. и на страницах этого же журнала ставились задачи изучения культурного пространства городов (*Миронов*, 1924: 214–218). С разгромом краеведения, прекращением социологических исследований и переквалификацией этнологии в этнографию, т.е. с начала 1930-х гг. городская культура и городские сообщества выпали из поля зрения советского обществоведения. Город стал восприниматься исключительно как градостроительная задача и проблема,

а потому единственной площадкой, где так или иначе рассматривалась проблематика культурной среды города, был журнал «Архитектура СССР».

Возрождение антропологического изучения городов связано с расширением предметного поля советской этнографии и начавшимся изучением городских традиций, что фактически и легализовало данную исследовательскую специализацию в 1970–1980-е гг. XX в. (Соколовский, 2015). В указанные годы появляются публикации в соответствующих тематических сборниках (Рабинович, 1971; Мыльников, 1977; Юхнева, 1977) и научных периодических журналах (Будина, Шмелева, 1977; Мыльников, 1981; Рабинович, 1981), в которых рассматривались как исторические аспекты городских традиций, так и современная городская повседневность. В эти же годы активно стало развиваться и социологическое изучение городской жизни. Однако, как в этнологии, так и в социологии, урбанистическое направление до сих пор остается неинституционализированным: в стране нет авторитетных центров изучения городских сообществ и городской культуры, в отечественных учебниках социологии и этнологии ни городская социология, ни этнологическое/антропологическое изучение города не представлены как отдельные и самостоятельные научные направления (Кравченко, 2014; Основы, 2007, *Антропология и этнология*, 2018), в то время как в классических западных учебниках, как замечено выше, урбанистические исследования рассматриваются как специализированная отрасль исследований и субдисциплина. При этом в настоящее время в России проводится довольно много исследований, которые касаются изучения культурной среды современного российского города, на регулярной основе проводятся конференции, темой которых заявлена антропология города. Вместе с тем методы изучения культурной среды современного города практически не отличаются от методов, использовавшихся при изучении сельских сообществ и так называемой «традиционной культуры», да и само этнологическое изучение города и в предметной сфере, и в методическом плане мыслится этнографами не как изучение целостного культурного пространства, городских образов и городских идентичностей, а как избирательное изучение отдельных этнических групп населения городов и элементов их традиционной культуры, которые в какой-то мере продолжают сохраняться в семейном быту горожан (Томилов, 2010). Однако традиционные исследовательские методы допустимы лишь при изучении исторических и малых городов, но они дают ограниченный эффект тогда, когда объектом изучения становятся города, возникшие относительно недавно на арктических и субарктических территориях. Эти города чаще всего становятся объектами краеведческого и журналистского описания, и наиболее востребованной темой этих описаний является их ГУЛАГовское прошлое. В последние годы, однако, делаются попытки начать изучение культурной среды арктического города, но они чаще всего не опираются на солидный

полевой материал и крайне слабы в теоретическом и методическом плане, ибо основываются на весьма спорных идеях Л.Н. Гумилева о циркумполярном суперэтнотипе, концептах циркумполярной культуры и некоей циркумполярной духовности (Ложникова, 2008) или иных не очень обоснованных теоретических построениях.

Конкретные исследования западных антропологов в этой сфере тоже не отличаются тематическим разнообразием и методической проработанностью (Швейцер, 2016). При этом именно в западной антропологии города и в социальных науках можно позаимствовать некоторые методы, которые могут быть полезным дополнением к сравнительно-историческому анализу и традиционным этнологическим методам (наблюдение, интервью, включенные наблюдения), а также методам социологического и статистического анализа. В данном случае мы считаем продуктивным применение метода когнитивного картографирования. В когнитивных науках и теоретической психологии «когнитивная карта» – это репрезентация в сознании географического пространства, которая позволяет индивиду находить дорогу к удаленной цели (Downs and Stea, 1973; Allen, 1999).

В антропологическом изучении города этот метод был использован Кевином Линчем в его работе «Образ города», который полагал, что образ можно выстроить, используя три компонента: структуру, идентичность и значения (Lynch, 1990:9). Ментальная карта городского пространства, построенная и проанализированная Линчем, есть некое отражение представлений о социальном пространстве города и городе как социальной сущности, которые формируются в сознании горожанина и его представлениях. Ориентируясь на деловые районы Бостона, Джерси-Сити и Лос-Анжелеса и используя интервью и анкеты, в которых опрошиваемых просили описать по памяти их городскую среду, Линч делает предположение, что отчуждение, характерное для жизни в городе, напрямую связано с мысленной некартографируемостью местных городских видов. Методика когнитивного картирования родилась в рамках когнитивной психологии, центральным понятием которой выступает «схема» (карта). Она представляет собой графическое отображение имеющегося в сознании человека плана (стратегии) сбора, переработки и хранения информации о его социальном пространстве, а, следовательно, является основой его представлений о прошлом, настоящем и будущем. Когнитивное картирование – это как бы умственное изображение среды (Jameson, 1988: 347–358). На этом основании построена и идея ментальной карты (Jacobson, 2006: 299–301).

Сам концепт ментальной карты, который широко используется в географии, истории и культурной антропологии, рожден когнитивной психологией, а термин «когнитивная карта» был предложен американским психологом Эдвардом Тольманом. Впоследствии разработки в области географии

и городского планирования способствовали тому, что в 1960-х гг. концепция когнитивной карты или ментальной карты стала парадигмой междисциплинарных исследований, касающихся изучения способности человека к пространственной ориентации (*Schenk, 2019*).

Но поскольку различные элементы городской среды представляют собой некие символические и пространственные примеры, отражающие интересы и ожидания определенных социальных групп (*Castells, 1983: 103*), постольку, трансформируя идеи психологического восприятия пространственной среды, с которой соприкасается конкретный человек, и, перенося это восприятие на воображаемую карту, можно, на наш взгляд, строить ментальные карты городского пространства, изменчивые не только во времени, но по значению, и смыслу, что в полной мере применимо к пониманию городского пространства такого заполярного города, как Воркута, который является объектом нашего изучения. Более того, стоит заметить, что метод построения ментальных карт городов в российской исследовательской практике находит все большее распространение (*Вандышев, Веселкова, Прямова, 2013; Глазков, 2014; Костко, Киричук, 2017; Митин*).

Не менее значимым является и изучение городской идентичности. В последние годы проблема идентичности, способов и форм идентификации личности с социальной средой является предметом активного изучения. Нам представляется, что при анализе идентичности весьма интересен подход Харрисона Уайта. Идентичность, по Уайту, производится непосредственно в процессе интеракции, и ее формирование является итогом не целенаправленного обретения фиксированного образа «я», а пульсирующего движения, в ходе которого мы занимаем определенное место в повседневной социальной жизни и осуществляем контроль за его фиксацией. Идентичность формируется через несколько этапов сетевого социального взаимодействия, как некое «путешествие» личности по «сетевым сферам» (*White, 2008*).

В общетеоретическом плане мы исходим из понимания города, как своеобразной социальной лаборатории, как зеркала социальных процессов в данном конкретном обществе, т. е. из идеи, сформулированной одним из лидеров Чикагской социологической школы Робертом Парком (*Парк, 2002*). При этом мы не отрицаем, что каждый город имеет свою специфику, что и пытаемся показать через последовательную смену городских образов, идентичностей и способа картирования городского пространства, и нам представляется, что новые подходы в урбанистике, ориентированные на понимание своеобразия гетерогенного городского культурного ландшафта (*Лев, Линднер, Беркинг, 2018*), никоим образом не отрицают значимости подхода, предложенного еще основоположниками Чикагской школы в первой половине XX столетия. Равным образом мы согласны и с тем, что публичные городские пространства и публичные формы проявления городской солидарности

детерминированы политикой и культурой (Сема, 2016), что совершенно отчетливо, на наш взгляд, проявляется в истории Воркуты.

Наш анализ культурного пространства заполярного индустриального города, возникшего в социалистическую эпоху как один из центров ГУЛАГа, есть часть большого проекта «Северный город» и представляет собой попытку осмысления накопленного в рамках первого этапа исследований материала.

Город-концлагерь – Первая Воркута

Шахтерская Воркута возникла в Заполярье в годы советской власти, в идеологии и политической мифологии которой важное место занимала идея преобразования социальной среды и формирования образа «нового человек», которому под силу любые свершения. Этот человек, якобы рожденный эпохой социалистического созидания и социалистического преобразования мира, творил героические подвиги, одним из которых стало «покорение Севера».

Но в реальности это «покорение» осуществлялось главным образом за счет подневольного труда многих десятков тысяч заключенных сталинских лагерей. В начале 1930-х гг. Коми автономная область (создана в 1921 г.) превращается в один из основных центров ГУЛАГа, где была создана целая сеть его местных структур: Ухтпечлаг, Устьвымлаг, Севжелдорлаг, Воркутлаг, основной задачей которых являлось строительство и обеспечение функционирования промышленных объектов (нефтепромыслов, шахт, железной дороги) (Морозов, 1997). На месте крупнейших лагерей в 1940–1950-е гг. стали возникать города (Ухта, Печора, Инта, Воркута). Лагерное население и жители республики в эпоху расцвета ГУЛАГА представляли собой две разные социальные группы, которые противопоставлялись друг другу как официально, так и неофициально, хотя по численности эти группы были вполне сопоставимы.

Так, местному населению категорически запрещалось вступать в контакты с заключенными лагерей. За подобные контакты, особенно с немцами, полагались различные административные санкции (Жеребцова, 2003: 40–41), что вместе с официальной пропагандой клеймившей «врагов народа» (сидевших в лагерях) формировало в массовом сознании местного населения убеждения о серьезной угрозе, которую несут для их благополучия заключенные лагерей и иные категории принудительно перемещенных лиц.

Были созданы политико-правовые условия для формирования своеобразного социального барьера между заключенными лагерей ГУЛАГа и местными жителями. Культурному же дистанцированию двух социальных групп друг от друга способствовало то обстоятельство, что коми

и остальная часть местного сообщества, как сказано выше, имели разные «социальные паспорта» и были территориально и даже визуально (арестантская одежда) разделены (Шабает, 2007). Одни были лично свободны и не испытали в большинстве своем ужасов раскулачивания, депортаций и преследований, а другие были несвободны и поражены в правах, причем, часто незаслуженно. Ненависть к ГУЛАГу (а вся территория республики воспринималась заключенными как общее пространство ГУЛАГа), заряд агрессии по отношению к государству, допускавшему массовые репрессии против простых граждан, а также к выступавшим от его имени рядовым надзирателям вылились не только в воркутинские забастовки и восстания 1937, 1942, 1947 и 1953 гг., но и в неприязнь к тем, кто жил по ту сторону колючей проволоки. Не менее важным элементом *конструирования культурных дистанций* служило то обстоятельство, что охрана многих лагерей набиралась из местных жителей, которые охотно поступали на данную службу, поскольку это освобождало их от несения военной службы, а в годы войны – от отправки на фронт. Так, если в 1930-е гг. ВОХР комплектовался в основном из завербованных и командированных из центральных районов России и среди охранников, безусловно, преобладали русские и украинцы, то в годы Великой Отечественной войны ситуация изменилась. В 1942 г. в военизированной охране Воркутинского лагеря насчитывалось 496 русских, 975 коми, 162 украинца, 24 белоруса, девять татар и т.д. (Ильин, 1999: 57). Иными словами, большая часть охраны состояла в Воркуте из коми, такая же ситуация наблюдалась во многих других лагерях на территории республики. Отношение к сотрудникам ВОХР среди заключенных было крайне негативным, поскольку те весьма часто допускали акты произвола в отношении последних, а заключенные на тюремно-лагерном жаргоне презрительно называли надзирателей и караульных «*вертухаями*» (Словарь, 1981; Росси, 1991; Словарь, 1992). Характеризуя лагерную охрану, Г.М. Иванова пишет следующее: «В мемуарной литературе и архивных документах можно встретить тысячи примеров изодренного самодурства охранников, их бесчеловечно-жестокое отношения к заключенным... Ни один бывший заключенный не вспоминал добрым словом ни одного конвоира...» (Иванова, 2006: 192). Уже после войны вохровцы были заменены солдатами внутренних войск («краснопогонниками»), но память о них и их зверствах осталась у узников ГУЛАГа на всю жизнь.

История Воркуты начинается с конца 1920-х гг. К тому времени было уже хорошо известно о наличии в Коми залежей ухтинской нефти и печорских каменных углей, и в январе 1929 г. на заседании коллегии ОГПУ было принято решение приступить к организации добычи нефти в Ухте и каменного угля в Воркуте. Характерно, что сразу же освоение природных богатств края возлагалось на плечи заключенных. Для начала решили

перевести в Коми группы специалистов-заключенных из лагеря на Соловецких островах, которые осуществляли геолого-разведочные работы в районе Воркуты и подготовку месторождений к эксплуатации. В 1931 г. на месте временного лагеря и разведочных штолен возник поселок Рудник, положивший начало формированию города. К концу 1933 г. в поселке проживало 382 чел., а в лагере при нем – 3600 заключенных. Первоначальная застройка являлась хаотичной: не было ни общего плана поселения, ни официальных названий улиц, ни номеров домов. Но зато первый этап формирования поселения открывал большой простор для ономастикона, который начал формироваться именно в этот период жизни города. Первый палаточный городок геологов называли «Проспектом троглодитов», отдельные группы землянок: «Заря Севера», «Свет шахтера» (так же романтично уже много десятилетий спустя назвали городки из вагончиков, в которых жили первопроходцы Усинска и Вуктыла). В 1937 г. напротив поселка Рудник на левом противоположном берегу реки Воркуты приступили к строительству первой крупной шахты №1 «Капитальная» и возле нее возникло второе горняцкое поселение – поселок Воркута. В 1941 г. началось строительство ТЭЦ 1, и недалеко от нее стал формироваться будущий центр города – площадь Комсомольская. Одновременно велось активное строительство все новых шахт, и возле них появлялись очередные лагеря для заключенных (Волков, 1990: 136).

Архитектурный облик Воркуты «эпохи ГУЛАГА» в полной мере этой «эпохе» и соответствовал. Топография поселения определялась номерами расположенных на ее территории «зон», ибо значительную часть территории города, а Воркута получила этот статус в 1943 г., составляли обнесенные колючей проволокой лагеря, где располагались бараки, в которых проживали заключенные. На вышках вдоль проволоки дежурили охранники с автоматами, регулярно подсвечивая территорию зон прожекторами. В каждом лагере/лагпункте было по 15–20 бараков, а в бараке размещалось по 100 или даже 200 человек. За пределами лагерей были примерно такие же одноэтажные деревянные бараки или даже землянки для вольнонаемных, где для каждой семьи или человека была выделена отдельная комната с минимумом удобств. Топили дровами и углем, за водой надо было ходить к городской водокачке или ближайшей водоколонке, поскольку централизованного водоснабжения не было. Мылись в общественных банях, а туалеты чаще были на улице. Только в четырехквартирных двухэтажных домах для вольнонаемных уже имелись некоторые признаки коммунальных удобств.

Иными словами, Воркута в 1930–1950-е гг. была городом землянок, бараков и барачного образа жизни. Помимо бараков в городе появлялись и отдельные общественные здания, в основном деревянные, многие из которых не сохранились. Дорог как таковых практически не было (их мощение нача-

лось только в 1941 г., но даже в 1970-х не было полностью завершено), а пешеходные дорожки (тротуары), как и в лесных поселках, делали из досок.

В 1937 г. было принято решение о строительстве Печорской железной дороги, которая должна была связать Печорский угольный бассейн с центральными районами страны. Естественно, что строительство этой магистрали планировалось осуществить силами заключенных ГУЛАГа. Первый поезд пришел в Воркуту в январе 1941 г.

Что касается социального облика населения Первой Воркуты, то, казалось бы, понятно, что он был довольно простым: подавляющее большинство жителей составляли заключенные, которые работали на стройках и шахтах, а остальная часть состояла из охраны и администрации лагерей. Но помимо этого, в Воркуте формально действовали местные органы власти, функционировали магазины, школы, и поэтому существовала небольшая часть вольнонаемного населения, которая не была связана непосредственно с ГУЛАГом, хотя с середины 1940-х гг., когда началось освобождение заключенных, отбывших свои сроки, вольнонаемные работники предприятий и самих лагерей формировались преимущественно из этой категории жителей.

Часть заключенных в воркутинских лагерях была осуждена по уголовным статьям и числились как заключенные ИТЛ, а другая часть – по политическим статьям, а потому принадлежали к категории каторжан. Но сама категория каторжан была введена только в 1943 г. и тогда же эти две категории заключенных стали содержать отдельно друг от друга (чаще в разных бараках, реже – в отдельных лагпунктах), а до этого все заключенные содержались вместе.

Отношения между уголовниками и «политическими» были напряженными, что нередко использовало в своих интересах руководство лагерей. Лагерная администрация активно привлекала «бытовиков» в качестве бригадиров или временных начальников, за что те получили прозвище «друзья народа». Кроме деления на бытовиков и каторжан, заключенные лагерей делились еще на несколько категорий, и эти категории были тесно связаны с их социально-профессиональным, гендерным и возрастным составом.

Были отдельные женские лагеря, при которых существовали даже детские сады, но помимо взрослых заключенных, совершивших уголовные или политические преступления (с точки зрения советских судов), были на Воркуте и подростки, которых осудили за нарушение норм социалистического общежития.

Самой значительной категорией воркутинцев были те, кто «сидел на зоне» и к месту работы принудительно доставлялся под конвоем охранников (*конвойные*). Еще одной категорией были *бесконвойные* (*расконвоированные*), к которым чаще всего принадлежали инженерно-технические

работники, имевшие право перемещаться по объектам без сопровождения охранников. Следующей категорией были *пропускники*, т.е. заключенные, получавшие пропуск, дававший им право без конвоя выходить за зону на регулярной или временной основе. Лагерной элитой являлись *законники*, имевшие право не только беспрепятственно перемещаться за пределами «зоны», но и жить вне ее. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. число законников постоянно росло, как росло и число свободных жителей Воркуты (Barenberg, 2014). С конца 1940-х в особые лагеря Воркуты стали прибывать немецкие заключенные. В 1930-е гг. режим содержания в Воркуте был более лояльным, чем в иных местах, ибо бескрайняя тундра, окружавшая лагерь, была лучшей защитой, нежели колючая проволока. Поэтому половина лагерей (20) была зонирована, т.е. обнесена колючей проволокой, а другая половина не «зонировалась». Правда, когда в конце 1930-х гг. в СССР усилилась борьба с «врагами народа», это сразу же отразилось и на режиме содержания заключенных, и потому в это время 77% осужденных не подлежали расконвоированию (Ильин, 1999).

Значительная часть персонала общегородских образовательных и культурных учреждений тоже формировалась за счет заключенных, в том числе и труппа созданного в 1943 г. Драматического театра, который возглавил узник Воркутлага – режиссер Большого театра Б. Мордвинов. Официально театр назывался музыкально-драматический театр Воркутлага, а его первой постановкой была не соответствующая социальной атмосфере ГУЛАГа классическая драма, а веселая оперетта композитора Имре Кальмана «Сильва». Театр был лагерным, а его репертуар, казалось, формировался вне времени и пространства. Но это было обманчиво: пространство театра и театральные традиции были подчинены культурной среде, в которой он функционировал. На премьерный спектакль пригласили передовых горняков, строителей, энергетиков, но в обычной практике театральной жизни не было места для показного советского равноправия: все места в театре были строго распределены между местными начальниками, и чем выше по карьерной лестнице поднимался начальник, тем более почетным становилось его театральное кресло. Аплодировать на спектаклях, в которых играли артисты-заключенные, не полагалось, а сами артисты жили в одних бараках с «блатными» (только позже для них выделили отдельный барак) и были свидетелями ежедневных разборок и убийств.

В социологическом плане кажется очевидным, что для контактов внутри группы и укрепления ее самости необходимо, чтобы связи внутри группы превалировали над внешними контактами, а на начальном периоде истории Воркуты подавляющая часть ее «жителей» в силу своего социального статуса была вынуждена ограничивать свои социальные связи внутрилагерным взаимодействием и отношениями с представителями коллективов

тех объектов, на которых трудились заключенные. Замкнутость социальных связей в узком территориальном и социальном пространстве, однако, никак не способствовала формированию общегородской или даже локальной идентичности, ибо лагерные сообщества были разделены своими внутренними социальными границами и там была сложная иерархия (Самойлов, 1990). Отсутствие активной интеракции внутри города не создавало того сетевого социального взаимодействия, которое, согласно Уайту, и формирует идентичность. И не случайно, что ни архивные, ни музейные материалы, ни воспоминания воркутинцев не фиксируют ее наличия, т.е. город не воспринимался как «свой» теми, кто формально являлся его жителями.

Воркута. Рисунок заключенного Воркутлага.

Источник: <https://yandex.ru>

Но отсутствие общей городской идентичности не означало отсутствия сформировавшейся ментальной карты города. Такая карта была, и она являлась отражением специфики социального состава населения Первой Воркуты и специфической организации городского пространства. В сознании воркутинцев той поры картировались важнейшие элементы социальной топографии города. А главным элементом топографии Первой Воркуты была Зона, и потому

Город - концлагерь

Воркута – город концлагерь.

ментальная карта была весьма своеобразной, и ее можно воссоздать по рисункам заключенных. Сам город, а точнее, городское публичное пространство для заключенных была terra incognita, поскольку город был неким мифом, большим белым пятном за пределами конкретной зоны, ибо большинству заключенных он был недоступен и неведом. Для них реальными городскими объектами была Зона и Шахта (или иной промышленный объект), где они трудились, а потому многие рисунки изображают бредущих колонной зеков, которые идут между рядами колючей проволоки к своим баракам «на зоне», а на заднем плане возвышается

терриконы шахт и дымятся трубы обогатительных фабрик. На основе этого лаконичного визуального образа формировалась ментальная карта Воркуты и сам образ города, который воспринимался (и был в реальности таковым) как одна Большая Зона, что впоследствии (спустя несколько десятилетий) позволило назвать Первую Воркуту *городом-концлагерем*. Но хотя подобное маркирование было довольно точным, городское пространство в социальном отношении можно было условно разделить на несколько разных по своему социальному значению пространств: территорию несвободы, которая включала в себя многочисленные зоны, где за колючей проволокой находились заключенные, режим жизни которых был строго регламентирован; территорию полусвободы, где осуществлялась трудовая деятельность (шахты, фабрики, строительные объекты и т. д.), и где заключенные трудились вместе с вольнонаемными, и над ними не было надзирателей; территория свободы, под которой понималась, прежде всего, воркутинская улица с магазинами, ларьками и гражданскими объектами – административными зданиями и жилыми постройками для персонала лагерей. Но последняя была, как сказано выше, практически недоступна узникам лагерей, а потому в их рисунках, которые специфическим образом отражали ментальную карту, эта улица отсутствовала (рис. 2).

Очевидно, что заключенные лагерей мечтали о том, чтобы превратиться из конвоируемых заключенных, в бесконвойных или законников. В этом случае заключенный как бы возвращал себе свой прежний социальный статус, превращаясь в почти свободного гражданина, который с территории не-свободы перемещался на территорию свободы. Сам выход за пределы зоны без конвоя уже был значимым событием в жизни заключенного.

Ощущение свободы у заключенного возникало именно на улицах Первой Воркуты и пребывание на ней без конвоя воспринималась заключенными как символ отторжения от лагерной жизни. Здесь можно было прикоснуться к обычной «долагерной» жизни, вдохнуть «воздух свободы». Американский исследователь лагерной жизни Воркуты Алан Баренберг в своих работах ссылается на воспоминания Олега Боровского, который в 1954 г. освобожден из лагеря. Первым «глотком свободы» стала для него воркутинская улица, где он на морозе в киоске купил кружку пива, а затем съел два эскимо, после чего почувствовал себя совершенно свободным человеком (*Barenberg*, 2014).

Маркирование городской улицы как символа личной свободы ушло в прошлое вместе с Первой Воркутой, но в дальнейшей истории города нового символического значения городские улицы не приобрели, поскольку в силу климатических особенностей данной территории, публичная функция воркутинской улицы была крайне ограниченной, что препятствовало как «фольклоризации» свободного/внелагерного городского пространства, так и обретению им многих смыслов. По официальным данным, в 1953 г. в Воркуте проживало 45 тыс. жителей, однако в численности жителей «спецконтингент» не учитывался, ибо НКВД проводила собственные переписи населения. За колючей проволокой в это время проживало 72,5 тыс. человек. В 1952 г. в подразделениях Воркутлага числилось 34 лагерных отделения и лагерных пункта. Но уже к 1959 г., т.е. спустя семь лет, численность жителей возросла до 179,4 тыс. чел. (*Воркута*, 2011). Однако, несмотря на то, что именно в пятидесятые годы начинает формироваться современный облик города с кирпичными домами и широкими проспектами, большая часть воркутинцев жили в прежних лагерных бараках (отсюда и их лагерная топография) и лишь меньшинство – в комфортных кирпичных или двухэтажных деревянных домах на четыре квартиры с минимумом удобств, а многие еще ютились в землянках на две семьи, построенных при шахтах, т.е. быт, по сути своей, оставался лагерным. В документальном фильме о лагерном театре Воркуты, демонстрировавшемся на республиканском телеканале Юрган «Заслуженный артист ГУЛАГа», дочь инженера-полковника Михаила Мальцева, возглавившего Воркутстрой НКВД СССР в 1942 г., Майя так характеризовала город начала 1940-х гг.: «Это был барачный город, се-

рый, бедный». А артистка этого театра Татьяна Лещенко-Сухомлинова в том же фильме еще менее лестно говорила о городе: «Мрачный город Воркута».

В 1954 г. была объявлена амнистия, следствием которой стало массовое освобождение заключенных из лагерей. В 1954–1958 гг. многие геологи, которые сидели в лагерях, смогли покинуть Воркуту, и на их место стали прибывать вольнонаемные специалисты, приезжавшие самостоятельно, или по распределению после окончания вузов. Однако не все освобожденные по амнистии лица могли уехать из заполярного города. В отношении одних действовали различные правовые и административные ограничения, не позволявшие уезжать из Воркуты. Многие боялись возвращаться на прежнее место жительства, а другим просто некуда было возвращаться, и они сознательно выбирали прежнее место заключения городом проживания. Это касалось как каторжан, так и «бытовиков».

В символическом плане Первая Воркута была городом без жителей, ибо для большинства заключенных (а равно и персонала лагерей) город не был своим, и все, кто здесь обитал, мечтали поскорее покинуть это место, как свидетельствуют воспоминания воркутинцев. В статистическом и демографическом плане можно было говорить о наличии горожан в Первой Воркуте, но в культурном отношении Воркута была городом без горожан и без общей городской идентичности, поскольку главным способом идентификации «горожан» (как заключенных, так и персонала ИТЛ) была принадлежность к конкретной ЗОНЕ.

«Золотой век» города. Вторая Воркута

Воркутинская идентичность стала формироваться только после разрушения «империи» ГУЛАГА, которое началось после смерти И. Сталина в марте 1953 г. Но поскольку вся экономика Воркуты строилась на использовании труда заключенных, процесс деконструкции лагерной системы и изменение характера организации труда на местных шахтах были сложными и заняли несколько лет. Помимо сложностей перехода от подневольного к вольнонаемному труду, от гулаговского наследия невозможно было быстро отказаться и по другой причине: в воркутинских лагерях оказалось довольно много тех, кто был осужден за измену родине и во время войны служил в войсках вермахта или военизированных формированиях, создаваемых немецкими оккупационными властями для поддержания порядка и борьбы с партизанами, а также «лесных братьев» из Прибалтики, бандеровцев с Западной Украины, пополнявших лагерь во второй половине 1940-х и в начале 1950-х гг. Этим людям долго нельзя было покидать Воркуту даже после освобождения из лагерей. Лишь к началу 1960-х гг. на шахтах перестали использовать труд заключенных, и Первая Воркута закончила свое существование. Началась

новая эпоха в истории города, хотя, по воспоминаниям воркутинцев, живших в городе в 1950–1960-е гг., еще в 1960-х гг. Воркуту продолжали называть «*городом эзков*».

С 1950-х гг. сюда стали массово направлять по распределению инженерные кадры, специалистов-геологов, присылали из других регионов опытных управленцев и работников правоохранительных органов. В Воркуту также потянулись на заработки шахтеры из прочих угольных бассейнов, особенно из Донбасса, откуда иногда переезжали целыми бригадами. Сюда ехали за так называемым «длинным рублем» не только шахтеры, но и люди других рабочих специальностей, желавших поправить свое материальное положение. И действительно, заработная плата в Воркуте, особенно у шахтеров, по советским меркам была очень высокой. Эта заработная плата позволяла содержать семью и не требовала того, чтобы жены шахтеров работали и пополняли семейный бюджет. Не работающие жены шахтеров, по сложившейся тогда местной традиции, должны были ждать прихода мужа-шахтера со смены, и когда он приходил домой обязательно ставили перед ним тарелку свежесваренного борща и наливали полстакана водки. Эти символические полстакана были своеобразной ревитализацией традиции «наркомовских ста грамм», которые наливали советским солдатам на фронте. Шахтеры, как и воины на фронте, представлялись героями, но только героями труда и бились они на трудовом фронте. Такое восприятие труда шахтеров было характерно не только для них самих, но и для жителей всего города, о чем свидетельствуют интервью с воркутинцами и ответы на вопросы анкеты «Моя Воркута» (опрос проводился в феврале-марте 2017 г.). Официальная пропаганда в СССР всячески поддерживала миф о шахтерах (и металлургах) как о героях труда и элите рабочего класса, свидетельством чего служит мифологизированный образ донецкого шахтера Стаханова, именем которого назвали движение передовиков социалистического производства.

Но по своему облику шахтерская Воркута первоначально никак не отвечала стандартам «образцового социалистического города». Только в 1950-е гг. стал формироваться современный городской центр, а с начала 1960-х гг. город начал стремительно развиваться: велось жилищное строительство, создавались новые предприятия, реконструировались шахты и обогатительные фабрики, улучшалось снабжение населения (фото 1). В эти годы город, наконец, выбрался из землянок, но не смог оставить в прошлом бараки. Хотя в целом к 1970-м гг. Воркута из города барачков превратилась в обычный советский город с типовыми панельными домами и такими же типовыми общественными сооружениями, бараки Первой Воркуты просуществовали на его территории до конца XX столетия.

Фото 1. Воркута, ул. Ленина. 1966 г.

Пространственная среда города окончательно сформировалась в 1950–1970-е гг. Вместо старых маломощных и плохо оснащенных шахт строились новые с большими объемами добычи и высоким уровнем механизации труда, возле каждой такой шахты возникал шахтерский поселок, который располагался довольно далеко от относительно компактного городского центра, где размещались городские власти, основные культурные и образовательные учреждения. Все поселки были связаны с центром 70-километровой кольцевой дорогой и составляли вместе с городом единое поселение – Воркутинский горсовет (позднее – Воркутинский городской округ). В его состав входили поселки Северный, Цементозаводской, Юр-Шор, Промышленный, Октябрьский, Заполярный, Комсомольский, Новый, Монтажный, Горняцкий, Северный, Советский, Воргашорский и другие. Шахта Воргашорская и поселок при ней были построены последними уже в 1970-е гг.

Воркутинский поселок был центром жизни для жителей Второй Воркуты, хотя как часть городского пространства он появился раньше. И именно из этих поселков выросла Вторая Воркута и именно в поселках родилась воркутинская идентичность. Поселок стал основой топографии города в его «золотой век».

В ментальной карте Второй Воркуты поселки воспринимались как некий круг поселений вокруг городского ядра, а потому в городском просторечии поселковые пригороды назывались «шахты по кругу», хотя никакого «круга» собственно не было, а шахта Халмер-Ю и поселок при ней, входившие в состав Воркутинского горсовета, вообще находились в 70 километрах к северу от Воркуты (рис. 3).

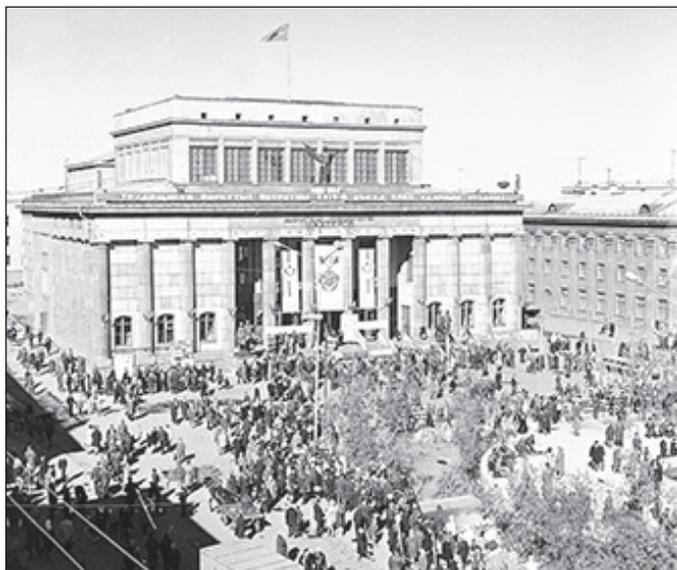

Рис. 3. Ментальная карта. Воркута – «шахты по кругу».

Но эта ментальная карта, сформировавшаяся в представлениях воркутинцев своеобразным образом цементировала городское сообщество, которое в пространственном плане было весьма фрагментировано, но в символическом осознавалось как единое. При формировании воркутинской идентичности определенно просматривается идея Уайта о путешествиях личности по сетевым сферам. Она формировалась по линии *поселковый житель* (член поселкового сообщества) – *шахтер* (член шахтерского сообщества, понимаемого весьма широко) – *воркутинец* (член городского сообщества воркутинцев).

Половина населения Воркуты проживала в поселках, но жители поселков не идентифицировали себя как отдельные городские сообщества и именовались воркутинцами. Часто в разговорах люди не пользовались официальными названиями поселков (Советский, Промышленный и т.д.), а просто говорили «у нас на поселке», невольно отмечая тем самым вторичность и малозначимость принадлежности воркутинца к конкретному поселку. Важнее была его принадлежность к общему воркутинскому сообществу. Такой характер идентификации определялся профессиональной солидарностью и тем, что важнейшие символические события в жизни жителей поселков происходили в городском центре. Здесь в городском парке, возле спорткомплекса «Олимп» и на центральных улицах устраивались праздничные мероприятия в День шахтера и День геолога (главные городские праздники), проходили демонстрации 1 мая и 7 ноября, т.е. в День солидарности трудящихся

и в годовщину Великой Октябрьской революции, сюда стекался народ на новогодние торжества (фото 2). С железнодорожного вокзала и из аэропорта начинались дороги в пионерлагеря, на южные курорты и к родственникам, которые проживали в других регионах страны. Во Дворце шахтеров устраивались концерты столичных артистов и т.д.

*Фото 2. Ярмарка ко Дню шахтера на площади
возле Дворца культуры шахтеров. 1973 г.*

Массовый переход к вольнонаемному труду позволил героизировать труд шахтеров и маркировать саму Воркуту не как «столицу ГУЛАГа» и не как город униженных и обездоленных, а как город первопроходцев Севера. Советская мифология изображала граждан СССР как «новую историческую общность людей», а советского человека как особый тип личности, для которой ратный или трудовой подвиг является нормой (*Кара-Мурза, 2000*). Одним из таких подвигов называлось «покорение Севера». Поэтому героика «покорения» стала основой не только общей северной мифологии, но и локальных городских мифов. Согласно воспоминаниям бывших воркутинцев, которые жили в городе в эпоху его расцвета, шахтеры и все воркутинцы воспринимались ими как *сообщество покорителей Севера*. Но именно шахтеры признавались основой воркутинского сообщества. В одной из анкет, которые заполнялись воркутинцами в 2017 г. в рамках реализации проекта «Моя Воркута», по этому поводу респондент написал кратко: *«Шахтеры – люди героической профессии, основа нашего города»*.

Начиная с 1950–1960-х гг. в город приезжали в основном вольнонаемные работники, завербованные специальными вербовочными командами. Вербовка проходила в основном в военных частях, среди призывников, отслуживших срочную службу. При этом предпочтение отдавалось тем, кто смог получить в армии хорошую рабочую специальность. Поскольку большая часть жителей страны в тот период проживала на селе, для многих молодых людей в 1950-е гг. вербовка «на стройки» и «на севера» была единственной, по сути, возможностью получить паспорт и начать строить карьеру вне родной деревни.

Альтернативой могли быть только сдача военного билета и возвращение в родной колхоз. Вербовались «на Воркуту» обычно группы бывших однополчан, у которых в ходе службы сложились приятельские отношения (дружба между членами таких групп впоследствии сохранялась на всю жизнь и иногда переходила в следующее поколение). Такие переселенцы обычно имели очень ограниченный опыт переездов и путешествий и слабо представляли себе куда они едут. Поскольку вербовка проводилась в военных частях, поселенцы оказывались родом из различных регионов, были смешанными в культурном, национальном и языковом отношении, какие-то ясные межрегиональные миграционные связи в этот период проследить не удалось. В Воркуте они получали работу на шахтах, в строительстве, на транспорте, для которой в ту пору не требовалось очень высокой квалификации. Квалифицированных кадров в городе в это время катастрофически не хватало – как и по всей стране. В эти годы мужское население в городе сильно преобладало над женским, поэтому характерной практикой было отправляться за невестами в родную деревню (или, иногда, в деревню армейского друга) и привозить жен оттуда.

В 1970-х и первую половину 1980-х гг. Воркута продолжала активно расти, однако характер трудовой миграции изменился. Если в предыдущий период приток населения был в значительной мере недифференцированным и, более того, фактически любой житель страны мог приехать в город и устроиться в нем на работу, то с начала 1970-х гг. получение воркутинской прописки сопровождается все большими и большими сложностями. Поэтому основная часть новопоселенцев Воркуты в этот период пребывает по рабочим путевкам либо по распределению из высших и иногда из средних специальных учебных заведений. Разнарядки на распределения и рабочие путевки давались по специальностям, в которых город в данный момент испытывал нужду; что еще более интересно, они давались в определенные и всегда в одни и те же учебные заведения. Видимо, это как-то отражало представление административных органов о том, где кадров нужных специальностей больше и где они смогут лучше адаптироваться к условиям Воркуты. В результате сложилась интересная ситуация, когда среди людей

определенных профессий в Воркуте преобладали земляки, либо выпускники определенных учебных заведений. Так, например, среди воркутинских медиков преобладали выпускники Ярославского медицинского института (позже – академии), среди работников почты – выпускники Архангельского училища связи. Поскольку в 1970-х гг. предприятие «Воркутауголь» активно расширялось, местных трудовых ресурсов не хватало и в угольной отрасли. Их восполняли по рабочим путевкам в основном выходцами с Донбасса – востока Украины. Так, очень много выходцев оттуда прибыло в город в конце 1970-х гг. для работы на только что сданной в эксплуатацию шахте «Воргашорская», из-за чего поселок «Воргашорский», по воспоминаниям информаторов, был «хохлацким». «Хохляцкая» диаспора стала, таким образом, второй (после немецкой) этнической диаспорой Воркуты (*ПМА Истомина*).

Очевидно, что как культурная среда, так и личные судьбы жителей города были во многом сходны, хотя эти жители принадлежали к разным этническим и религиозным сообществам, имели разные профессии до своего ареста (*имея в виду бывших узников ГУЛАГа*), разный уровень образования и принадлежали к разным слоям общества. Помимо личных судеб, объединяло воркутинцев и производство, ибо вся жизнь города была связана с углем. Одни занимались геологоразведкой и подготовкой новых угольных полей для разработки, другие вели добычу и обогащение угля, третьи занимались его транспортировкой, четвертые учили детей шахтеров и геологов в школах.

Именно принадлежность к одному общему делу, социально-профессиональная солидарность стали в последующие годы основой для формирования специфической воркутинской идентичности.

В экспозиции городского краеведческого музея, на городских сайтах и в воспоминаниях самих воркутинцев эпоха 1960–1970-х гг. предстает как «золотой век» Воркуты (хотя мало кто из воркутинцев именно так называет это время), когда население города и окрестных поселков постоянно росло, а жизнь в нем была достаточно комфортной для жителей. Воркута во многих отношениях опережала республиканскую столицу: здесь появилась первая в республике студия телевидения, единственный в Коми театр кукол, здесь работали лучшие кондитеры, ехавшие сюда из Ленинграда зарабатывать большую пенсию (приезжавшие в Воркуту чиновники из Сыктывкара обязательно покупали торты местного производства для своих семей), это был единственный город в Коми (помимо столицы), где был свой драматический театр, гастроли многих московских певцов, киноактеров и эстрадных исполнителей проходили здесь чаще и раньше, чем в столице республики. В этом смысле показательно, что столице Республики Коми Сыктывкару посвящено совсем немного стихов и песен, в то время как поэтический образ Воркуты и воркутинцев отражен во многих поэтических

произведениях местных (и бывших местных) литераторов (*Высокие широты*, 2007), в целом ряде стихов и песен (Стихи и песни), а формирование символического городского текста началось еще в Первой Воркуте, поскольку в воркутинских лагерях сидело довольно много творческих людей. Эти произведения обобщены на магнитоальбоме «Песни о Воркуте», на компакт-диске «Моя Воркута» и в нескольких поэтических сборниках, а также на различных сайтах (*Сиротин*).

Обычная культурная оппозиция «столица – провинция» или столица официальная и столица неофициальная в Коми приобрела еще и этнокультурное содержание. Как Петербург культурно противопоставлен Москве, так в Коми Воркута стала символически противопоставляться Сыктывкару. Апофеозом этого противопоставления явились заявления лидеров воркутинских шахтеров в начале 1990-х гг. о возможном выходе Воркуты из состава республики, ставшие реакцией на лозунги о приоритете «коренного народа» и т. п. (*Шабаетов*, 1998).

Представления воркутинцев о культурной карте республики сводились к маркированию этнической границы и определению места своего города в культурном пространстве Севера. По поводу границы в Воркуте обычно говорили: «Коми живут до Ухты, а дальше – русские». Таким образом, Сыктывкар символически маркировался не как общереспубликанская столица, а как некий центр комиязычного юга республики.

Жители Воркуты территорию республики условно делили на два этнокультурных анклава: русский индустриальный север и аграрный юг и центр, которые воспринимались как коми территория. Заполярная Воркута в каком-то смысле воспринималась как неформальная «столица» севера республики. Воркута была городом многоэтничным, но отношение к коми в Воркуте, как и в других северных городах РК, возникавших первоначально как лагерные поселки, было сложным и порой негативным. Поэтому не случайно местные коми, по их собственным воспоминаниям, в 1950–1970-е гг. боялись говорить на родном языке и часто скрывали свою этническую принадлежность. Такое отношение диктовалось лагерным прошлым многих жителей Воркуты, ибо в охране лагерей, как сказано выше, было много коми, и этот факт не мог не закрепиться в памяти бывших узников, которые часть обиды за годы заключения переносили на титульную этническую группу республики, на все местное, на саму республику в целом, которая воспринималась как «большая тюрьма». Не случайно в Воркуте не читали республиканских газет, позднее не смотрели республиканские телепрограммы и не интересовались жизнью республики. Символическое исключение города жителями Воркуты (а также других северных городов и поселков) из ментальной карты республики привело в итоге к тому, что в республике Коми не сложилось какой-то прочной и очевидной региональной идентичности, что доказали наши более поздние исследования. При этом Воркута по составу жителей была го-

родом интернациональным, как отмечают многие респонденты. И не случайно коми молодежь тянулась в Воркуту.

В первом экономико-географическом описании Коми АССР по поводу этнического состава Воркуты сказано следующее: «Преобладающее население Воркуты – русское. Коренной национальности – коми – особенно много среди молодежи. В Воркутинском горном техникуме, например, 1/4 студентов составляют коми (Шишкин, 1959: 174).

Крупнейшими этническими группами в составе населения города всегда были русские и украинцы, но в составе горожан было также много белорусов, татар, немцев, евреев, представителей народов Кавказа. Ныне этнический состав населения меняется, но с учетом современной социальной ситуации, которая складывается в городе, получить абсолютно достоверные данные о его населении, на наш взгляд, не представляется возможным (табл. 1).

Таблица 1

Основные этнические группы населения г. Воркуты по данным переписей населения, %¹

Этнические группы \ Годы	Коми	Русские	Украинцы	Татары	Другие
1959	3,0	62,4	17,3 – 17,3		
1970	2,9	67,2	14,8	2,8	12,3
2002	1,9	71,6	10,7	3,6	10,1
2010	1,5	66,5	6,8	2,5	22,7

Воркута культурно тяготела к центральной России и, в первую очередь, Ленинграду, на который изначально был ориентирован ее производственный комплекс, основанный на угледобыче. К тому же историческая память воркутинцев не позволяла им в культурном отношении ориентироваться на Москву, поскольку столица ассоциировалась с властью, создавшей империю ГУЛАГа, а еще в 1960-е гг. большую часть жителей города, как сказано выше, составляли бывшие узники сталинских лагерей (Гольц, 1992). Эта ориентация нашла отражение в песенном фольклоре, в частности, в словах популярной в советскую эпоху «зэковской» песни:

«По тундре, по железной дороге,
Мчится курьерский «Воркута–Ленинград»

(С фонограммы Юрия Никулина и Эдуарда Успенского, CD «В нашу гавань заходили корабли» № 2, «Восток», 2001).

¹ Согласно данным переписи населения 2010 г., (рассчитано нами по данным Комистата).

Далекий Ленинград становился символом свободы и вольной жизни. Не случайно дома на центральных улицах города Московской и Ленина построены по проектам ленинградской школы архитекторов в стиле советского классицизма. Одна из центральных улиц города вполне закономерно названа Ленинградской и в ее начале стоит памятник известному ленинградскому революционеру С.М. Кирову, подаренный воркутинцам ленинградцами.

Другим «центром притяжения» воркутинцев был юг страны. В Сочи, Геленджик, в Крым начиная со второй половины 1960-х гг. выезжали и семьи шахтеров, и другие воркутинцы на отдых. Людям, большая часть которых родилась не на Севере, хотелось видеть много зелени и яркого солнца, купаться в теплом море и есть свежие овощи и фрукты. Поезда Воркута–Адлер и Воркута–Симферополь были самыми востребованными, начиная с мая и заканчивая сентябрем, то же самое касалось и аналогичных авиарейсов. На юге были созданы пионерские лагеря, санатории и профилактории, которые принадлежали объединению «Воркутауголь». Поскольку большую часть детей в эпоху Второй Воркуты вывозили на все лето в пионерские лагеря или к родственникам в более благоприятные с климатической точки зрения регионы, постольку Воркута пустела. Это особенно бросалось в глаза тем, кто впервые приезжал в город.

Одна из наших респондентов по этому поводу написала: *«Когда я приехала в Воркуту летом 1983 г., меня поразило то, что здесь вообще не было пожилых людей, и очень мало встречалось детей».*

Часто жены и дети прилетали в Воркуту только в сентябре, когда здесь нередко уже шел снег. И тогда встречающие их мужья и отцы, нарушая правила, приходили прямо к трапу самолета и укутывали жен, которые прилетали с юга в летних платьях, сразу в шубы, таким же образом поступали с детьми. Лето кончалось за бортом самолета, а у его трапа сразу же наступала воркутинская зима.

Воркута – это переселенческое сообщество, причем сообщество временных переселенцев, ибо, как и во многие другие города Севера, люди приезжали сюда на 3–5 лет, а оставались на 20–30 и лишь с выходом на пенсию большинство переселенцев из других регионов страны покидало город. Стратегия переселения из Воркуты в связи с выходом на пенсию или завершением трудовой карьеры в Заполярье, как выяснил в ходе полевых исследований К.В. Истомина, радикально меняется. Прежде воркутинцы возвращались в поселения исхода – это были чаще всего небольшие города или села, где у них оставались родственники или родители.

Еще одним направлением исхода прежде были теплые южные регионы (в основном Краснодарский край), куда после выхода на пенсию старались перебраться воркутинцы. И в городской мифологии даже сложилось представление о том, что эта тяга пенсионеров к югу очень опасна для них, ибо,

прожив большую часть жизни в Заполярье, те, кто покупает себе квартиру на юге и переезжает туда, долго не живут.

Сегодня стратегия иная: часть шахтеров уезжает в Белгород, где построен целый микрорайон, который получил название «Заполярный». Сюда в 1990-е и начале 2000-х гг. по государственной программе переселения северян выезжали горняки из Норильска и Воркуты. С тех пор Белгород и Белгородская область стали центром постоянного притяжения воркутинцев. Другие покупают квартиры в Санкт-Петербурге и Москве, куда сначала уезжают на учебу их дети, а затем перебираются и родители. Наконец третьи планируют переезд на юг – в Краснодарский край, Крым (*ИМА Истомина К.В.*).

Ограниченное публичное пространство Второй Воркуты и его строго формализованный характер (производства, школы, библиотеки, дома культуры) давали мало возможностей для неформального самовыражения молодежи. Тем не менее такое характерное явление конца 1970-х – начала 1980-х гг. как молодежные уличные группировки возникали по поселковому признаку и в Воркуте. Характерно, что ни сами воркутинцы, ни исследователи этого явления (*Молодежные*, 2009; *Громов*, 2010) не обратили внимания на воркутинские группировки. Дело в том, что в отличие от казанских, люберецких, муромских и иных группировок, воркутинские реализовывали себя не в собственном городе, а за его пределами (благо деньгами родители их снабжали). Сыктывкарская пресса нередко писала о «набегах» воркутинской молодежи, которая устраивала здесь кутежи и пыталась спровоцировать беспорядки. Помимо Сыктывкара воркутинские группировки наведывались в Москву, Нижний Новгород и другие города. Эти группировки тоже, вероятно, можно рассматривать как некое «социальное эхо» эзковской Воркуты, но, как и многие другие явления воркутинской жизни, они оказались практически неизученными.

Если говорить о городской идентичности, то именно в «золотой век» города окончательно сформировалось прочное тождество воркутян/воркутинцев со своим городом и с его жителями, укрепилась их гражданская солидарность. Все нынешние и бывшие воркутинцы отмечают, что они жили дружно с соседями, что в городе царил атмосфера дружелюбия (если оставить за скобками отношение к коми) и взаимопомощи. Этому в значительной мере способствовала общность личных судеб и интересов, о чем сказано в «Гимне старых воркутян»:

«Одна судьба, одна беда
Связала прочно нас.
Забыть не можем никогда
Той дружбы без прикрас.
Одной мы ложкой ели,
Одни мы песни пели» (*Зимина*, 2007: 9).

Другой основой гражданской солидарности и воркутинской идентичности являлась социально-профессиональная однородность населения, большая часть которого так или иначе работала на общее дело. Солидарность воркутинцев часто проявлялась совсем неожиданно и в самых разных ситуациях. Если в советские годы авиарейсы из Воркуты в Москву необоснованно сажали в сыктывкарском аэропорту (порой для того, чтобы загрузить туда какого-нибудь партийного начальника или наоборот высадить его), то все воркутинские пассажиры дружно требовали продолжения полета и сокращения времени стоянки. Если у воркутинцев возникали проблемы в местах летнего отдыха, то он всегда мог найти поддержку у отдыхающих здесь же горожан. Эта солидарность нередко воспринималась со стороны иначе, но она была очевидной и именно она впоследствии стала основой для превращения Воркуты в один из центров рабочего движения в СССР, а затем и постсоветской России.

От «столицы мира» к городу-призраку. Третья Воркута

Во второй половине 1980-х гг. город вступил в новый период своего развития. Этот период характеризовался важными событиями в жизни Воркуты и всей страны и превращением города в некий символ рабочего движения России.

Упадок плановой советской экономики и превращение нефтяной и газовой промышленности в основу энергетики страны привели к тому, что угольная отрасль утратила свой элитный статус, который она имела в прежние советские годы. За этим последовало изменение социального статуса работников угольных предприятий, которые по уровню доходов и социальных благ начали уступать нефтяникам и газовикам. Северные зарплаты и выплаты к концу 1980-х гг. уже с трудом покрывали расходы, связанные со сложившимся северным образом жизни. Рост заработных плат на Севере практически остановился, а цены и издержки семей продолжали расти. При этом воркутинские семьи не могли иметь других доходов (от дачных участков, сдачи жилья внаем и др.), кроме денег, которые они зарабатывали на производстве.

В конце 1980-х гг. резко ухудшилось положение на потребительском рынке и снабжение Воркуты, рубль стал быстро утрачивать функцию средства платежа, а горбачевские реформы привели к попыткам перевода шахт на хозрасчет, что сразу же отразилось на материальном положении шахтеров и членов их семей. Наступившая в это же время «эпоха гласности», позволила сделать публичным достоянием гулаговское прошлое Воркуты, и героический миф о покорителях Севера оказался отодвинутым на второй план и перестал быть основой городской мифологии. По этому поводу профессор

В.И. Ильин заметил следующее: «Воркута возникла как гигантский концлагерь, в котором политические заключенные смешались с уголовниками. В результате возникла духовная атмосфера устойчивого антикоммунизма и недоверия к государству. Большинство жителей СССР открывали для себя страшные тайны сталинского ГУЛАГа через газеты и журналы, раскрепощенные в период гласности. Воркутинцы же всегда жили на костях заключенных, на каждом шагу наталкиваясь на памятники страшной эпохи. Население города после свертывания ГУЛАГа существенно обновилось, но дух города-концлагеря не исчезает со сменой его обитателей, он передается по наследству. В Воркуте даже стены домов учили антикоммунизму» (*Ильин, 1998: 10*).

Шахтерская и воркутинская солидарность, сформировавшаяся в предшествующие годы, политическое раскрепощение и «дух антикоммунизма» вместе с резким ухудшением материального положения шахтеров во второй половине 1980-х гг. привели к росту недовольства и развертыванию рабочего движения в Воркуте. 21 января 1989 г. возникла правозащитная организация «Солидарность», которую возглавил рабочий шахты «Комсомольская» Н.Н. Сеничкин, и которая стала выпускать самиздатовский «Вестник Солидарности», но это был лишь предвестник массового шахтерского движения.

Первая забастовка произошла в марте 1989 г. на шахте «Северная», которая годом ранее была переведена на хозрасчет. В своей телеграмме, отправленной в Центральный Комитет КПСС, рабочие потребовали выплаты действительной заработной платы, установки твердых расценок на добытый уголь, пересмотра норм выработки, сокращения управленческого аппарата шахты. Местными и республиканскими властями это событие рассматривалось как экстраординарное, и не случайно в Воркуту срочно вылетел министр угольной промышленности СССР М. Щадов. Летом того же года начались забастовки в Кузбассе, и партком воркутинской шахты «Северная» принял решение поддержать бастующих шахтеров, то же самое сделали и на «Комсомольской». Попытки партийных органов поставить нарождающееся рабочее движение под свой контроль успехом не увенчались. Когда летом забастовала шахта «Халмер-Ю», расположенная в семидесяти километрах к северу от Воркуты, ее поддержали на «Воргашорской», затем на «Комсомольской», а к 21 июля бастовало большинство шахт воркутинского угольного бассейна. В ходе этой забастовки встала проблема самоорганизации шахтеров. 20 июля на «Воргашорской» собрались представители стачкомов всех шахт и здесь был создан Воркутинский межшахтный забастовочный комитет. 21 июля на городском стадионе состоялся многотысячный митинг, на котором были зачитаны требования шахтеров, подготовленные городским стачкомом. Перечень требований включал 43 пункта как политического, так и экономического характера. Но начинался этот документ с по-

литических требований, среди которых была отмена выборов в Верховный Совет СССР от общественных организаций, отмена статьи Конституции о руководящей и направляющей роли коммунистической партии, требование разработки такой экономической модели, которая бы позволила вывести страну из кризиса, ликвидация объединения «Воркутауголь», возвращение северных надбавок и коэффициентов, улучшение оплаты труда, установка пенсий шахтерам в размере 70% от их заработка, улучшение снабжения Воркуты и другие (Ильин, 1998:38-40). Характерно, что шахтеры Кузбасса и Донбасса заявляли о солидарности с воркутинскими коллегами, но не выдвигали политических требований во время летних забастовок. Власти страны обещали выполнить шахтерские требования, но в октябре министр угольной промышленности издал приказ, запрещающий выплачивать заработную плату освобожденным членам стачкомов. В ответ на это и попытки местных властей оказать давление на шахтеров 25 октября в Воркуте состоялась однодневная политическая забастовка. Затем членов стачкомов шахт попытались привлечь к суду, что вызвало новую волну митингов и забастовок. В конце 1980-х началась эрозия партийных организаций Воркуты (местным коммунистам порой прямо говорили: «Мы скоро вас коммуняков вешать на столбах будем») и официальных профсоюзов, а в 1990 г. был создан Независимый профсоюз горняков Воркуты (на шахте «Воргашорской» был создан свой НПГ, независимые профсоюзы появились и на некоторых других шахтах), и профсоюзные лидеры стали заметными политическими фигурами. Не случайно в начале 1990-х гг. шахтерские лидеры говорили, что они могли открывать двери московских министерских кабинетов пинком. И не случайно в конце 1993 г. перед выборами в Воркуту приезжал премьер Е. Гайдар, первый президент России Б. Ельцин в мае 1996 г. в ходе своей предвыборной кампании также посещал Воркуту, где лидеры НПГ поддержали избрание Ельцина на второй президентский срок.

Параллельно с НПГ продолжал действовать и официальный профсоюз работников угольной промышленности, который активно занимался делом поступавших в Воркуту по бартеру товаров, путевок, ремонтом домов культуры. Активизация рабочего движения привела не только к его политизации, но и к обострению конфликтов внутри трудовых коллективов, нередко с администрацией шахт, ибо наиболее частым требованием было сокращение управленческого персонала и ИТР.

Трудовые конфликты и забастовки продолжались до конца 1990-х гг. и самыми крупными акциями была трехмесячная забастовка на «Воргашорской» в 1998 г., сидение на горбатом мосту возле Дома Правительства в Москве с июня по октябрь в том же году. Главными требованиями тогда были ликвидация задержек заработной платы, которые достигали нескольких месяцев.

В начале 1990-х гг. Воркута жила за счет бартера. В обмен на поставляемый уголь закупались продукты питания, электроника, автомобили и другие товары, которые затем распределялись среди шахтеров. Поэтому часть заработной платы они получали в натуральном виде. В счет поставок угля в разных регионах страны для воркутинцев строились также квартиры. Бартер и бартерные схемы поставок угля были вынужденной мерой в условиях, когда рубль перестал быть платежным средством, в ситуации тотального дефицита, характерной для позднесоветского и раннего постсоветского периодов. Но эти схемы породили еще одно явление – так называемое «крышевание бизнеса». Ко второй половине 1990-х гг. теневой и часть легального бизнеса в Воркуте контролировали две теневые структуры. Ядро первой, возглавляемой братьями Владимиром и Олегом Ифа, составляли спортсмены, «афганцы» и бывшие сотрудники милиции. Основу второй, возглавленной братьями Анатолием и Александром Харуками, составляли те, кто уже отсидел и вернулся на волю» (Ильин, 1998: 122–123).

Так, параллельно с шахтерской Воркутой заявила о себе (хотя она всегда существовала в тени города трудовой славы) еще и «гангстерская», структуры которой просуществовали довольно долго и, например, следствие по делу организованной преступной группировки «Ифа-Козлова», действовавшей, как писала республиканская пресса, в стиле известных героев фильма «Крестный отец» (Гангстерская Воркута, 2014) было завершено только в 2013 г. (В Коми).

С 1993 г. бартер себя изжил, а воркутинские шахты в связи с переходом к рыночному регулированию столкнулись с суровыми реалиями свободного рынка. Оказалось, что в условиях рыночной свободы продукция воркутинских шахт является низкорентабельной, а издержки производства были очень большими. Городское хозяйство также в условиях рынка демонстрировало свою неэффективность, что вело к последовательному росту долгов города. Поэтому власти находились в постоянном поиске и выбивании дотаций.

Выход из сложной экономической ситуации виделся в том, чтобы радикально сократить численность населения города, закрыть нерентабельные шахты и другие производства. В 1993 г. правительство принимает специальную программу санации угольной промышленности. Предполагалось закрыть 42 неперспективные шахты по всей стране, но первой должна быть закрыта шахта «Халмер-Ю» (которую называли «шахтой алиментщиков»). Программа санации разрабатывалась в сотрудничестве с международными финансовыми институтами – мировым банком реконструкции и развития (МБРР) и Всемирным банком. Они подготовили рекомендации по реструктуризации угольной промышленности России, они же финансировали закрытие шахт, переподготовку шахтеров, а также переселение воркутинских шахтеров, которых увольняли с закрываемых шахт, в другие регионы страны.

В феврале 1996 г. Межведомственная комиссия по социально-экономическим проблемам угледобывающих регионов утвердила программу социально-экономического развития и реструктуризации производства Печорского угольного бассейна. К 2000 г., согласно этой программе, предприятия угольного бассейна должны были выйти на рентабельный уровень производства и перестать получать государственные дотации, а население города должно было в течение довольно короткого времени радикально сократиться.

Сами воркутинцы рассчитывали только на то, что их переезд в более благоприятные регионы оплатит либо государство, либо Всемирный банк. Но процедура предоставления компенсаций на переезд, определение категорий жителей, которым в обязательном порядке должны быть предоставлены компенсации, организация переселения были связаны с многочисленными проблемами, которые решались очень тяжело и часто не в пользу воркутинцев.

Первой, как и предполагалось, была закрыта шахта «Халмер-Ю» и осенью 1995 г. был официально ликвидирован поселок при шахте (в нем проживало прежде около 5 тыс. чел.), хотя здесь еще оставалось жители. «Окончательная ликвидация Хальмер-Ю проходила с помощью ОМОНа. Вышибались двери, людей насильно загоняли в вагоны и вывозили в Воркуту. Отсутствие энтузиазма у части последних жителей поселка вполне понятно: новое жилье им еще не предоставили, некоторые получили недостроенные квартиры. Переселение же их в общежития и гостиницы Воркуты делало их заложниками обещания властей, которым мало кто верил» (*Ильин*, 1998: 202–203). Второй в очереди на закрытие оказалась шахта «Промышленная», работники с которой должны были быть переведены на другую неперспективную шахту «Юр-Шор». Поскольку скорое закрытие шахты не планировалось, оно стало осуществляться явочным порядком, что вызвало серьезный трудовой конфликт. Забастовщики потребовали, чтобы всем, кто проработал на шахте 10 и более лет, были предоставлены квартиры в центральной России. Эти требования были неоднозначно восприняты другими шахтерскими коллективами, ибо рассматривались как попытка урвать непомерно много из общего фонда квартир, предоставляемых Воркуте. Конкуренция за квартиры и прочие обещанные властями блага, которая впоследствии только усугублялась, привела к тому, что гражданская солидарность воркутинца, а вслед за этим и сформировавшаяся воркутинская идентичность стали разрушаться. И чем активнее происходил процесс ликвидации шахт и поселков, тем меньше образ воркутинцев как городского сообщества напоминал прежний, и не случайно очень часто и жители самой Воркуты, и те, кто знал ее прежней, стали говорить: «Воркутинцы уже не те...». Вместе с переменами в городской идентичности, вынужденно менялся и образ жизни воркутинцев, ибо многомесячные за-

держки заработной платы не позволяли выезжать в отпуска на юг, поддерживать высокий уровень личного потребления и т.д.

За 20 лет реализации программы реструктуризации население города и поселков сократилось почти втрое. Своего пика численность жителей в Воркутинском горсовете достигла в 1992 г. – 219 тыс. чел. К началу 2019 г. в Воркуте вместе с поселками насчитывалось 70,5 тыс. жителей. Собственно, в Воркуте проживало около 55 тыс. чел. При этом в городе довольно много «мертвых душ», ибо часть его «жителей» лишь прописаны в Воркуте, а реально уже давно живут в других городах. В сюжете про Воркуту, который был показан на информационном канале «Россия-24» в конце 2019 г. заявлялось, что в городе может быть 15–20 тыс. «мертвых душ», в числе которых люди, ждущие от государства субсидий на переезд в более благоприятные регионы страны, пенсионеры, которые боятся потерять высокую северную пенсию и т. д. И это символично: «умирающий город» наполнен не только «мертвыми домами, но и «мертвыми душами».

Фото 4. Воркута сегодня.

Разрушалась и сформировавшаяся в предшествующие годы пространственная среда города – так называемая модель «шахты по кругу». Поселки городского типа Советский и Цементозаводской были преобразованы в микрорайоны города, и в них проживало по две тысячи человек. Поселки Рудник, Халмер-Ю, Строительный, Южный, Монтажный были упразднены, а в поселках Промышленном, Октябрьском, Мульда, Юр-Шор не было ни одного жителя. После закрытия в связи с аварией в начале 2017 г. шахты «Северная» в Воркуте оставалось всего четыре шахты и один открытый угольный разрез. Ныне власти города планируют оставить в составе городского округа только два поселка – Северный и Воргашор. Тем самым «советская Воркута» (Вторая Воркута) будет полностью разрушена.

Резко изменились и общественные настроения. Сегодня многие уже не верят в перспективы развития города, хотя после того, как компанию «Воркутауголь» приобрела «Северсталь», были вложены дополнительные инвестиции в развитие шахт, разработаны проекты строительства двух новых шахт, но кризис 2008 г. и последовавшая за ним стагнация заставили отложить планы развития Воркуты на неопределенный срок. Теперь все надежды ее жителей связаны с тем, что правительство разработало программу социально-экономического развития Арктической зоны, куда включена Воркута. Эта программа, как надеются специалисты, даст определенный стимул для развития арктических городов и поможет притоку в город дополнительных инвестиций. Определенные надежды связаны также с приданием городскому округу статуса Территории опережающего развития.

Но тем не менее современная Воркута – это кризисное поселение со множеством проблем и не случайно в многочисленных публикациях рунета, посвященных этому городу, порой говорится о нем, как о «Северном Чернобыле». Реалии Третьей Воркуты заезжим человеком нередко воспринимаются как некий сюрреализм: «Пустые окна брошенных домов с недоверием глядят на гигантский плакат «Единой России». «Больше угля Родине», «Олимпийские надежды растут в Воркуте», «Мы вместе создаем будущее», «Воркута – жемчужина Севера». «Воркута добывает будущее России» – плакаты с лозунгами будто бы удерживают эту реальность от распада, пытаются убедить, что есть хоть какой-то смысл во всем этом безумии» (Исаков, 2011). В городе, как сказано выше, много пустующих квартир (по словам властей – 5 тысяч), а их стоимость на рынке упала до минимума. Трехкомнатная квартира в стандартной панельной пятиэтажке стоит порядка 60 тыс. руб. и все равно продать ее почти невозможно, поскольку нет спроса. Очень большая часть населения города перестала платить за коммунальные услуги, и долги по коммунальным платежам в городе самые большие в республике. Это связано с тем, что, во-первых, резко упал жизненный уровень воркутинцев. Во-вторых, люди полагают, что если за долги у них отберут квартиру, то это не страшно, поскольку квартира все равно стоит очень недорого, а у большинства жителей преобладают «чемоданные настроения», т.е. желание поскорее выехать из города и перспектива лишиться крыши над головой их не пугает, хотя по закону единственное жилье все равно отобрать за долги нельзя. Желание выехать в город своей мечты, т.е. туда, где будет тепло, много зелени, приемлемые цены на товары первой необходимости и перспективы развития есть доминанта социальных ожиданий современных воркутинцев:

«Уже семь лет, как Алексей присоединился к армии инвалидов, пострадавших на шахте в результате аварий. Были раздроблены 20 костей – шесть месяцев в больничной палате и три года реабилитации. Вроде бы ничто больше не держит Алексея в Воркуте. Ради будущего детей, ради их учебы

и ради самих себя Алексей и Людмила методично откладывают деньги, чтобы в один прекрасный день уехать из Воркуты и поселиться на юге, поближе к родителям Алексея. Их друзья и родственники строят те же планы. Многие уже оставили Воркуту. А те, кто приезжает работать на газопроводе, который строит «Газпром», не селятся в городе, живут в строительных вагончиках. После работы, спустя месяц-другой, возвращаются домой» (Исаков, 2011).

Вновь обратившись к мнению Уайта о том, что идентичность формируется через несколько этапов сетевого социального взаимодействия, как некое «путешествие» личности по «сетевым сферам», мы можем утверждать, что этого «путешествия» сегодня нет, и социальные связи в воркутинском обществе ослаблены, а потому разрушаются и воркутинская идентичность, и шахтерская солидарность. Сама идентичность перестала носить позитивный характер, а образ города в связи с этим в вербальном плане для большинства воркутинцев представляется как «умирающий город». Образ умирающего города строится на социальных реалиях: исторический центр города – поселок Рудник – с которого начиналась Воркута, заброшен и обезлюдел. В городе, наконец, исчезли бараки, и всех людей из них переселили в панельные дома, откуда выехали жильцы. Но и в этих домах значительная часть квартир пустует, что создает дополнительные проблемы для коммунальных служб. Поскольку разрушено «золотое кольцо» Воркуты» («шахты по кругу»), постольку вместе с ним разрушены прежние представления о городе и городском сообществе, а потому ментальная карта современной Воркуты в представлениях воркутинцев приобрела линейный и ограниченный локальный смысл (место жительства – место работы).

Для тех, кто по делам приезжает в город сегодня, ощущение заброшенности поселения также вполне очевидно. В Воркуте не ведется новое строительство, а его архитектурный и символический облик – это слепок с советского прошлого. Всюду на крышах зданий советские лозунги, воспевающие трудовой подвиг шахтеров («Больше угля – Родине», «Богатства недр – Родине», «Покорителям Заполярья – Слава») или штампы советской пропаганды «Слава КПСС!» (*Воркута – советские артефакты*). В городе нет автомобильных пробок, как в других городах Коми, ибо Воркута до сих пор не связана с общей сетью автомобильных дорог. Жилой фонд ветшает, участились аварии на коммунальных сетях, порой очень серьезные. Но в социальных сетях Воркута существует, и здесь она является более «живым» городом, нежели реальное городское поселение.

Очень характерно то, как сегодня формируется население города и трудовые коллективы шахт. Значительную часть современных воркутинских шахтеров составляют те, кто бежал сюда из еще более проблемных городов и регионов. После закрытия последней шахты в соседней Инте, сюда пере-

ехала часть интинских шахтеров, но им пришлось столкнуться в Воркуте с другими экономическими беженцами. Сюда перебрались и осели работники киргизских горнорудных предприятий, которые не смогли успешно существовать после развала СССР. Помимо киргизов в Воркуту перебралось довольно много шахтеров с Украины, с шахт Донбасса, в основном после 2014 г., когда там начались военные действия (*Сбежавшие от войны*). Экономические беженцы прочно осели в Воркуте, обострили конкуренцию на рынке труда, поскольку у многих из них квалификация выше, чем у работавших на шахтах местных шахтеров. Прибытие экономических беженцев в определенной мере способствовало стабилизации городского сообщества, этому же способствовало и строительство военного городка на 500 жителей в связи с расширением оборонного значения города и созданием здесь новых объектов Минобороны. Но реальный стимул развитию города может дать только переход на инновационную модель развития и превращения Воркуты в логистический и сервисный центр всей Арктической Зоны Российской Федерации.

Очень существенно изменился и культурный облик городского сообщества и не только в этническом плане, но и в конфессиональном. Еще в 1956 г. бывшие воркутинские заключенные инженер Потехин Николай Александрович и протоиерей Баслык Евстафий Кондратьевич обратились от имени местных православных к патриарху Алексию с просьбой открыть в Воркуте православный храм или временный молитвенный дом, чтобы удовлетворить духовные потребности верующих и тем самым удержать население в заповедном городе (*Заявление верующих*). Но первые службы начались в Воркуте только в 1992 г. в помещении торгово-кулинарного училища, а в 1996 г. здесь был открыт православный приход Шахтерского района и его настоятелем назначен иерей Андрей Щербаков. В 1997 г. появился и первый постоянный храм. Строительство большого православного храма началось в 2005 г., а первая служба в нем была проведена в апреле 2008 г. Но ныне конфессиональный состав жителей значительно изменился, в нем существенно выросла доля мусульман, а потому не случайно, что вместе с православными храмами появился и молитвенный дом мусульман, а ныне строится мечеть. Председатель воркутинской городской организации мусульман имам-хатыб Махмуд Магомедов полагает, что сегодня 20–25% жителей – приезжие мусульмане и у города есть будущее (*Приймак*, 2019).

Однако перспективного плана развития Воркуты до сих пор нет ни у владеющей воркутинскими шахтами «Северстали», ни у властей республики, хотя очевидно, что необходима глубокая трансформация профиля города. Программа развития Воркуты по поручению Президента разрабатывается,

но насколько она будет эффективной и насколько ее удастся реализовать, сказать сегодня сложно.

А потому в смысле доминирующих общественных настроений Третья Воркута вернулась к своим истокам, ибо почти все жители Первой Воркуты жили мечтой о том, как когда-нибудь уедут из этого города в Заполярье.

Символика городского пространства

Замкнутость социального пространства города и его расположение в центре огромных неосвоенных пространств (территорий), специфическая его роль в жизни страны и в судьбах десятков тысяч граждан СССР и многих других стран (Польши, Германии, Литвы) привела к возникновению в Воркуте неких урбоцентристских настроений, символом которых стал лозунг, провозглашенный самым харизматическим воркутинским мэром Игорем Шпектором на торжественном заседании, посвященном 60-летию города: «Воркута – столица мира!».

Категория столичности не была каким-то сиюминутным лозунгом, рожденным в ходе торжественных праздничных церемоний и речей. Это было устойчивое восприятие города как некоего *центра освоенного арктического пространства* в недружественной к человеку природной среде. Поэтому появились и многие другие сходные символические обозначения города: «Воркута – шахтерская столица», «Заполярная кочегарка» (так первоначально называлась и городская газета «Заполярье»), «Воркута – столица вечной мерзлоты», «Воркута – столица ГУЛАГа», «Воркута – город длинного рубля».

Наряду с восприятием города как своеобразного центра российского Севера, его изолированность от других городских центров и от освоенного человеком пространства порождала и маркирование города как социальной периферии: «Воркута – край света», «Воркута – медвежий угол». Такое двойное восприятие города и его социального и культурного пространства вполне очевидно просматривается и во многих других культурных маркерах и символах.

Даже сам миф об истоках Воркуты, т.е. об открытии Печорского угольного бассейна дуалистичен. С одной стороны, есть официальный исторический нарратив, согласно которому заслуга открытия печорских углей принадлежит геологу Чернову, который в 1930 г. обнаружил угольный бассейн и сделал его геологическое описание. С другой – сначала на уровне фольклорного повествования, а затем и в форме альтернативной версии появились рассказы о том, что Печорский бассейн открыл вовсе не русский геолог Г. Чернов, а коми охотник В. Попов (*Barenberg* 2011: 37–38). Это было проявлением борьбы за первенство в обладании символическим

пространством города и республики, которая, однако, наиболее очевидно проявлялась в столице Коми Сыктывкаре, нежели в Воркуте (*Шабеев*, 2013: 28–30).

Цветовая символика города строится на сочетании двух цветов – черного и белого. Черный – это уголь, и не случайно черный угольный террикон изображен на гербе города, вместе с шахтным подъемником и северным оленем, который на гербе белого цвета. Белый – это цвет снега, который лежит в городе большую часть года и которой покрыта бескрайняя тундра, окружающая город. Но в городе и поселках снег часто не белый, а серый из-за угольной пыли и сумрака полярной ночи. Поэтому многие воркутинцы говорят о том, что когда впервые попали в Воркуту, то город им показался серым.

Белое и черное в социальной и культурной символике Воркуты присутствуют как символы параллельных реальностей, которые сосуществовали в информационном и культурном пространстве города.

С одной стороны, Воркута – это город покорителей Севера, город трудовой славы, который держится на героическом труде шахтеров в забоях воркутинских шахт. Это белый цвет городской истории и городской символики. С другой стороны, Воркута – столица ГУЛАГа, построенная на костях заключенных сталинских лагерей. Это черный цвет ее истории и ее культурных символов. В эпоху Первой Воркуты в местной газете «Заполярная кочегарка» появлялось много статей заключенных о трудовых подвигах, о социалистическом соревновании и приверженности идеям коммунизма. Одновременно для внутреннего пользования те же авторы городской газеты писали песни и стихи, в которых воспевался не героический труд, а тяготы лагерной жизни.

У Воркуты есть официальный гимн «Город мой, Воркута», слова к которому написал В. Кузнецов, а музыку А.Н. Пахмутова, исполняемый на официальных мероприятиях. Но есть и не менее популярный неофициальный гимн, написанный на стихи А. Зиминой «Гимн старых воркутян», который исполняется чаще участниками клубов авторской песни и местными бардами.

Городское пространство обязательно оценивается воркутинцами в двух ипостасях: природно-климатическом и социальном. Это естественно, ибо природная среда диктовала особенности образа жизни, влияла на здоровье и самочувствие людей гораздо больше, чем в более благоприятном климате. Зимнюю одежду воркутинцы носили с октября по май, а лето было очень коротким и для многих из тех, кто предпочитал проводить его на южных курортах или у родственников в центральных областях страны, его практически не было, особенно это касалось детей и жен шахтеров. Природа есть самостоятельный и важнейший «актор» местной жизни, и поэтому взаимодействие с ней является неотъемлемой частью всех поэтических произведений, посвященных Воркуте:

«В Воркуте родной моей
10 месяцев – зима.
Веет ветер Хановой
Как завет, так – хана» (Каганцев, 2007: 385).

Многие из воркутинцев, если не все, отмечают, что для них тягостны характерные особенности местной природы и климата: «не хватает воздуха», небо «давит на тебя», поскольку в высоких широтах, особенно осенью и зимой появляется ощущение, что небо «висит прямо над твоей головой». Поэтому для жителей города ледоход на реке Воркуте воспринимался как праздник, такой же, как и другие наиболее значимые официальные праздники. Так же воспринимались и походы на природу, обычно на берег той же реки, где жарили шашлыки и наслаждались оживающей природой и солнцем. Не случайно это место неформального отдыха получило название «Седьмое небо».

Характерной чертой городского пространства является его социальная однородность. Эта особенность в силу известных причин сложилась еще во времена Первой Воркуты, но затем сохранялась на протяжении всей истории города. В монопромышленном городе, не выполнявшем важных административных функций, где к тому же не было резкого разделения жителей по имущественному признаку, не могла возникнуть резкого деления территории на районы трущоб и «золотой берег», что, по мнению исследователей Чикагской школы социологии, первыми обратившимися к изучению городских сообществ, препятствует формированию сплоченных сообществ в современных больших городах (Зорбо 2015: 166–227). Конечно, бараки Первой Воркуты, долгое время сохранявшиеся в городской среде, можно было рассматривать как трущобы, но тогда всю территорию города в «эпоху ГУЛАГа» надо рассматривать как одну большую трущобу. А остатки лагерных бараков по своему символическому и историческому смыслу являлись, по сути, историческими кварталами города, тем более что они сохраняли и номерные наименования прежних лагпунктов.

В Воркуте, как в бывшем «городе эков», не могло не быть районов, которые воспринимались как криминальные. И такой территорией считалась улица Заводская, поскольку на ней обычно селили людей, которые недавно освободились из мест заключения.

В целом же пространство города плохо освоено его жителями. Это определяется как самой историей Воркуты, так и природными условиями и образом жизни. Поэтому в городе не сложилось большого количества народных обозначений различных городских объектов и территорий, не зафиксированы прозвища обитателей отдельных районов и поселков, а точнее сказать, эта часть местного ономастикона практически не изучалась академическими исследователями. В современных условиях, когда ситуация в го-

роде динамично меняется, было бы очень интересно более глубоко описать городской фольклор, но, к сожалению, эта задача в современных условиях вряд ли выполнима.

Заключение

Воркута – это город со сложной и трагичной историей. Сегодня – это умирающий город или город-призрак. Но в этом отношении Воркута не одинока, ибо такая же участь постигла многие другие города и городские поселки арктической зоны: близкую Инту, Амдерму, Игарку, Дудинку, Певек, Магадан и даже более благополучный Мурманск. Северный город, безусловно, – особый социальный и культурный феномен, и формирование городов на севере России началось еще много столетий назад (Пустозерск, Мангазей, Архангельск, Обдорск). Советский промышленный город в Заполярье создавался не для людей, а исходя из интересов экономики мобилизационного типа, поэтому эти города не имеют комфортной среды для жизни горожан (воркутинские поселки, к примеру, регулярно оказываются в транспортной блокаде из-за метелей, которые блокируют движение по кольцу). Сегодня надо радикально менять концепцию развития этих городов, но очевидно, что попытка начала 1990-х гг. превратить заполярные города в вахтовые поселки не является перспективным путем их развития. История показывает, что Север не может быть освоен без постоянного населения, и отсюда возникает настоятельная необходимость поиска таких моделей развития северных городов, которые будут отвечать не только целям экономического развития страны, но и интересам жителей Севера.

Литература

Антропология и этнология. Учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. В.А. Тишкова. М.: «КДУ», 2018.

В Коми завершено расследование серии преступлений воркутинской ОПГ «Ифа-Козлова» // www.bnkom.ru/data/news/21328/

Вандышев 2013 – Вандышев М.Н., Веселкова Н.В., Прямикова Е.В. Места памяти и символический капитал территорий в ментальных картах города // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XIV. № 3. С. 101–111.

Волков 1990 – Волков Н.П. На Воркуте // Родники пармы. Научно-популярный сборник. Сыктывкар, 1990.

Воркута – город на угле, город в Арктике. 2-е изд., доп. и перераб. / под ред. М.В. Гецен. Сыктывкар: ГУ «Республиканский экологический центр по изучению и охране восточноевропейских тундр» при Министерстве природных ресурсов и охраны окружающей среды РК, 2011.

Воркута. Советские артефакты / URL:<http://www.bnkom.ru/data/news/51286/print/>

Высокие широты. Воркута литературная, 1931–2007 // Сост. М.Я. Каганцов. Воркута, 2007. Гангстерская Воркута. Многие убийства заполярных киллеров напоминают сцены фильма «Крестный отец» // Трибуна. 2014. 13 июня.

Гидденс 2005 – Гидденс Энтони. Социология / при участии К.Бардсолл: Пер. с англ. 2-е изд., полностью перераб. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2005.

Глазков 2013 – Глазков К.П. Ментальные карты как инструмент изучения образа города // Мониторинг общественного мнения. 2013. № 5 (117).

Гольц 1992 – Гольц И.С. Воркута // Минувшее. Исторический альманах. М., 1992. Вып. 7.

Громов 2010 – Громов Д.В. Нормирование поведения в подростково-молодежных уличных сообществах (на примере русских городов 1970–1980-е гг.) // Антропологический форум. 2010. Вып. 12.

Жеребцова 2003 – Жеребцова И.И. Репрессированная культура. Феномен российских немцев // Страницы истории политических репрессий в Коми АССР (30–50-е гг. XX в.). Приложение к мартирологу «Покаяние». Вып. 1. Сыктывкар, 2003.

Заявление верующих об открытии церквей и молитвенных домов // НАРК.Ф. Р-1451. Оп. 1. Д. 5.

Зобро 2015 – Зорбо Х.У. Золотой берег и трущобы // Чикагская школа социологии. Сборник переводов. М.: ИНИОН, 2015. С. 166–227.

Зимина 2007 – Зимина А. Гимн старых воркутян // Высокие широты. Воркута, 2007.

Иванова 2006 – Иванова Г.М. История ГУЛАГа. 1918–1958. Социально-экономический и политико-правовой аспекты. М.: Наука, 2006.

Ильин 1998 – Ильин В.И. Власть и уголь. Шахтерское движение Воркуты (1989–1998). Сыктывкар: Сыктывкарский гос. ун-т, 1998.

Ильин 1999 – Ильин В.И. Город-концлагерь: социальная стратификация гулаговской Воркуты // Стратификация в России: история и современность. Сб. научных трудов. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 1999.

Исаков 2011 – Исаков Сергей. Больше угля Родине. Воркута живет и сама не знает зачем // Новая газета. 2011. 16 декабря.

Каганцев 2007 – Каганцев Марк. В Воркуте родной моей // Высокие широты. Воркута, 2007.

Кара-Мурза 2000 – Кара-Мурза С. Советская цивилизация. М.: Классика русской мысли, 2000.

Кравченко 2014 – Кравченко С.А. Социология в 2-х тт. М.: Юрайт, 2014.

Костко 2017 – Костко Н.Н., Киричук С.М. Социальное конструирование пространства через исследование территориальной идентичности горожан с помощью метода ментальных карт // Известия высших учебных заведений. Социология, Экономика. Политика. 2017, 3; (55). С. 7–13.

Лев 2018 – Лев М., Линднер Р., Беркин Х. Собственная логика городов. Новые подходы в урбанистике. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

Ложникова – Ложникова Н.Ф. Феномен российского северного города: социокультурные и экологические перспективы развития. URL: <http://www.dissercat>.

com/content/fenomen-rossiiskogo-severnogo-goroda-sotsiokulturnye-i-ekologicheskie-perspektivy-razvitiya

Митин – Митин И.И. Ментальные карты города: история понятия и разнообразие подходов. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/48665243/>

Молодежные уличные группировки: введение в проблематику. М.: ИЭА, 2009.

Морозов 1997 – Морозов Н.А. ГУЛАГ в Коми крае. 1929–1956. Сыктывкар, 1997.
Основы этнологии: Учебное пособие / Под ред. проф. В.В. Пименова. М.: Изд-во МГУ, 2007.

Парк 2002 – Парк Р. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 3. С. 1–12.

Полевые материалы Истомина К.В., собранные в рамках выполнения проекта РФФИ 18-05-60108 «Арктические связи: люди и инфраструктуры» (ноябрь–декабрь 2018 года).

Приймак 2019 – Приймак А. «В шахте, в забое молимся спокойно». Лидер мусульман Воркуты уверен, что у заполярного города есть будущее // Независимая газета. 2019. 18 сентября.

Росси 1991 – Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. М.: Просвет, 1991.

Самойлов 1990 – Самойлов Л. Этнография лагеря // Советская этнография. 1990. № 1.

Сбежавшие от войны, Истории трех шахтеров из Луганска, которые переехали в Воркуту в поисках лучшей жизни / 7x7. Республика Коми. URL: <https://7x7-journal.ru/articles/2019/01/22/sbezhavshie-ot-vojny-istorii-treh-shahterov-iz-luganska-kotorye-pereehali-v-vorkutu-v-poiskah-luchshej-zhizni>

Сема 2016 – Сема М. Лоу Пласа: Политика общественного пространства и культуры. М.: Strelka-press, 2016.

Словарь Арго ГУЛАГа/под ред. Б. Бен-Якова. Франкфурт-на-Майне: «Посев», 1982. Словарь тюремно-лагерного-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы) / Авторы-составители Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Юсупов. М.: Края Москвы, 1992.

Стихи и песни с топонимом «Воркута». URL: <https://vk.com/topic-16060674-22198332?offset=40>

Сиротин 2010 – Сиротин Д. Воркута литературная // URL: www.proza.ru/2010/03/12/1041

Томилов 2010 – Томилов Н.А. Народная культура городского населения Сибири: очерки историографии и теории историко-этнографических исследований. Омск: Издательский дом «Наука», 2010.

Шабавев 1998 – Шабавев Ю.П. Этнокультурное и этнополитическое развитие народов коми в XX веке. М.: ЦИМО, 1998.

Шабаяев 2007 – Шабаяев Ю.П. Меняющиеся лики мигрантского сообщества // Этнографическое обозрение. 2007. № 5.

Шабаяев 2013 – Шабаяев Ю.П. Париж, Сайгон и Западный Берлин в одном городе: множественность образов и идентичностей в культурном пространстве столицы Коми // Антропология города. Вып. 1. Культурные символы и образы в городском пространстве. Этничность и городская идентичность. Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2013.

Швейцер 2016 – Швейцер П. Коренные народы и урбанизация на Аляске и на канадском севере // Этнографическое обозрение. 2016. № 1.

Шишкин 1959 – Шишкин Н.И. Коми АССР. Экономико-географическая характеристика. М.: Государственное издательство географической литературы, 1959.

Allen 1999 – Allen, Gary L. Spatial abilities, cognitive maps, and wayfinding: bases for individual differences in spatial cognition and behavior//Wayfinding behavior: cognitive mapping and other spatial processes/Ed.by Reginald G. Golledge. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1999.

Barenberg 2011 – Barenberg, Alan. “Discovering” Vorkuta: Science and colonization in the Early GULAG // GULAG Studies. 4 (2011). p. 21–40.

Castells 1983 – Castells, Manuel. The City and The Grass Roots: A Cross-cultural Theory of Urban Social Movements. London: Edward Arnold, 1983.

Downs Stea 1977 – Downs, Roger M, and David Stea. Maps in Minds: Reflections on Cognitive Mapping. New York: Joanna Cotler Books, 1977.

Lynch 1990 – Lynch, Kevin *The Image of The City.* Cambridge MA: MIT Press, 1990.

Jacobson 2006 – Jacobson D. Mental maps // Encyclopedia of Human Geography / Ed. by Warf B. London: SAGE Publications, 2006.

Jameson 1988 – Jameson F. Cognitive Mapping // Marxism and the Interpretation of Culture / Ed. by C. Nelson and L. Grossberg. Urbana and Chicago: University of Illinois Press, 1988. P. 347–358.

White 2008 – White H.C. Identity and Control: How Social Formations Emerge. Princeton: Princeton University Press, 2008.

Schenk 2019 – Schenk, Frithiof Benjamin. Mental Maps: The Cognitive Mapping of the Continent as an Object of Research of European History – EGO. URL: <http://www.ieg-ego.eu> (дата обращения: 23.06.2019).

«СТАРЫЙ» – «НОВЫЙ» МУРМАНСК: ГОРОД И ЕГО ЖИТЕЛИ¹

*Заполярье. Край земли.
Море. Чайки. Корабли.
Сопки с тучами сомкнулись.
Дуют ветры. Это – Мурманск.
И. Ядринцева*

Самый-самый...

За столетнюю историю Мурманск приобрел славу не только города-порта, героя, строителя, моряка и рыбака, но и города-современника. Он родился в XX веке: 4 октября 1916 г. – официальная дата² основания Мурманска (Киселев, 2006: 14). Уже не осталось людей, помнящих историю основания города, но ещё живы мурманчане, на чьих глазах строился деревянный, а затем – и каменный Мурманск, те, кто принимали участие в восстановлении разбомбленного и разрушенного в Великую Отечественную войну города, создавали его современный вид.

В каждом городе есть свои достопримечательности. Пространство Мурманска связано с военной и морской символикой. Это не удивительно. Молодому городу, основанному во время Первой мировой войны, возник-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00392 «Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами: миграции, мобильность, идентичность».

² Днем 04 октября (21 сентября по старому стилю) 1916 г. состоялась торжественная церемония закладки храма св. Николая Мирликийского в городском поселении Романов-на-Мурмане. Церковь так и не была построена (подробнее см.: *Бардигева* 2015: 37–39), её фундамент стал основой для строительства в 1930-е гг. Дворца культуры имени С.М. Кирова. На церемонии в 1916 г. присутствовали чиновники морских, транспортных и военных ведомств из Петрограда, церковные чины из Архангельска, архангельский губернатор, практически всё население Колы и нового города (*Мурманск: начало пути* 2016: 22–23; *Киселев* 1996: 25–26). Однако железнодорожный поселок при станции Мурман Мурманской железной дороги уже существовал, также было осуществлено его переименование (в Романов-на-Мурмане). Завершено строительство основных портовых сооружений, в основном закончены работы по постройке железной дороги (*Мурманск: начало пути* 2016: 15–18). Романов-на-Мурмане, таким образом, фактически существовал, а присутствие большого числа высокопоставленных лиц в городе, торжественность церемонии дали возможность объединить два события: основание храма и города.

Рис. 1. Часть мемориала «Морякам, погибшим в мирное время» – фрагмент рубки АПРК «Курск». Мурманск, сентябрь 2012 г. Фотография О.В. Змеевой.

шему благодаря этой войне (Федоров, 2009: 153–167; Ковалев, 2015: 31–33), за вековую историю пришлось пережить многочисленные потери: в мировых войнах, интервенции и гражданской войне, колонизации и депортации, «мирных» трагедиях, унесших жизни сотен военнослужащих, моряков, подводников, – осмыслить которые предстоит не одному поколению историков.

Перечисленные события затронули многие регионы, они являются трагедиями общегосударственными. Но город «на краю земли» остается «в напряжении» и в мирное время, Мурманск, расположенный рядом с границей, должен быть постоянно готов не только к совершению подвигов, но и к человеческим потерям. Не случайно в Мурманске в 2002 г. появился мемориальный комплекс «Морякам, погибшим в мирное время». Именно в Мурманске остался фрагмент затонувшей атомной подводной лодки К-141 («Курск») – часть рубочного ограждения, ставшая элементом мемориального комплекса (об установлении памятника погибшим подводникам АПРК «Курск» в Мурманске см. исследование И.А. Разумовой (Разумова, 2015, 2016).

В Мурманской области много памятников, связанных с военной историей города (Свод памятников, 2009; Тропойю памяти, 2009; Памятники

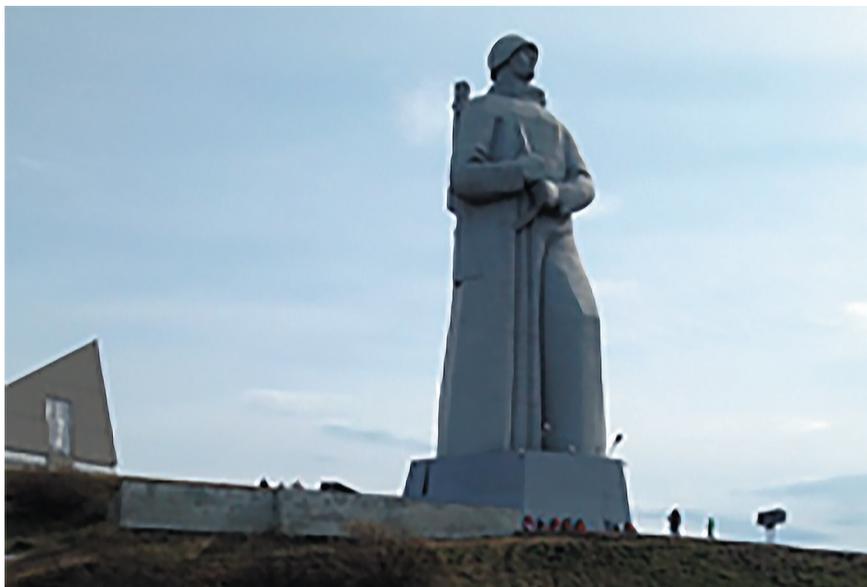

Рис. 2. Памятник «Алеше» – основа мемориала «Защитникам Советского Заполярья в годы Великой Отечественной войны». Мурманск, май 2016 г. Фотография О.В. Змеевой.

военной истории, 2014, Памятники города-героя, 2004 и др.). Известен всем мурманчанам мемориал «Защитникам Советского Заполярья в годы Великой Отечественной войны», в народе называемый «Алеша». Алеша смотрит на торговый порт с Мыса Зеленого и в сторону Долины Славы¹. Памятник виден из разных точек города, так как он расположен на одной из самых высоких сопок. «Алеша» – не только визитная карточка города и место памяти, горожанами он воспринимается в качестве оберега, символа безопасности.

О Мурманске часто говорят как о городе особенном. Его уникальность, прежде всего, ассоциируется с историческим названием. Имя нового города

¹ Название долины на правом берегу реки Западная Лица. «Долина Славы» или «Долина Смерти» находится за пределами города, в 74–75 км по автомобильной дороге Мурманск – Печенга. Имеет мемориальное и историческое значение. В Долине Славы в 1941 г. было остановлено наступление немецких войск, пыгавшихся захватить Мурманск. Считается, что место сражений названо солдатами Долиной Смерти в 1941 г. из-за большого количества погибших: «Кровопролитные бои шли за каждую сопку, за каждую удобную для прохода долину, буквально за каждый метр дороги. Вот тогда-то и вошли в солдатский лексикон меткие названия “Чертов перевал”, “Долина смерти”, “Высота Непрístupная”» (Киселев 1988: 35–36). Возведен мемориальный комплекс «Долина Славы», там же – захоронение советских воинов, погибших в боях за Советское Заполярье.

содержало в себе фамилию императора – Романов-на-Мурмане, а названия улиц должны были напоминать о членах императорской семьи – проспекты Николаевский, Алексеевский (по имени наследника), улицы Ольгинская, Мариинская (по имени дочерей Николая II) и т.д. (Киселев, 2006: 15–16). Обязательства на новый город возлагали немалые. Начавший строиться во время Первой мировой войны новый город-порт на берегу незамерзающего Кольского залива должен был стать не только базой для океанических судов, пунктом погрузки-разгрузки различных грузов, то есть торговым портом, но и военным центром (Ляхницкий, 1923). Романову-на-Мурмане прочили большое будущее: «Сколь велик интерес к будущему городу, видно по многочисленным ходатайствам пароходных и кредитных предприятий, экспедиторских фирм и частных лиц об отводе им участков земли» (*Из доклада*, 2016: 25). С именем императора заполярный город мог бы претендовать на административный центр. Но топоним «Романов-на-Мурмане» просуществовал не более полугода, в процессе революционных событий город потерял первоначальное название. В апреле 1917 г. ему было дано новое, более нейтральное, имя – Мурманск, то есть город, расположенный на Мурманском побережье: «Побережье Кольского полуострова от Рыбачьего полуострова до мыса Святой Нос называется Мурманским <...> Местные жители и поморы «Мурманским» называют часто лишь побережье на запад от Кольского залива; берег между этим последним и Святым Носом называется «Русским»» (*Иорданский*, 1923: 62).

Изменение топонима периодически вызывает обсуждение в социальных сетях и на различных форумах. Одна из тем связана с возвращением городу и его улицам исторических названий (см. напр.: *Романов-на-Мурмане накануне столетия; Романов-на-Мурмане*). Комментарии противников возвращения первоначальных имен сводятся к нескольким обстоятельствам.

Прежде всего, необходимость сохранения актуальной топонимики обосновывается названием побережья, на котором расположен город. Речь идет о присутствии в урбанониме исторического названия северного побережья Кольского полуострова – «Мурман».

Другие размышления связаны с самоназванием горожан, которое характеризуется простотой употребления и использования. Жители Мурманска – «мурманчане», а не жители Романова-на-Мурмане. Некоторым горожанам не нравятся даже варианты – «мурмане», «мурманцы».

Более того, топоним «Мурманск» воспринимается как постоянное, привычное название. «Романов-на-Мурмане» ассоциируется исключительно с датой основания и временем постройки железной дороги. Для мурманчан имеет большое значение история города, прежде всего, героическая. А героическая история, начиная с окончания Гражданской войны и Интервенции, ассоциируется только с настоящим именем города. Таким образом,

первоначальное, утвержденное императором название «Романов-на-Мурмане» просуществовало так недолго, что не отпечаталось ни на идентичности жителей, ни на городской топонимике, ни на заслугах выросшего в советское время Мурманска.

И, наконец, положительно оценивается и признается «нейтральность» топонима. Мурманск называют городом, «рожденным революцией» (*Киселев, Тулин, 1977*). Мурманчане считают это имя лишенным конъюнктурности в сравнении с другими городами советской эпохи, переименованными в соответствии с именами лидеров СССР, и в конечном итоге снова подвергшимся переименованию. Одни города вернули исторические названия, другие получили новые: Ленинград (Санкт-Петербург), Горький (Нижний Новгород), Ворошиловград (Луганск), Брежнев (Набережные Челны), Куйбышев (Самара), Свердловск (Екатеринбург), Сталинград (Волгоград) и т.д.

Возникший на побережье Кольского залива город не был обременен ни историей, ни особой биографией, ни специфическими или устоявшимися традициями. Выросший в советский период, Мурманск формировал традиции города-порта, города-рыбака, города-моряка, города-строителя, города-героя, постепенно расширяя городское пространство, наращивая и отстаивая характеристики особого города.

Горожане создают образ уникального и отличного от других поселений «своего» пространства, используя определенные формулы (*Маслинский*). Мурманчане даже в ситуации спонтанной экскурсии не могут не употреблять слово «самый». Качественная характеристика «самый» применяется также в экскурсионном городском тексте, художественных произведениях, в том числе, детских, в документальных фильмах. Создается впечатление, что, начиная с раннего детства, в сознание мурманчан закладывается представление об уникальности, в определенном смысле, превосходстве города над другими в стране и мире. Воспоминания горожан разных поколений утверждают индивидуальность Мурманска. Свойство города как «самого-самого» (по разным показателям) является основной характеристикой этой индивидуальности. Оно же оказывается доминантным и для формирования идентичности жителя.

Уникальность Мурманска обуславливается конкретными факторами. Прежде всего, административными и географическими. На них наслаиваются исторические, социальные, культурные, экономические обстоятельства, позволяющие доминирующим факторам обрести индивидуальность. Горожане подчеркивают уникальность не только Мурманска, но и выбранного под строительства города ландшафта – для места будущего города-порта подходил самый удобный фьрд.

Все качества Мурманска и его объектов можно разделить на несколько типов:

1. Уникальные – не имеющие аналогов в стране, мире.
2. Специфические, которые перестали быть уникальными в связи с появлением похожих объектов в других регионах.
3. Уступающие по какому-либо показателю другому городу.

Характеристики первого типа, как правило, отмечают доминирующее свойство объекта. Используются эпитеты «самый», «крупнейший», «единственный» и т.п.

Характеристики второго типа сопровождаются указанием на причину потери уникального статуса объекта. В характеристиках третьего типа сравниваются количественные показатели объектов, если по какому-либо критерию «свое» уступает «другому». Объект становится «одним из...», «уступающим лишь...» и т. д.

Проиллюстрируем эту типологию примерами характеристик в виде таблицы.

Характеристики города Мурманска

Уникальные	Специфические	Уступающие
«В состав флота Мурманского морского пароходства входит уникальный по своим возможностям атомный ледокольный флот, обеспечивающий круглогодичную навигацию в Арктике» (<i>У каждого из нас</i> , 2013: 56).	Мост через Кольский залив – самый длинный мост за Северным полярным кругом (<i>У каждого из нас</i> , 2013: 57). Потерял статус в 2009 г. после постройки моста через реку Юрибей в Ямало-Ненецком автономном округе.	Мурманск – один из крупнейших портов России
5 мая 2009 года первый в мире атомный ледокол «Ленин» встал на вечную стоянку около морского вокзала в Мурманске. И стал музеем (<i>О музее</i> 2018).	Столица Русской Лапландии ¹ . Столицей Лапландии принято считать г. Рованиemi (Финляндия). А столицей русской Лапландии называют село Ловозеро (Мурманская область). Именно Ловозеро является местом компактного проживания саамов в России.	Мурманский памятник солдату («Алёше») уступает по размерам лишь скульптуре «Родина-мать зовёт!» на Мамаевом кургане в Волгограде (<i>Мемориал</i>).

¹ Лапландией называют культурный регион на Севере Европы, коренными жителями которого являются саамы (устар.: лопари). Частями Лапландии являются: Россия (Кольский полуостров), Финляндия, Норвегия, Швеция. Мурманск начали называть столицей русской Лапландии с целью привлечения туристов.

Уникальные	Специфические	Уступающие
В Мурманске расположен единственный в Европе океанариум, где обучаются и выступают арктические тюлени (<i>У каждого из нас</i> , 2013: 56).		«По количеству бомб, сброшенных за время Великой Отечественной войны на один квадратный метр площади, Мурманск уступает только Сталинграду» (<i>Гречина</i> , 2015).
По улицам Мурманска ходит самый северный в мире троллейбус.		
Мурманский морской торговый порт – самый северный из незамерзающих портов России.		
К Мурманску подходит самая северная в мире железная дорога.		
Столица Заполярья		
Крупнейший в мире город за Северным полярным кругом.		
Самый молодой город-герой (получил статус в 1985 г.).		
Самый благоустроенный из городов мира, расположенных за Северным полярным кругом.		
На Кольском проспекте находится самый длинный жилой дом в России. Его длина 1488 метров (<i>100 фактов</i>).		
Последний город Российской империи		
Единственный город в стране, который остановил фашистов на границе, начиная с первого дня атаки, не дав им продвигаться дальше.		

Определяющим фактором индивидуальности Мурманска можно считать географический. Он предоставляет преимущества, меняя характеристики обычных объектов. Самая главная особенность – расположение города за Северным полярным кругом. Обычные для любого крупного города объекты в Заполярье утрачивают свойства рядовых и становятся уникальными: троллейбус, железная дорога и т.д. Функционирование чего бы то ни было в заполярных условиях должно восприниматься либо как некое парадоксальное явление (каким образом в Заполярье может работать обычный троллейбус?), либо как деятельность, которая закрыта для обычного взгляда (работа атомного флота, торгового порта). «Единственность» Мурманска, таким образом, определяется не только наличием или отсутствием определенных свойств, но их включением в соответствующую иерархию.

Определяется уровень уникальных / специфических / уступающих характеристик: мировой, отдельных стран, российский.

Расположение города за Северным полярным кругом влияет на формирование атрибутов «северности» и «заполярности» Мурманска, а также используется для создания особого, северного текста. Другое важное качество города – его приграничность. В отношении сухопутного передвижения приграничное положение является географически тупиковым. Заполярный Север – это и есть «край». Дальше только Арктика, то есть море, льды и океан. Туристам предлагают посетить город, севернее которого только Северный ледовитый океан, в 50 километрах к северу от него начинается экстремальный «край белого безмолвия», родина белых медведей и т.п. Окраинность го-

Рис. 3. Памятный знак на въезде в город Мурманск. Иллюстрация к книге И. Ядринцевой «Мурманск – Арктики столица» (2016). Художник В.К. Чеботарь.

рода подтверждается символически: «Видели знак при въезде в Мурманск¹. Россия – игла (имеется ввиду шпиль. – О.З.), а мы на самой макушке» (Ж., ок. 1960 г.р.). Мурманск как «край земли» составляет предмет гордости мурманчанина, который восхищается не только городом, расположенном столь необыкновенно, но и самим местом, в которое этот город вписан.

Рис. 4, 5. Памятник «Ждущая». Мурманск, июнь 2016 г. Фотография О.В. Змеевой. Памятник коту Семёну. Иллюстрация к книге И. Ядринцевой «Мурманск – Арктики столица» (2016). Художник В.К. Чеботарь.

Город «на краю земли» полон парадоксов. Прежде всего, это климатические противоречия: полярная ночь и полярный день, пересечение потоков теплого и холодного воздуха, мягкая зима и незамерзающий залив – вопреки заполярному положению. Географический фактор и природная специфика не принадлежат исключительно Мурманску. Другие населенные пункты, существующие в приближенной системе географических координат, имеют похожий климат, северное сияние, полярный день и т.д. Однако здесь важно то, что для жителей крупного северного города именно климато-ландшафтные атрибуты находятся в первом ряду признаков, отмечающих его самобытность. Иначе говоря, уникальность Мурманска состоит в природной индивидуальности. Например, Мурманск называют городом на сопках. Расположение города на холмах доставляет неудобство местным жителям, вызывает непонимание приезжих, но в определенных обстоятельствах становится огромным преимуществом как для старожилов, так и для гостей города. Благодаря ландшафтной специфике Мурманска, панорамный обзор возможен не с одной площадки, а с нескольких, разных точек этого «края земли».

¹ «Микрорайон Фадеев Ручей – южные ворота нашего города. На развилке дорог Мурманск – Кола, при въезде в Мурманск, установлен символический знак. Авторы его – архитектор В. Дегтярев и художник В. Герасимов. Из центра кольца в небо устремился шпиль, увенчанный кораблем-парусником, по кругу – надпись «Мурманск N 68° 58' O 33° 03'». (Киселев, 2006: 268).

Индивидуальность города, по мнению горожан, подчеркивают современные памятники, символически продолжающие городские традиции. Памятные сооружения постсоветской эпохи являются маркерами новейшей истории города. Они отражают специализацию портового города («Ждущая»¹), являются символами доброты, преданности, верности (памятник коту Семёну²), становятся местами памяти погибших (Мемориал «Морякам, погибшим в мирное время»³).

Мурманск молодой

Можно ли говорить о возникновении Мурманска как о «случайном» событии?

На Кольском полуострове не было крупных производств, край считался «захолустьем» и не имел особых перспектив. К.Г. Паустовский так охарактеризовал историческую судьбу мурманского побережья: «Ни один край прежней царской России не находился в таком пренебрежении и не был облеплен стольким количеством глупейших резолюций и высказываний, как заполярный Мурман. О нем не помнили. К нему обращались редко» (*Паустовский*, 1985: 352).

Действительно, появление крупнейшего города за Северным полярным кругом могло и не состояться. Ведь, по сути, будущий город – это всего лишь

¹ Памятник посвящен женщинам, «умеющим ждать», встречающим и провожающим моряков. Установлен в Мурманске в 2012 г. Скульпторы – И. Чумаков и Ю. Анушко (*Киселева*, 2012; *Кирошко*, 2016).

² Памятник открыт в Мурманске в 2013 г.: «Мурманский кот Семен с палочкой и узелком в пушистых лапах ждет гостей около входа в парк аттракционов на Семеновском озере, уютно устроившись на лавочке. Его бронзовую фигуру отлили в мастерской в Челябинской области по проекту москвички Надежды Винюковой» (*Кот Семён исполнит 2013, Мурманский Кот 2016*). Возникновению памятника предшествовала история семьи мурманчан, потерявших животное: «Мурманский кот-путешественник Семён сиамской (тайской) породы потерялся в Москве в 1987 г., когда семья возвращалась с юга, и прошел около двух тысяч километров до дома в город Мурманск. Путь занял шесть с половиной лет. Когда он пришел домой (в феврале 1994 г.), то весил всего один килограмм четыреста грамм» (*Николь 2016; Беляев 1994*).

³ Мемориальный комплекс, открыт в Мурманске в 2002 г. Архитекторы – Н. Киреева и Н. Богданова. «5 октября 2002 года был открыт и мемориальный ансамбль в память о погибших в мирное время моряках. <...> Мемориальный ансамбль с самого начала фактически составлял с храмом единый комплекс. В здании Мемориального маяка на первом этаже открыт Зал памяти. На его стенах размещены мемориальные плиты с фамилиями моряков разных флотов, погибших в мирное время. В этом же зале хранятся и Книги памяти. 15 июня 2009 года рядом с маяком установили рубку атомной подводной лодки "Курск" – память о подводниках затонувшего 12 августа 2000 года атомохода (Волкова 2012); о «Курске» – (*Сурков*, 2009).

станция Мурманской железной дороги. Станция конечная, в районе которой должны были появиться торговый и военный порты. Станция, при появлении которой Россия получала доступ к незамерзающему Кольскому заливу и, затем – выход в Северный Ледовитый океан.

Долгое время, на протяжении второй половины XIX в., правительство страны не могло принять окончательного решения по вопросу строительства нового города-порта. Отсутствие сухопутных транспортных путей, городской и промышленной инфраструктуры создавали дополнительные затруднения. Единственный на севере Кольского полуострова опорный пункт Кола продолжал выполнять функции острога, разрушение которого в середине XIX в. привело город в полное запустение, вплоть до утраты статуса уездного центра (*Ушаков*, 1960; *Сорокажердьеv*, 2010). Были и поморские села, в основном на юге полуострова, самые крупные из них – Кандалакша и Умба. Другие населенные пункты – это становища, сезонные места базирования поморов.

Во второй половине XIX в. начался процесс колонизации Мурмана (*Орехова*, 2009, 2010, 2012), но разработанные программы на практике не решили главной проблемы – массового привлечения жителей. Население Мурманской губернии в 1914 г. составляло 11 700 чел.: «Главную часть населения составляют русские, затем следуют лопари (в 1914 около 2000 человек), карелы (500 чел.), зыряне (850 чел.), несколько семей самоедов и в колониях на Мурманском берегу – норвежцы, фильманы (финские и норвежские лопари) и финны (всего около 1200 чел). Кроме этого постоянного населения на рыбные промыслы приходили ежегодно около 3000 человек поморов – главным образом из Кемского и Онежского уездов Архангельской губернии» (*Иорданский*, 1923: 64).

Совокупность обстоятельств – отсутствие необходимой инфраструктуры и малая численность постоянного населения – делала строительство альтернативного административного центра в Кольском уезде Архангельской губернии невыгодным, слишком затратным и малоэффективным. Низкую производительность продемонстрировал основанный в мирное время город-порт Александровск¹, который был предшественником Мурманска.

¹ Город, расположенный на берегу Екатерининской гавани Кольского залива Баренцева моря. После поездки на Мурман министра финансов С.Ю. Витте в 1894 г., было принято решение о создании базы для коммерческого и военного флота. Порт Александровск заложен летом 1896 г. «Торжественное открытие и освящение города Александровск-на-Мурмане состоялось 24 июня (6 июля по новому стилю) 1899 года» (Память о прошлом 2014: 3). Город назван в честь императора Александра III. Являлся центром Александровского уезда, центр был перенесен из Колы. В 1926 г. Александровск преобразован в сельское поселение. В 1931 г. село Александровское было переименовано в Полярное, а в 1939 г. село стало городом Полярный (Память о прошлом, 2014: 7–8).

Как показало время, все возлагавшиеся «надежды на развитие и процветание нового города-порта не оправдались: ни промысловые, ни торговые суда не заходили в Екатерининскую гавань» (*У каждого из нас*, 2013: 51). Была еще одна проблема. Эффективная точка-порт с выходом в Северный Ледовитый океан на карте Российской империи уже существовала. Это город Архангельск. Мощный торговый порт, постоянное население, развитая инфраструктура этого торгового города были широко известны как внутри страны, так и за её пределами. Исторический город со сложившимися традициями, путями транспортировки товаров в центр страны одновременно являлся и губернским центром. Единственный недостаток – отсутствие круглогодичной навигации.

Таким образом, при наличии работающего и развитого Архангельска, с одной стороны, и малоэффективного нового Александровска, с другой стороны, возможность строительства еще одного города-порта на малонаселенной территории была незначительной. Изменила будущее Кольского полуострова Первая мировая война. Основные морские пути страны оказались заблокированными, Архангельск находился в положении города труднодоступного и не мог выполнять функции порта-посредника. В это время единственным местом для связи с союзниками остался Кольский полуостров и, прежде всего, его незамерзающий Кольский залив.

Важнейшим стало решение не столько о создании нового порта, сколько о подведении к нему железнодорожного пути из столицы – Петрограда. «Местом строительства будущего города выбрали Семёновскую бухту. Именно она оказалась наиболее подходящей по многим показателям: глубокая, свободная ото льдов зимой, защищённая от открытого моря заливом и сопками по берегам, песчано-галечное дно бухты удобно для якорных стоянок, ровная береговая полоса способна разместить причалы на десяти километрах, ширина незамерзающего залива достаточна для стоянки и движения судов, а глубина позволяет принимать океанские пароходы» (*У каждого из нас*, 2013: 51).

Развернувшееся на Кольском полуострове в 1915–1916 г. масштабное строительство имело результатом не только строительство нового города – Романова-на-Мурмане, но и привлечение в необжитый край новых жителей. Население молодого города насчитывало всего несколько тысяч человек, в 1920 – 2487 жителей (*Альмов*, 1926: 3). Это был, прежде всего, порт для военных нужд.

«В 1918 г. Мурманск был занят «союзниками»: англичанами, французами, итальянцами, сербами. Вещественная память о них ныне сохранилась в виде некоторых зданий (домов, барачков и «чемоданов»), построенных ими и могил на старом кладбище» (*Альмов*, 1926: 2). Начавшаяся гражданская война в стране и интервенция на Севере не давали возможности

закрепиться и развиваться новому поселению. Железная дорога, которую построили в кратчайшие сроки, имела вид временной постройки, а после интервенции пришла в аварийное состояние. Торговый порт не работал, действовала экономическая блокада, жилой фонд и население Мурманска сократились. Историк А.А. Киселев резюмирует последствия гражданской войны: «Грустное зрелище представлял город после бегства интервентов и разгрома белогвардейцев» (Киселев, 1988: 8).

Окончание интервенции, необходимость восстановления железной дороги, оценка пограничных, военных, промысловых и торговых перспектив Мурманска, открытие новых богатств полуострова (см. напр.: *Ферсман*, 1929: 40–52) привели к строительству новых промышленных объектов и жилого фонда города, обустройству и развитию портовых территорий. «Мурманск в первой пятилетке напоминал пчелиный улей в пору цветения трав. Все было в движении: рос траловый флот, прибывали большие группы моряков, началось сооружение посолочного завода, новых причалов, завода медицинского жила, фабрики орудий лова» (Киселев, 1988: 13).

К началу 1940-х гг. жилой фонд Мурманска оставался деревянным, каменное строительство только начинало разворачиваться. В Мурманске были построены несколько десятков каменных зданий, но множество домов и тротуары были выполнены из дерева. Во время Великой Отечественной войны город был практически полностью разрушен. Планы неприятеля взять город в три дня не оправдались, он подвергался многочисленным обстрелам (см., напр.: *Локтев*, 2011; *Военный Мурманск*, 2014): «Кульминация мурманской воздушной трагедии – лето 1942 года. В результате массированных бомбардировок сгорело 3/4 жилого фонда» (Федоров, 2011: 5).

В послевоенное время наступил период расцвета советского Мурманска и, конечно, его столицы – Мурманска. Город строился, его население увеличивалось вплоть до конца 1980-х. Так, в 1959 г. – мурманчан насчитывалось 221 874 чел., в 1970-м – 308 642. Наибольшего числа горожан Мурманск добился в 1991-м – 473 000 чел. (*Всесоюзная перепись населения 1959; Города с численностью 1994*: 21).

После распада СССР, экономического кризиса и политических метаморфоз население Мурманска, как и многих северных городов, начало сокращаться. Если в 1992 г. оно составляло 468 000 чел., то в 2010-м – 307 257 чел. (*Города с численностью, 1994*: 21; *Численность населения России*, 2010). Последние статистические данные подтверждают миграционную динамику: в 2017 г. население Мурманска составило 298 096 чел.

История последнего города Российской империи, эпохи Романовых, города «рожденного революцией» не закончена. Возникший в военных условиях Мурманск выжил, в самых неблагоприятных обстоятельствах раз-

вивался и расширялся. В итоге он приобрел практически полумиллионное население и стал крупнейшим заполярным городом.

Мурманск – молодой город. В 2016 г. мурманчане отмечали его 100-летие. Как и во многих молодых городах, в Мурманске остаются свидетели его строительства и развития, старожилы, пережившие множество перемен вместе с ним. Они продолжают называть его городом-современником. «Не обремененные бытом, хозяйством, первые мурманчане начинали свой путь с материального нуля. <...> Общее с городом время рождения, параллельность взросления и вложенные усилия создавали единство между личным и городским. Небольшой город был своим кровно, изначально, и интересы его носили близкий, родственный, дворовый характер, в которых не было места эгоизму и корыстному расчету» (Блинов, 2000: 42–43).

Мурманск многонациональный

В Мурманской области проживают представители многих этнических групп. Кроме занимающих первые позиции групп русских (642,3 тыс. чел.), украинцев (34,3 тыс. чел.), белорусов (12,1 тыс. чел.) в регионе проживают «азербайджанцы – 3,8 тыс. человек (0,5%), чувашаи – 1,8 тыс. человек (0,2%), коми, мордва и армяне – по 1,6 тыс. человек (по 0,2%), карелы – 1,4 тыс. человек (0,2%), молдаване – 1,3 тыс. человек (0,2%), узбеки – 1,1 тыс. человек (0,2%)» (подсчитано по: *Население по национальности*, 2010). Как и любой крупный город, Мурманск является полиэтническим. Город-порт не может оставаться этнически однообразным. Команды морских судов из разных стран приезжают в Мурманск и временно покидают этот город.

Несмотря на то, что Мурманск находится на берегу незамерзающего залива, подобраться к морской воде, на первый взгляд, не так просто. Если местные жители знают, как провести время «на берегу», то для гостей это является серьезной, иногда непреодолимой задачей: «Более чем на 20 километров вытянулся Мурманск вдоль Кольского залива. Город расположен на четырёх террасах. На первой – портовые сооружения и железнодорожные пути, на второй – центральная часть города, на третьей и четвёртой – жилые районы» (*У каждого из нас*, 2013: 56). Со всех возвышенностей открывается вид на торговый порт, и туристы недоумевают, как может существовать приморский город, в котором вдоль побережья находится железная дорога и портовые объекты.

В состав современного города входят три административных округа – Ленинский, Октябрьский и Первомайский. С недавнего времени к Первомайскому округу присоединились новые поселки – Дровяное, Три ручья, Абрам-мыс. Это событие стало важнейшим в городской истории – райо-

ны Мурманска, в результате объединения, располагаются по обе стороны Кольского залива¹.

Рис. 6. Город Мурманск, Мурманский торговый порт и Кольский залив. Мурманск, Зеленый Мыс, июнь 2016 г. Фотография О.В. Змеевой.

Специфически организовано пространство Мурманска. Его структура непонятна жителям южных приморских городов, в которых максимально близко к воде строятся жилые кварталы. Там, на юге, близость к побережью может принести собственникам недвижимости неплохую прибыль. Здесь, на севере, море тоже определяет характер города. Прежде всего, по убеждению историка и мурманчанина А.А. Киселева, его климат «труднопредсказуемый и суровый» (Киселев, 1988: 3). Суровость климата в Мурманске ощущается повсюду – везде ветрено, сыро, промозгло. Парадоксально, но люди в Мурманске не живут непосредственно у моря. Специфика расселения горожан не связана с романтическими представлениями о суровом Заполярье, она обусловлена историческими обстоятельствами. Железная дорога, военный и торговый порты были первыми крупнейшими объектами в Романовна-Мурмане – Мурманске. Они и определили логику городской застройки.

¹ Поселки Абрам-Мыс, Дровяное, Три Ручья расположены на западном берегу Кольского залива. Географически удаленные от города, т.е. находящиеся на противоположном берегу от него, населенные пункты сегодня являются микрорайонами Мурманска.

Выросший из рабочего поселка при Мурманской железной дороге город Мурманск не имеет значительной догородской истории: «До этого времени (*т.е. до 1915 г. – О.З.*), то место, где ныне Мурманск, представляло покрытую березняком, береговую террасу, с севера, востока и юга окруженную амфитеатром невысоких гор <...> Там, где ныне находится торговый порт, находились островки («корга»), во время отлива соединявшиеся с материком; на одном из них стояла рыбацья избушка» (*Алымов, 1926: 2*).

Но история регионального центра не могла быть начата на пустом месте. Широко распространены рассказы о финнах – первых строителях и жителях города, и о сааме Яковлеве, последнем жителе, пасшем оленей в Семёновской бухте. К. Паустовский воспроизводит эти истории в очерке «Мурманск»: «Был только «конечный пункт Мурманской железной дороги», и в этом пункте валялась на берегу разбитая рыбацья барка. В барке жили, покрывавшая от холода, два молчаливых плотника-финна, первые строители Мурманска. Лопарь Яковлев пас оленей на ягельных горах около разбитой барки. Он спустился к плотникам. Говорили они мало. Лопарь курил. Финны тоже курили, перебрасываясь отрывочными фразами. Потом лопарь встал и погнал оленей дальше в тундру, испуганно оглядываясь на залив, – он осваивал свои пастбища для нового города» (*Паустовский, 1985: 353*).

Историки подтверждают, что на одной из террас современного Мурманска находились летние оленьи пастбища, вспоминают и избушку рыбака Семена Коржнева (или Корожного), они представляют исторические свидетельства наследственных именных отелей (Семёнова корга, Абрам-корга, Анна-корга) (*Алымов, 1926: 2; Киселев, 2006: 11–12*). По всей видимости, сюжеты о пребывании на месте будущего Мурманска аборигенного населения необходимы для истории города: они, во-первых, подчеркивают необходимость и пустынную этих мест (саамы ведут полукочевой образ жизни), во-вторых, доказывают возможность приживаемости здесь людей пришлых (ведь саамы «с незапамятных времен жили на этой земле»), в-третьих, фиксируют истории коренного населения, выписывают фрагменты биографии отдельных его представителей, то есть создают историю аборигенного населения. Таким образом, историки, краеведы, писатели сохраняют саамскую символику в догородской истории.

Известно, что строительство «Мурманки» обеспечивали представители разных этнических, социальных и профессиональных групп. Не только российские подданные нанимались на строительство дороги, были привлечены к работе и граждане других государств. На стройке трудились десятки тысяч рабочих. Из них наиболее крупными группами рабочих были:

1. Вольнонаемные русские (подданные Российской Империи, то есть в этническом отношении принадлежащие к различным этническим группам);

2. Вольнонаемные рабочие-финляндцы;
3. Военнопленные австро-венгерского и германского подданства;
4. Китайцы и маньчжуры, вывезенные с Дальнего Востока;
5. Канадцы (*Мурманская железная дорога*, 1916: 70, 71; *Ярмолич*, 2005: 36).

Многие из них, оказавшись в «конечной точке» строительства, не имели возможности уехать и оставались на новом месте. Этническое разнообразие города красочно проиллюстрировала И. Ядринцева в книге «Мурманск – Арктики столица», адресованной маленьким мурманчанам:

«Прибывали иностранцы:
 И китайцы, и канадцы,
 Финны, немцы-пленные – Время-то военное!
 Были чехи и татары...
 Значит, город наш недаром
 Возводился изначально
 Как интернациональный» (*Ядринцева*, 2016: 13)

Население нового города состояло из многих групп: военнослужащих и военнопленных, жителей соседних территорий (финны, норвежцы) и дальних стран (китайцы, корейцы), северян и южан, старожилов и новоселов, интервентов (англичане, французы, американцы) и «коренных» мурманчан. В начале 1920-х гг. оно менялось постоянно, люди приезжали и уезжали из города, надолго не задерживаясь: «При большей текучести населения, проживший в Мурманске 3 года уже становится старожилом; он уже зацепился за мурманскую почву, пустил в нее корни <...> Средняя продолжительность пребывания в Мурманске исчисляется приблизительно в 3 года и 1 месяц» (*Алымов*, 1926: 8–9).

Состоявший из пришлых людей молодой город представлялся приезжему как «временная стоянка людей» или «большая ночлежка», его жители – «бродячими артистами», а их жилища – «фургонами». Действительно, людям приходилось в 1920-е гг. жить в домах, построенных из подручных материалов. Это могли быть куски железа, доски, ящики. Строили землянки, полуземлянки, «сараюшки», бараки, жили в товарных вагонах, домах-«чемоданах». В первоначальный период город состоял из нескольких посёлков, особенность которых заключалась в том, что возникали они стихийно, без утверждения плана, и таким же образом распадались.

Известными в Мурманске были четыре поселка под общим названием Нахаловка (*У каждого из нас*, 2013: 54). Это Верхняя Портовая, Нижняя Портовая, Железнодорожная. И был еще один поселок – это Нахаловка за электростанцией. «Назвали поселки так потому, что в отличие от Базы и центра застраивались стихийно, без разрешений и проектов» (*Киселев*,

Рис. 7. Старый Мурманск. Дома-«чемоданы». Иллюстрация к книге И. Ядринцевой «Мурманск – Арктики столица» (2016). Художник В.К. Чеботарь.

1988: 8). А Базой назывался район, принадлежавший ранее военно-морскому ведомству. Существовали отдельно поселки рабочих. Так поселок железнодорожников назывался Красной Деревней (Миланов, 1996: 10). Это был поселок на колёсах – рабочие заселяли стоявшие в тупике списанные вагоны-теплушки.

Строители Мурманской железной дороги – китайцы и корейцы – выстроили свой поселок, в котором не было улиц, дома стояли вразнобой. Такое «невообразимое скопление досок, конур и ящиков» назвали они «Шанхаем» (Паустовский, 1985). Существовало и другое его название – «Китайский городок» (Альмов, 1926: 5).

Особое название получил поселок, где были сосредоточены дома, привезенные англичанами, в народе получившие название «чемоданы». А район домов-«чемоданов» после высылки интервентов стали называть Воняловкой, так как постройки начали приходить в негодность, ржавели и гнили (Киселев, 1986: 4).

Отсутствие благоустроенного жилья, неорганизованность, стихийность застройки, недостаток материалов для строительства приводили к многочисленным проблемам «...Жизнь в Мурманске двадцатых годов можно без преувеличения назвать героической», – отмечает А.А. Киселев. Также «не хватало пресной воды, ее завозили либо в цистернах из реки Колы, либо в бочках из Варничного ручья и продавали по две копейки ведро» (Киселев, 1988: 10).

Так закладывались этнические, «коммунальные» и «бытовые» традиции советского Мурманска, города молодого и многонационального, города в движении, города неукоренённых новосёллов – молодых старожилов.

Несмотря на то, что в 1920 г. Мурманск имел статус города, ни по численности (2487 чел.), ни по образу жизни, ни по организации пространства он не воспринимался приезжими в качестве такого. «Город – не город, деревня – не деревня», – отзывался о Мурманске 1920-х историк и краевед А.А. Киселев (*Киселев*, 1988: 8). А ведь население города росло стремительно: в 1926 г. – 7001 чел. (*Альмов*, 1926: 3).

Городские статус и реалии будут определять двойственное восприятие Мурманска вплоть до середины XX столетия, то есть до времени массовой застройки жилых кварталов (о визуализации и интерпретации Мурманска (см. напр.: *Шабалина*, 2016). «Приехав в Мурманск, в первую минуту даже огорчаешься из-за малой внешней нарядности города. Если не считать широкого и прекрасного главного проспекта, знакомого по фотографиям в наших журналах, здесь еще только рождаются очертания города, прокладывается его первый чертеж сквозь деревенскую кривизну и холмистость, сборища деревянных домиков по склонам, ни с чем не сравнимую мурманскую грязь», – вспоминает о поездке в Мурманск М. Шагинян, побывавшая в столице Кольского полуострова в 1950 г. (*Шагинян*, 1950).

Мурманск «свободный»

Архитектурно Мурманск остается советским городом. Основной период его застройки пришелся на послевоенное время. До войны основные городские постройки были деревянными. После Великой Отечественной войны Мурманск разрастался и строился. Однако советская застройка, как считают некоторые старожилы, не украшала город. Так, Б.Н. Блинов, писатель, краевед и житель Мурманска, фиксирует застройку города «по стандарту». Естественно, стандарты менялись, но по стилю застройки можно определить время: «советский ампир», «хрущевки», «серийные дома домостроительного комбината» и т.д. (*Блинов*, 2000: 40). Архитектурные стандарты при этом не отражали характер города. «Советскость» Мурманска заключалась в темпах и масштабах строительства. Как и многие города, возникшие в первой трети XX в., Мурманск строился сразу: велось военное строительство, создавался флот и порт, возникали объекты гражданского строительства, учреждения образования и культуры, административные и ведомственные структуры. Отсюда восприятие нового социального пространства как не устоявшегося, не оформившегося, а его жителей – географически и социально мобильных: «У Мурманска не было истории, не было традиций. Он был порождением новых социальных и нравственных отношений. Молодежь съезжалась сюда

со всей страны, и молодежный ясный бескорыстный способ жизни преобладал в городе» (Блинов, 2000: 14).

Мобильность горожан исторически определялась профессиональной спецификой. Мурманск – город моряков. Наличие морского порта давало возможность горожанам наблюдать другие страны и взаимодействовать с иностранцами, с теми, кто побывал за границей. «На улицах города все чаще слышалась английская, норвежская, финская, немецкая речь. В 1928 г. в Мурманске побывало 165 иностранных пароходов – в 2,5 раза больше, чем в 1926 году» (Киселев, 1988: 14). Мурманск оставался открытым: «С морем связана жизнь значительной части населения Мурманска, море обуславливает трудовой ритм города...» (Киселев, 1988: 3). Возможности рыбаков и моряков выходить в море, посещать города за пределами союза не столько расширяли их взгляды в отношении быта, архитектуры социальных и профессиональных связей, сколько создавали условия для мобильного поведения. А поскольку большая часть мужского населения города, так или иначе, была связана с морской деятельностью, можно говорить, что профессия моряка определила лицо города. «Морские рейсы, заграничные встречи и впечатления не давали сознанию окостенеть в жестких рамках навязанных догм. Несмотря на институт комиссаров, глаза на мир все же оставались открытыми, и это во многом помогло избежать той ортодоксальности, которой было подвержено сознание многих современников. Моряки, по образу жизни – по необходимости, оказались в числе немногих привилегированных, которым доступна заграница, и использовали свои привилегии во благо – вольно или невольно они воспитывали город» (Блинов, 2000: 42–43).

Гендерная специфика морских профессий позволяла мужской части населения оставаться независимой в бытовом плане, иметь возможность приобретать товары за пределами страны и т.д. Мобильность мурманчан определяла и их отношение к бытовому комфорту. Б.Н. Блинов отмечает «широта общения, радушное гостеприимство, хлеб-соль на столе были важнее, чем обустройство собственного жилья» (Блинов, 2000: 42). Высказывания Б.Н. Блинова отражают взгляд мужской половины горожан, поскольку дома, в городе, оставались семьи, жены, которые, собственно, и занимались формированием бытового комфорта.

Известно, что в Мурманской области минимизирован был знакомый жителям всего СССР продуктовый дефицит. Приведем воспоминания мурманчан: «Здесь не было скандалов в очередях, может быть и потому, что и очередей, подобных тем, что были позорищем всей остальной страны, у нас практически не было – Мурманск не был голодным краем. Здесь не смотрели на то, сколько стоит твоя одежда и какая у тебя обстановка в квартире. Опрятность и аккуратность имели значение, а стоимость нарядов – нет» (Лаврентьев, 2013); «Мои родители, как мурманчане, считали эту рыбу (речь

о путассу. – О.З.) третьим сортом (кстати, до сих пор не едят) и, конечно, не покупали. Не дай бог! А на 12 копеек можно было большой кулек спинок купить и ещё во дворе ей делиться. Конечно, лично мне этот «запретный плод» был «сладок»» (*Какие мы*, 2013).

Неокостеневший, «свободно плавающий», приезжий, работающий на Севере человек являлся символом не только советского Мурманска, но и Кольского Заполярья в целом: «У мурманчан страстная любовь к своей родной области, гордость ею, острое чувство ее непрерывного движения в будущее, как если б все они жили не на мурманской земле, а на корабле, с его могучей тягой вперед. И потому так безбоязненно, словно на море, обсуждаются здесь свои неполадки и промахи, так откровенно практически принимается критика, словно это и не критика вовсе, а добрый совет» (*Шагинян*, 1950).

Мурманск и «мурманчане»

Контрастность природно-климатических обстоятельств отразилась и на идентификации мурманчан. Обращает на себя внимание, что мурманчанами называют жителей не только города Мурманска, но и всего региона – Мурманской области. Поэтому иногда жители Мурманска, называя себя мурманчанами, выходят за рамки городской идентичности, расширяя ее до границ региональной («мы-мурманчане»), т.е. люди, живущие на Кольской земле, в Мурманской области). Более высокие уровни обобщения представляют идентичности заполярная («мы-северяне») и общесеверная («мы-жители северных регионов России»). Совокупность признаков, отличающих «северян» от «среднеполосных» и/ или «южан», детально рассмотрен И.А. Разумовой (*Разумова*, 2013). Идентичность мурманчан-горожан вписывается в разработанную ею концепцию.

Мы попытаемся рассмотреть самоидентификацию горожан через проживание ими тех или иных ситуаций, то есть определить, каким образом известные идентифицирующие признаки и качества северян реализуются в действии, осознаются и признаются мурманчанами. Узнавание себя в похожих ситуациях, ранее проживаемых, является способом соотнесения человека с определенной локальной группой.

В Интернете на нескольких сайтах предлагают список характеристик, отличающих мурманчан от не-мурманчан (см. напр.: *Мы – мурманчане; Какие мы*, 2013). В похожих списках можно обнаружить разделение признаков, характерных для мурманчан-горожан (фразы начинаются с: «Ты из Мурманска, если...», «Ты-мурманчанин») и для мурманчан-северян. Списки представляют собой описание узнаваемых ситуаций, с которыми сталкивались или могли столкнуться горожане-мурманчане. Пользователей призывают

к дискуссии, подтверждению (точнее, узнаванию) или опровержению представленных характеристик.

Рассмотренные списки являются красочным свидетельством микширования городской и региональной идентичностей. При этом городская идентичность в определенных ситуациях оказывается размытой, несмотря на первичную узнаваемость признаков, и она может свидетельствовать о принадлежности к другим, не региональным, элементам идентичности. Здесь объединяются и признаки городских («мы-жители приморского города»), профессиональных (или субкультурных – «мы-автомобилисты из определенного региона»), социальных («мы – бывшие») идентичностей. Приведем примеры из одного списка:

- «Когда сибиряки рассказывают про пятидесятиградусные морозы, тебе становится неудобно, и ты вовремя вспоминаешь слово «влажность», чтобы сказать, что у нас тоже холодно»;
- «Ты из Мурманска, если, встретив в горах Кавказа, на Валдае, в Сибири или в Москве автомобиль с номером региона “51”, ты начинаешь мигать фарами, сигналить и радоваться: “Кругом наши!”»;
- «Ты – мурманчанин, если умеешь отличить треску от мойвы» (*Мы – мурманчане*)

Ситуации, отождествляющие поведение мурманчан-горожан и мурманчан-северян, выстраиваются, прежде всего, на основе климатической специфики Заполярья: повышенная снежность (много снега зимой, не растаявший снег летом и пр.), Полярный день и Полярная ночь, карликовые березы, полярное сияние, поздняя весна, «отсутствие лета»:

- «Ты из Мурманска, если россказни петербуржцев про белые ночи вызывают у тебя только усмешку»;
- «Едучи с работы зимой, судорожно пытаешься вспомнить – в какую смену отработал»;
- «Ты из Мурманска, если...собирал грибы в березах. Березы были меньше грибов»;
- «Ты мурманчанин, если ты в середине июля вводишь литовских таможенников в состояние глубокого шока, доказывая, что букетик сирени – НАСТОЯЩИЙ»;
- «Ты-мурманчанин, если зимой ходишь в застегнутом пальто, а летом...в расстегнутом!»;
- «Ты мурманчанин, если уезжая навсегда, возвращаешься вновь в родной город» (*Мы – мурманчане*).

Проживание в заполярном климате и знания экстремальности заполярной природы становятся элементом насмешки над жителями более южных районов (вариант: москвичей), демонстрирующим невежество в этих вопросах: «Ты из Мурманска, если хоть раз заливал байки о том, что живешь

в яранге (или чуме), по улицам бродят белые медведи, а вместо такси – олени. И тебе верили» (*Там же*). Но и этот факт является элементом, характерным для идентичности «мы – северяне» (подробнее об этом см. *Разумова*, 2004).

Таким образом, идентифицирующими мурманчан-горожан обстоятельствами становятся те, в которых присутствуют упоминания символов города. Необходимы ситуации, в которых сам город может быть узнан, в противном случае, без упоминания топонима, представленные характеристики и ситуации могут быть приписаны жителям других северных городов. Какие же маркеры города являются доминирующими для мурманчанина? Это районы и мемориальные сооружения Мурманска, географические координаты, незамерзающий Кольский залив и ряд других:

- «Ты помнишь наизусть широту и долготу Мурманска. Потому что есть такая гостиница «69 параллель», а 33 – просто легко запомнить»¹;
- «Ты из Мурманска, если 12 лет ждал открытия моста через залив, а теперь едешь по нему просто так – покататься. Потому что на ту сторону тебе не надо»²;
- «Двое из каждых пяти твоих друзей постоянно изучают норвежский язык. При этом никто из них его не выучит»³;
- «Ты из Мурманска, если уверен, что море никогда не замерзает»⁴;
- «Ты знаешь кто такой Алеша и где его памятник»;
- «На Горе Дураков живут нормальные люди»⁵;
- «Ты – мурманчанин, если зимой радуешься северному, а не южному ветру»⁶

¹ Географические координаты Мурманска – Мурманская область, Россия. Широта: 68°58'45" с.ш. Долгота: 33°05'33" в.д.

² Речь идет о мосте через Кольский залив, открытие которого состоялось в 2005 г. Общая длина автомобильного мостового перехода составляет примерно 2,5 км (он является одним из длиннейших мостов, построенных за Полярным кругом). Строительство велось с 1992 по 2004 г.

³ Высказывание связано с приграничным положением г. Мурманска (на севере Мурманская область граничит с Норвегией). Ближайший приграничный норвежский город – Киркенес. Расстояние между городами – ок. 200 км.

⁴ Аллюзия на теплое атлантическое течение Гольфстрим (от англ. gulf stream – течение из залива). Средняя годовая температура воды на поверхности Гольфстрима около 25°C. Поэтому Гольфстрим обеспечивает очень мягкий климат в Европе. Одна из ветвей Гольфстрима достигает берегов Кольского полуострова, не позволяя замерзнуть Кольскому заливу, обеспечивая круглогодичные морские перевозки.

⁵ Гора Дураков – неофициальное название одного из микрорайонов города – Скального (Восточного).

⁶ Намеки на теплое течение Гольфстрим, несущее не только теплые воды, но и обеспечивающее «мягкий» климат Мурманска.

- «Ты мурманчанин, если слово «РОСТА» у тебя ассоциируется не с «ростом», а «ЖИЛСТРОЙ» не со «строительством жилья» и при этом оба слова ассоциируются с исчезнувшей мобилой и разбитой мордой»¹
- «если не единожды поправлял знакомых с юга, которые Мурманск называют Мурманском и утверждают что это правильно!!!»
- «Ты – мурманчанин, если считаешь главным городом России свою Полярную столицу» (*Мы – мурманчане*)

«Столичная» идентичность мурманчан основывается на том, что Мурманск – областной центр, его называют главным городом Кольского полуострова (Мурманской области), столицей Заполярья. Именно «столичность» Мурманска позволяет мурманчанам противопоставлять себя жителям других регионов: «Город наш морской и славный – в Кольском крае самый главный» (*Ядринцева, 2016: 6*). В Мурманской области Мурманск – крупнейший город (ок. 300 тыс. жителей), остальные города являются средними или малыми-моногородами (второй по численности город в области – г. Апатиты (ок. 56 тыс. жителей)). Столичность и окраинность Мурманска позволяет мурманчанам отличать себя от остальных мурманчан – жителей области. Столичность Мурманска противопоставляется провинциальности остальных городов региона (*Разумова, 2013*). У него есть преимущества – это самый крупный заполярный город, столица региона, именем «Мурманск» названы звезда (*Нуреев, 1994*) и одна из вершин в горах Таджикистана: «Вспоминайте с гордостью: Мурманск есть и в космосе!» (*Ядринцева, 2016: 8*). Мурманчане не относят себя к провинциалам, при этом считая таковыми других «мурманчан» – жителей остальных городов области. Они не используют слово «провинциал» – ярлыком внутрорегиональной провинциальности служит идентификатор «из области». Определитель «из района» не употребляется только потому, что люди «из области», как правило, являются горожанами, а не жителями сельской местности.

Жителя Мурманска, кроме столичности, отличает еще один признак. Проживание «на краю» создает определенные комплексы. В отдельных случаях возникает своего рода оправдательный текст, который и расставляет приоритеты столичности-провинциальности: «Травяная осень средней полосы не сравнится с осенью Кольской моховой тундры. Здешняя намного ярче, цветней, пестрей, разнообразней. Конечно, культурная жизнь Мурманска скудней жизни мегаполисов. Но зато при неизбалован-

¹ Жилстрой – микрорайон в исторической части Мурманска, застройка которого началась в годы первой пятилетки (1928–1932). Мурманчане считают его неблагополучным и криминальным районом. Роста – историческое название реки и селения, возникшего у устья реки в 1920-м г. Сегодня – район северной части города (Ленинский округ).

ности радость от прекрасного концерта, редкой выставки, циркового зрелища ярче. Да ведь и филармония, и музей работают тут неплохо. <...> Северного сияния в Москве вообще не дожدهшься. В Петербурге над городом не паришь, как на Зеленом Мысу, а получаешь красоту города порциями, поулично, так сказать. А тут почти всюду – панорама. Мурманские окраинные захолустья я предпочитаю спальным районам мегаполиса. Тут жизнь теплится на виду у тебя и греет душу человеческим братским томлением. Лестницы скрипят, собаки лают на кошек, «колонки» фыркают водой, ручьи звенят. Детские голоса создают извечный звуковой фон жизни» (Ковалев, 2009: 356).

В Мурманске много противоречий. Противоречиво и самоопределение мурманчанина: сопки и море добавляют ландшафтность к локальному типу и позволяют отделить жителей Мурманска от остальных мурманчан (жителей области). Идентичность мурманчанина множественна: он житель и Мурманска, и Заполярья, и Севера. Сочетание этих элементов позволяет мурманчанину без травмирующих последствий маневрировать между статусами столичного и провинциального человека.

Литература

100 фактов – 100 фактов о Мурманске. Часть 10 // Роза ветров. Север. Блог о Мурманской области и информационных технологиях. URL: <http://murmansk-nordika.blogspot.ru/2016/10/100-10.html?m=1>

Альмов 1926 – Альмов В. Население города Мурманска // Население города Мурманска в начале 1926 года (по административному учёту, произведенному 12–15 января 1926 года). Мурманск: Издание Мурманского Губернского Статистического Бюро, 1926. С. 1–9.

БардILEVA 2015 – БардILEVA Ю.П. Русская Православная Церковь на Кольском Севере в первой половине XX века. Мурманск: Мурманский государственный гуманитарный университет, 2015. 253 с.

Беляев 1994 – Беляев Н. От Кремля пешком // Мурманский вестник. 1994. 25 ноября. С. 1.

Блинов 2000 – Блинов Б.Н. Мой Мурманск // Вдоль большой дороги. Повести и рассказы. Мурманск: «Лит. фонд России», 2000. С. 5–44.

Военный Мурманск 2014 – Военный Мурманск: фотографии из фондов Мурманского областного краеведческого музея. Мурманск, 2014. 41 с.

Волкова 2012 – Волкова Е. Мурманск. Храм Спас на водах. Десять лет спустя // Вечерний Мурманск. 2012. 09 октября. URL: <https://vmnews.ru/novosti/2012/10/09/murmansk-hram-spas-na-vodah-desyat-let-spustya>

Всесоюзная перепись населения 1959 – Всесоюзная перепись населения 1959 г.

Численность городского населения РСФСР, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus59_reg2.php

Города с численностью 1994 – Города с численностью населения 100 и более тысяч человек / Демографические показатели // Российский статистический ежегодник. М.: Госкомстат России, 1994. С. 13–58.

Гречина 2015 – Гречина Н. Разрушенный, но не покоренный // Вечерний Мурманск. 2015. 18 июня. URL: <https://vmnews.ru/novosti/2015/06/18/razrusennyj-no-ne-pokorennyj?chroniclePopularOnly=1>

Из доклада 2016 – Из доклада министра путей сообщения А.Ф. Трепова императору Николаю II о поездке по линии Мурманской железной дороги с описанием закладки г. Романов-на-Мурмане // Мурманск: начало пути. 1916–1940 гг. Сборник документов к 100-летию со дня основания города Мурманска / Сост. С.А. Заборщикова и др. Мурманск: ООО «Тореал», 2016. С. 24–25.

Иорданский 1923 – Иорданский Ю.П. Район Мурманской железной дороги // Производительные силы района Мурманской железной дороги. Петрозаводск, 1923. С. 23–70.

Какие мы 2013 – Какие МЫ, мурманчане? // Форум мурманских родителей. URL: <http://forum.mama51.ru/index.php?topic=91164.60>

Кирошко 2016 – Кирошко А. «Ждущая». Точка отсчета // Вечерний Мурманск. 2016. 25 июля. URL: <https://vmnews.ru/vybor-redakcii/2016/07/25/-zdusaa-tocka-otscheta>

Киселев 1986 – Киселев А.А. «Чемоданы» и «Шанхай» // Полярная правда. 1986. 21 августа. С. 4.

Киселев 1988 – Киселев А.А. Мурманск – город-герой. М: Воениздат, 1988. 189 с.

Киселев 1996 – Киселев А.А. Город мой широкоплечий... : исторический очерк к 80-летию Мурманска. Мурманск: Мурманский областной институт повышения квалификации работников образования, 1996. 254 с.

Киселев 2006 – Киселев А.А. Мурманск в истории улиц и площадей. Мурманск: Кн. изд-во, 2006. 304 с.

Киселева 2012 – Киселева Н. Памятник женщине принес уют в Мурманск // Вечерний Мурманск. 2012. 14 ноября. URL: <https://vmnews.ru/novosti/2012/11/14/pamyatnik-zhenshhine-prines-uyut-v-murmansk>

Ковалев 2009 – Ковалев Н. В продолжение любви. Мурманск: Типография «Бенефис – О», 2009. 464 с.

Ковалев 2015 – Ковалёв А.В. Выписки к хронике событий на Мурмане за 1906–1920 гг., составлены Я.А. Комшиловым. Мурманск, 2015. 67 с.

Кот Семён исполнит 2013 – Кот Семен исполнит желания мурманчан // Вечерний Мурманск. 2013. 02 октября. URL: <https://vmnews.ru/novosti/2013/10/02/f0750959ee23b3814d6ce63e18263ebf>

Лавренъев 2013 – Лавренъев П. Мурманчане. URL: <http://www.proza.ru/2013/10/18/2040>

Локтев 2011 – Локтев В.П. Рвётся к городу Адольф: (хроника военного Мурманска в записях юного горожанина): август 1941 г. – октябрь 1942 г. Мурманск: МГГУ, 2011. 35 с.

Ляхницкий 1923 – Ляхницкий В.Е. Мурманский порт // Производительные силы района Мурманской железной дороги. Петрозаводск, 1923. С. 193–206.

Маслинский – Маслинский К. Спонтанная экскурсия как целостный текст: формирование содержания и рождение формул. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/maslinsky1.htm>

Мемориал – Мемориал «Защитникам Советского Заполярья» («Алёша»). URL: https://www.votpusk.ru/country/dostoprим_info.asp?ID=7664

Миланов 1996 – Миланов А. Нахаловки, Шанхай и Красная деревня // Вечерний Мурманск. 1996. 29 февраля. С. 10.

Мурманск: начало пути 2016 – Мурманск: начало пути. 1916–1940 гг.: сборник документов: к 100-летию со дня основания города Мурманска / сост. С.А. Заборщикова и др. Мурманск: ООО «Тореал», 2016. 402 с.

Мурманская железная дорога 1916 – Мурманская железная дорога: Краткий очерк постройки железной дороги на Мурман с описанием ее района. Пг.: Изд. Управления по постройке Мурманской железной дороги, 1916. 204 с.

Мурманский Кот 2016 – Мурманский «Кот Семен» вошел в топ-15 самых добрых памятников // Вечерний Мурманск. 2016. 24 марта. URL: <https://vmnews.ru/vybor-redakcii/2016/03/24/murmanskij-kot-semen-vosel-v-top-samyh-dobryh-pamatnikov>

Мы – мурманчане – Мы – мурманчане / Форум. URL: <http://www.yaplakal.com/forum6/st/100/topic682140.html>

Население по национальности 2010 – Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации // Всероссийская перепись населения 2010. Том 1. Численность и размещение населения. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf

Николь 2016 – Путешествие кота Семена: «От Кремля пешком». Легенда Мурманска // Женский мир. 2016. 03 февраля. URL: <https://jenskiymir.com/zhivoy-mir/domashnie-lyubimcy/511-kot-puteshestvennik.html>

Нуреев 1994 – Нуреев Р. Звезда по имени Мурманск // Полярная правда. 1994. 2 апреля. С. 1.

О музее 2018 – О музее. Атомный ледокол «Ленин». 2018. URL: <http://www.rosatomflot.ru/atomnyu-ledokol-lenin/lenin--muzey/>

Орехова 2009 – Орехова Е.А. Колонизация Мурманского берега Кольского полуострова во второй половине XIX – первой трети XX вв. : специальность 07.00.02 – Отечественная история : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2009.

Орехова 2010 – Орехова Е. А. К вопросу о законодательном обеспечении финляндской и норвежской колонизации Мурманского берега Кольского п-ова во второй половине XIX – начале XX вв. // Сотрудничество России и стран Северной Европы в социально-гуманитарной сфере, конец XX – начало XXI вв. Мурманск, 2010. С. 97–105.

Орехова 2012 – Орехова Е.А. Экономическая жизнь в колониях Мурманского берега во второй половине XIX – начале XX вв. // VIII Ушаковские чтения. Мурманск, 2012. С. 156–160.

Памятники военной истории 2014 – Памятники военной истории Мурманской области / Сост. Ю. Алехин, А. Бертош. Мурманск: РУСМА, 2014. 63 с.

Памятники города-героя 2004 – Памятники города-героя Мурманска. Мурманск: Борей, 2004. 64 с.

Память о прошлом 2014 – Память о прошлом город хранит : [о городе Полярном (Александровске)] : справочник-путеводитель / Подгот.: О.Г. Вербин и др. СПб: Дитон, 2014. 240 с.

Паустовский 1985 – Паустовский К. Г. «Мурманск» // Мурман – край российский / Сост. В. Сорокажердьева. М.: Современник, 1985. С. 352–359.

Разумова 2004 – Разумова И.А. Про академика Ферсмана, «Обманный камень» и «лунный пейзаж»: современный фольклор заполярного города // Живая старина. 2004. № 1. С. 16–19.

Разумова 2013 – Разумова И. А. «Мурманчане» или «северяне»? (Параметры социокультурной идентификации жителей Кольского Севера) // Модель мира коренных малочисленных народов Арктического региона: динамика взаимодействия языка и культуры в условиях глобализации и регионализации: материалы международного научно-практического семинара 29–31 октября 2012 года. Мурманск: МГГУ, 2013. С. 70–79.

Разумова 2015 – Разумова И. А. В условиях «духовного кризиса» и «информационной войны»: о ритуале прощания с моряками «Курска» // Труды КНЦ РАН. Гуманитарные исследования. Апатиты, 2015. Вып. 7. С. 47–58.

Разумова 2016 – Разумова И.А. Формирование ландшафта памяти (на примере АПРК «Курск») // Труды КНЦ РАН. Гуманитарные исследования 3/2016 (37). Гуманитарные исследования. Вып. 9. С. 8–21.

Романов-на-Мурмане – Романов-на-Мурмане // Форум на Мурмане. <https://forum.murman.ru/index.php?topic=868.0>

Романов-на-Мурмане накануне – Романов-на-Мурмане накануне столетия. https://vk.com/topic-16891107_24002994

Свод памятников 2009 – Свод памятников Мурманской области. Мурманск: Милори, 2009.

Сорокажердьева 2010 – Сорокажердьева В.В. Кольский острог – город Кола: страницы истории. 1517–2010. Кола: Опимах, 2010. 152 с.

Сурков 2009 – Сурков Д. Памятнику быть! // Вечерний Мурманск. 2009. 26 мая. URL: <https://vmnews.ru/novosti/2009/05/26/pamyatniku-byit>

Тропюю памяти 2009 – Тропюю памяти: памятники и воинские захоронения, расположенные на легендарных полуостровах Рыбачий и Средний. Мурманск, 2009. 14 с.

У каждого из нас 2013 – У каждого из нас есть город...: / ГОБУК МОДЮБ, Отдел краеведческой литературы; сост. Н.Б. Казакова. Мурманск: кн. изд-во, 2013. 120 с.

Ушаков 1960 – Ушаков И.Ф. Кольский острог (1583–1854): Военно-исторический очерк. Мурманск: МГПИ, 1960. 48 с.

Федоров 2009 – Фёдоров П.В. Северный вектор в российской истории: центр и Кольское Заполярье в XVI–XX вв. Мурманск, 2009.

Федоров 2011 – Федоров П.В. Владимир Локтев и его дневник // Локтев В.П. Рвётся к городу Адольф : (хроника военного Мурманска в записях юного горожанина): август 1941 г. – октябрь 1942 г. Мурманск: МГГУ, 2011. С. 3–9.

Ферсман 1929 – Ферсман А.Е. Апатито-нефелиновая проблема Хибинских тундр. Л.: Научное химико-техническое издательство, 1929. 96 с.

Численность населения России 2010 – Численность населения России, федеральных округов, субъектов Российской Федерации, районов, городских населенных

пунктов, сельских населенных пунктов – районных центров и сельских населенных с населением 3 тысячи человек и более // Всероссийская перепись населения 2010. Т. 1. Численность и размещение населения. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol1/pub-01-05.pdf

Шабалина 2016 – Шабалина О.В. Урбанистический пейзаж Я.А. Комшилова: штрихи к историческому социокультурному портрету г. Мурманска // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 9. 2016. № 3(37). С. 134–144.

Шагинян 1950 – Шагинян М. Мурманск. Мурманск 1950. URL: <http://www.emsu.ru/lm/cc/shaginan>

Ядринцева 2016 – Ядринцева И. Мурманск – Арктики столица. Североморск: Пароход, 2016. 57 с.

Ярмолич 2005 – Ярмолич Ф.К. Китайская диаспора на Кольском Севере в 20-е годы XX века: демографические характеристики // Живущие на Севере: вызов экстремальной среде: сб. ст. / под ред. П.В. Федорова, Ю.П. Бардиловой, Е.И. Михайлова. Мурманск: Изд-во МГПУ, 2005. С. 36–42.

ЛОКАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ ДВУХ СЕВЕРНЫХ ГОРОДОВ АРХАНГЕЛЬСКА И СЕВЕРОДВИНСКА: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА¹

Введение

Архангельская область является самой большой областью в европейской части России. В состав Архангельской области входит 14 городов, крупнейшие из которых – Архангельск и Северодвинск. Цель исследования – изучение локальной идентичности жителей городов Архангельска и Северодвинска, входящих в состав Архангельской области (Русский Север). Цель формирует следующие задачи: 1) описать локальные идентичности данных городов; 2) сравнить их в своем исследовании. Для этого нами был проведен опрос местного населения. Он проводился в период с 2000 по 2018 г. по специальному вопроснику. Ответы респондентов представляют собой устные и письменные тексты, как полученные в ответ на вопросы в ходе беседы, инициированной собирателем, так и спонтанные. Всего было опрошено 500 человек в возрасте от 16 до 90 лет. Многие наши респонденты являются мигрантами в первом, втором или третьем поколении. Ответы были получены в процессе интервьюирования, опросов и бесед. Предметом исследования является корпус фольклорно-речевых данных, сложившийся в ходе собирательской работы.

Проблемы идентичности были предметом исследования многих зарубежных исследователей. М. Байром (Великобритания) писал о социальной полиидентичности и о связи языка и национальной идентичности. Методологическими вопросами изучения идентичности занимался Л. Хонко (*Honko*, 2013). Особенно актуально изучение идентичности, по его мнению, в постиндустриальном обществе. Идентичность существует как система, где осознанное и бессознательное взаимодействует. Он указывает на то, что описа-

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ по проектам № 18-09-00392 «Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами: миграция, мобильность, идентичность» и № 18-412-290002 «Нарративы о разрушении православных церквей и культовых сооружений в современной фольклорной традиции Архангельской области» и при финансовой поддержке РГНФ и правительства Архангельской области «Русский Север: история, современность, перспективы» в рамках научного проекта № 15–14–29002 «а(р)» «Фольклорно-речевая практика и локальная идентичность жителей г. Архангельска и Северодвинска».

ние идентичностей происходит с помощью символов и метафор. Ключевыми понятиями для изучения идентичности являются слова: «традиция, культура, идентичность». Идентичность Л. Хонко рассматривает как часть традиции, которая раскрывает ее в аспекте культурной коммуникации. Группа объединяется значениями и эмоциями, которые наполняют выбранные символы для представления чувства сплоченности и единства (*Honko, 2013*). Также Л. Хонко занимался вопросами идентичности и эпоса (*Honko, 1996*). Он обращал внимание на то, что понимание эпоса во время его исполнения представителями другой группы происходит в зависимости от того, идентифицируют ли они себя с ним.

Специальное исследование, посвященное роли фольклора в становлении и сохранении идентичности предпринял А. Дандес (*Dundes, 1982*). Он пишет, что фольклор, несомненно, – один из самых важных источников для формирования и увековечения символов группы. Фольклор, по его мнению, является одним из главных источников, обеспечивающих коммуникацию с помощью стереотипов. А. Дандес предложил понимать термин *folk* не как народ, а как группу. Это позволяет говорить о принадлежности индивида одновременно к нескольким различным фольклорным группам. Индивид одновременно является членом семьи, этнической группы, религиозной конфессии, профессиональной группы, нации и т.д. и знаком с фольклором каждой из этих групп. Чувство идентичности человека меняется с течением жизни. Необходимо понимать, что фольклор – это не просто способ получения данных об идентичности учеными, это один из основных способов, каким индивид или группа открывают или создают свою идентичность (*Dundes, 1982*).

Локальная идентичность – один из видов территориальной – идентификация человека с местным сообществом, чувство сопричастности к событиям, происходящим на территории непосредственного проживания. На наш взгляд, она может рассматриваться как отдельный феномен. Локальная идентичность долго оставалась вне поля зрения русских исследователей. Препятствием для ее изучения являлся тот факт, что регионы являлись, скорее, объектом изучения географии, чем гуманитарных наук. Ее изучение заслонялось изучением этнической идентичности. В последнее время появились работы, посвященные изучению локальной идентичности населения отдельных регионов России: И.А. Разумовой и О.В. Змеевой (Мурманская область) (*Змеева, Разумова, 2010: 313–319; Разумова, 2005: 91–95; 2010: 313–319*); Н.В. Дранниковой (Архангельская область) (*Дранникова, Разумова, 2010: 9–27*), Е.В. Головневой (Екатеринбургская область) (*Головнева, 2013: 81–88*); П.Л. Крупкина и С.Д. Лебедева (Белгород, Владимир, Нижний Новгород) (*Крупкин, Лебедев 2013: 35–48*) и др. С изучением локальной идентичности тесно связаны исследования, посвященные изучению ло-

кального текста города: это работы В.В. Абашева (г. Пермь) (*Абашев*, 2000), М.Л. Лурье, М.Д. Алексеевского, А.А. Сенькиной, А.М. Жердяевой (г. Могилев-Подольский, Винницкая область, Украина) (*Алексеевский, Лурье*, 2008: 196–198; *Алексеевский и др.*, 2008: 419–442; *Лурье* 2008: 186–196), М.В. Ахметовой (г. Муром) (*Ахметова*, 2010: 85–111) и др.

Проблематика пространства и места в условиях глобализации

Проблематика пространства и места становится актуальной в условиях глобализации. Paraskevas Potiropoulos (Греция) (*Potiropoulos*, 2014) исследует особенности локальной идентичности в постиндустриальном обществе. Он обращает внимание на то, что идентичность становится гибкой и гибридной, а связь с местом становится символической, хотя и продолжает сохраняться. В настоящее время количество исследователей, затрагивающих проблему локальной идентичности, растет. Можно выделить несколько тенденций в ее изучении. Отмечается, что в условиях глобализации региональные идентичности выступают средством объективации, конструирования и поддержания различий в рамках социокультурных практик. Как указывает английская исследовательница Джессика Прендерграст, «место ... является необходимым условием социального существования настолько, что становится практически невозможно отличить “кто мы” “от кого”, “откуда мы”» (*Prendergrast*, 2004). С другой стороны, указывается, что существование региональных идентичностей направлено на усиление целостности. Высказываются также мнения, что региональная идентичность способствует росту доверия в локальном сообществе и является предпосылкой создания гражданского общества. Финский исследователь А. Пааси утверждает, что регионы должны рассматриваться как социальные конструкты, как результат, продукт “исторически обусловленных практик и дискурсов, в которых акторы создают и наделяют значениями более или менее связанные материальные и символические миры” (*Paasi*, 2002: 804). В настоящее время акценты в изучении локальной идентичности смещаются с ее описания к механизмам ее существования и воспроизводства.

Важным для нашей работы является понятие габитус, рассматриваемое как «представление о социальной действительности» (*Бурдьё*, 1998: 60–70) и включающее представление о месте. Проживая на той или иной территории, человек начинает осознавать свое место и оказывается включенным в сеть смыслов, которые реализуются в фольклорно-речевой практике. Е.В. Морозова и Е.В. Улько выделяют следующие критерии локальной идентичности: идентификация с малой родиной, с особенностями ландшафта и климата, со значимыми историко-культурными событиями, с выдающимися людьми, с экономической специализацией территорий, с уровнем социально-эконо-

мического развития, с особыми реальными или приписываемыми чертами коллективного поведения (Морозова, Улько, 2013: 139–151).

Наличие или отсутствие локальной идентичности у местного сообщества играет важную роль в характере восприятия города своего проживания, в наличии или отсутствии связи с городским сообществом.

История Архангельска и Северодвинска

Города Архангельск и Северодвинск расположены поблизости друг от друга, расстояние между ними составляет около 30 километров, но они имеют разную историю. Архангельск – это старинный город, вызывающий определенные исторические и этнические ассоциации, Северодвинск – советский индустриальный город. Архангельск был построен в 1584 г. как город-крепость с целью развития международной торговли и для защиты северных рубежей России. Первопоселенцами Архангельска были переселенные правительством семьи крестьян из окрестных деревень и стрельцов из с. Холмогоры и г. Москвы (Крестинин, 1792). На протяжении всей истории Архангельска основную часть его населения составляли местные жители. Состав населения изменился после Первой мировой войны и в большей степени после Гражданской войны – для работы на лесозаводах в Архангельск хлынули жители Архангельской, Вологодской и других губерний (Куратов, 2001: 42; Трошина, 2008). Во время индустриализации с середины 1920-х гг. в Архангельске строятся новые лесозаводы и модернизируются старые (Кортаев, 1998; Шубин, 2000). В это время в официальном государственном дискурсе Архангельск получает название “валютного цеха страны” (Куратов, 2001: 42). Для развития лесной промышленности проводятся специальные наборы, в город направляются спецпереселенцы из центральных губерний России и ссыльные (Шубин, 2002). Несмотря на большое количество приезжих из других регионов страны, основную часть его населения составляли выходцы из различных районов Архангельской области (Трошина, 2008).

В 1930 г. Северный край был самым крупным регионом спецпоселений раскулаченных семей. Строительство спецпоселков для высланных “кулаков” намечалось в безлюдных лесных массивах края, так как основная масса спецпереселенцев должна была быть постоянной кадровой рабочей силой в лесной промышленности. В Северный край спецпереселенцы стали прибывать с 25 февраля 1930 г. эшелонами по 1500–1800 человек по двум основным магистралям края: Вологда–Архангельск, Вятка–Котлас (Лобченко, 2009: 137–156).

В результате операции по раскулачиванию в Северный край было слано более 300000 чел. (Шаиков, 2000: 122). В самом г. Архангельске в на-

чале 1930-х гг. резко увеличилось количество спецпереселенцев. К началу 1932 г. спецпереселенцы, административно-высланные и другие «чуждые элементы» трудились на заводах, стройках Архангельска и его окрестностей (Коротаев, 2004: 38). Это привело к более сильному противопоставлению центра города и его окраин в сознании горожан и маргинализации пригородов. Только за 1930–1931 гг. население г. Архангельска удвоилось (Коротаев, 1998: 143).

Все более ужесточившаяся аграрная политика государства вынуждала крестьян отрываться от земли и искать работу на стороне. Они все больше превращались в скитальцев и временщиков. Это качество временщика резко обострилось в годы предвоенных пятилеток. Процессы, происходившие в стране, в большой степени оказали влияние на культурный облик г. Архангельска. Наряду со спецпереселенцами в Архангельск хлынули массы «индустриальных новобранцев» и невольников ГУЛАГа (Дранникова, 2019: 8–16).

В докладной записке «О размещении и устройстве кулацких хозяйств в Северном крае» (1930) говорится о плане правительства, в соответствии с которым предполагалось к 15 апреля 1930 г. ввести в Северный край 45000 семей, а к осени довести их число до 75000 (Коротаев, 2004: 36). В процессе реализации плана было решено значительную часть раскулаченных направить в восточную малонаселенную часть Северного края. По официальным данным, в 1930–1931 гг. в Северный край было выслано 285 609 спецпереселенцев. В.Я. Шашков в результате проверки уточнил их количество и определил действительную, как ему представлялось, численность – 300922 чел. (Шашков, 2000: 122).

Внуки старожилов г. Архангельска вспоминают:

«Я с детства помню рассказы моей бабушки о том, что в конце 20-х, начале 30-х годов на улицах Архангельска лежали трупы, которые долго никто не убирал. Это были умершие от голода “раскулаченные”, которые семьями были высланы в Архангельск, не имели никаких средств для жизни, целыми семьями просили подаяние, а им отказывали оттого, что самим было нечего есть, а чаще – от жестокости» (М., 44) (Дранникова, 2019: 8–16).

Северодвинск является «новым» городом, «индустриальным» и социалистическим. Его история начинается с 1936 г. В это время был основан поселок Судострой, на территории которого начал строиться кораблестроительный завод (Куратов, 2001: 364; Шмигельский, 2013). В 1930 г. основное население города составляли заключенные ГУЛАГа (Ягринлага и других лагерей, переведенные сюда для строительства завода) (Бондаревский, 1998: 228–255; Мельник, 2006: 216–244), а также переселенцы из районов Архангельской области и соседних с нею областей (Куратов, 2001: 364). В середине тридцатых годов началось преобразование лагерей ОГПУ в хо-

зайственный наркомат СССР. В 1936 г. по Постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) и Совета Труда и Оборона № 0-137сс в районе Никольского устья Северной Двины началось возведение судостроительного завода № 402. В марте 1938 г. Правительство приняло секретное решение, по которому в ведение НКВД передавались строящиеся объекты завода № 402. 13 апреля 1938 г. приказом народного комиссара внутренних дел Н. Ежова № 00220 были созданы Управление строительства № 203 и Ягринский исправительно-трудовой лагерь с непосредственным подчинением ГУЛАГу НКВД. И вскоре стройка полностью перешла в ведомство НКВД. (*Мы строили необычайный город*, 2018: 4–5). Факт строительства Северодвинска с помощью насильственной миграции и труда заключенных замалчивался в советский период, официально его первыми строителями считаются 60 человек, прибывших сюда на колесном теплоходе «Иван Каляев». В 1988 г. на месте их высадки по дороге на остров Ягры был установлен памятник. Краевед Л.Г. Шмигельский писал: «В строительстве участвовали тысячи людей, преимущественно жителей Архангельской, Вологодской, Северодвинской и Коми областей, входивших тогда в состав Северного края. Большинство из них ранее занималось крестьянским трудом и о промышленном судостроении имело смутное впечатление...» (*Шмигельский*, 1998: 99). Строительство Северодвинска в официальной истории сравнивалось со стройками первых пятилеток – Комсомольском-на-Амуре, Турксибом и Магниткой. В 1950-е гг. судостроительные заводы разрослись и начали оттягивать население из деревень Архангельской и Вологодской областей. Возникновение Северодвинска сходно с образованием городов Кольского Севера, которые в советский период создавались как промышленные города (*Разумова*, 2009).

Самоназвания

О наличии локальной идентичности свидетельствует самоназвание (эндоним) местного сообщества. Жители Архангельска называют себя *трескоедами*. С самоназванием связано большое количество автореферентных паремий (поговорок, загадок и пр.), которые раскрывают его (*Дранникова*, 2004: 80–82). Жители Архангельска называют свой город городом доски, тоски и т.п. (*Дранникова*, 2004: 270). Эти наименования основываются на стереотипах о пищевых пристрастиях и поведенческих особенностях местного сообщества и его профессиональных занятиях. Подразумевается, что треска является основной пищей архангелогородцев, что их основное занятие – работа в лесной промышленности и что они лишены жизнерадостности. Современные горожане используют в своем дискурсе перифрастические наименования своего города, некоторые

Лесопильный завод Суркова и Шергольца.
Открытка 1906 г., сделанная по фотографии Якова Лейцингера.

из них восходят к советской риторике. Они считают, что город знаменит тем, что является *воротами в Арктику*, *всесоюзной лесопилкой* и *городом рыбаков*. Архангельск был отправным пунктом всех арктических экспедиций и отсюда выходили сотни судов по Северному морскому пути (Куратов, 2001: 42). В перифрастическом наименовании *ворота в Арктику* нашел отражение стереотип, связанный с географическим положением. П.Л. Крупкин считает, что представление о локальной географии местного сообщества составляет ядро коллективной идентичности (Крупкин, 2010: 203–311). По определению Д.Н. Замятина, локальная география включает «устойчивые пространственные представления, которые формируются в различных сферах культуры в результате какой-либо человеческой деятельности (как на бытовом, так и на профессиональном уровне)» (Замятин, 2006: 92). Наименование *всесоюзная лесопилка* появилось в 1920-е гг., когда в Архангельске было построено много новых лесозаводов (Куратов, 2001: 42). Характеристика Архангельска как *города рыбаков* восходит к профессиональным занятиям его жителей. Рыба долгое время оставалась основой торговли Архангельска с другими регионами России и странами Запада. В последние два десятилетия появилось еще одно самоназвание Архангельска – *тупик*. Особенно оно распространено в молодежной среде. Мотивационная рефлексия наших респондентов включает в себя объяснения,

связанные с тем, что в Архангельске заканчивается Северная железная дорога, и что он находится в 50 километрах от Белого моря, а также с тем, что в Архангельске более низкий уровень жизни, социально-экономических и культурных возможностей, чем в столице. Несмотря на негативный контекст, тупииковое положение придает городу особую символическую значимость, которую имеют и некоторые города Кольского Севера, о чем пишет И.А. Разумова (*Разумова*, 2005: 91–95). Существование эндонима *трескоеды* и различных перифрастических наименований, которые используются по отношению к своему городу местные жители, свидетельствует о развитом локальном самосознании жителей Архангельска.

Жители Северодвинска называют себя *судостройцами*, а свой город – *городом корабелов*. Данные самоназвания относятся к повествовательным стереотипам советского дискурса. В городе существует два судостроительных завода, где строят атомные подводные лодки. Кроме того, нам встретилось еще одно самоназвание Северодвинска – *подводный атом* (*Драникова*, 2004: 343), семантически связанное с первым через смысловую доминанту города – деятельность его градообразующего предприятия. Локальная идентичность жителей Северодвинска накладывается на идентичность профессиональную, что отличает их от архангелогородцев.

Локальная мифология

К факторам, которые поддерживают и укрепляют локальную идентичность, относятся наличие выдающихся или знаменитых земляков, любимые горожанами маршруты, знаковые места. Конституирующей основой региональной идентичности является локальная мифология. Коллективная память создает, в первую очередь, образы места и локального сообщества. В ней присутствует рефлексия, касающаяся имени города. Основным этиологическим сюжетом устной городской прозы является сюжет о имянаречении города. Жители Архангельска придают названию своего города сакральное значение. Город был назван в честь Михайло-

Памятник Петру I (скульптор М.М. Антокольский).
Фото с сайта «Старый Архангельск».

очередь, образы места и локального сообщества. В ней присутствует рефлексия, касающаяся имени города. Основным этиологическим сюжетом устной городской прозы является сюжет о имянаречении города. Жители Архангельска придают названию своего города сакральное значение. Город был назван в честь Михайло-

Архангельского монастыря, находившегося на месте будущего города, поэтому, по утверждению местных жителей, когда в 1929 г. Архангельск хотели переименовать в Сталинопорт (*Аганитов*, 2001: 44), то не смогли этого сделать. Сакрализации имени города способствует фольклорный сюжет об участии в его имянаречении царской особы – Петра I. Царь видит сон, в котором к нему является Архангел Михаил и говорит о необходимости строительства нового города-порта. На самом деле строительство Архангельска происходило в период правления Ивана Грозного. В архангельской этнокультурной традиции мифологизированный образ Петра I занимает важное место (*Дранникова*, 2004: 228–229). Во многих устных рассказах Петр I выступает имядателем различных населенных пунктов Архангельской области (*Дранникова*, 2004: 228–229).

Большинство из жителей г. Северодвинска могут назвать его предыдущие названия – Молотовск и Судострой. Поскольку название Северодвинска образовано от наименования реки Северной Двины, в устье которой он расположен, то все наши респонденты, знают о причинах его происхождения. Основным этиологическим сюжетом истории Северодвинска, по нашим материалам, является предание о происхождении названия острова Ягры, сейчас это микрорайон г. Северодвинска. На Яграх в 1553 г. пришвартовался единственный уцелевший корабль английской экспедиции, которая искала путь через арктические моря в Китай и Индию. Им командовал английский капитан Ричард Ченслер (*Шмигельский*, 2001: 436–437). Из-за обилия цветущего на острове шиповника англичане назвали остров Розовым, именно так он именуется на иностранных картах XVII в. (*Кабинина*, 2011: 131–133), в дальнейшем же финно-угорское слово Ягры¹ местные жители стали возводить к английскому языку, а сам Ричард Ченслер превратился в культурного героя северодвинского фольклора.

В содержании локальной идентичности важное значение имеет культурно-ценностный компонент. Общность проживания в одном месте формирует коллективную память, которая лежит в основе идентификации. Историко-культурная память архангелогородцев чаще всего ограничивается второй половиной XX в., что объясняется, в частности, современной миграционной ситуацией, которая обусловила состав информантов. Однако в нашем архиве есть рассказы о чудесах, произошедших в архангельских церквях в XIX–XX вв. (*Дранникова*, 2015: 35–38), о военном Архангельске, о наказании горожан за непочитание святынь и др. К важным событиям в судьбе Архангельска наши респонденты относят строительство в 1693 г. судоверфи (*Огородников* 1875), преобразованной в 1922 г. в судостроительный завод

¹ По мнению Н.В. Кабининой, название Ягры образовано от саамского типа *агра 'прибрежная отмель'. «В виде ягра, агра “обнажающаяся при морском отливе каменистая или песчаная полоса берега” ... Со временем двинские отмели превратились в острова» (Кабинина 2011, 131–133).

«Красная кузница»; деятельность Архангельского морского порта, который был первым в истории России, основание в 1701 г. в период Северной войны Новодвинской крепости (*Крестинин*, 1792); разрушение Троицкого кафедрального собора (1928–1931); морские конвои, приходившие во время Второй мировой войны в Архангельск из других стран (*Супрун*, 1997).

Историко-культурная память жителей индустриального города Северодвинска включает события советского периода. В качестве знаменательных событий в истории города называются ремонт атомного ледокола «Ленин» (1967–1970) на судоремонтном заводе «Звездочка» и награждение за это Северодвинска орденом Ленина (1983). Исключением являются северодвинцы, которые знают исторические факты о том, что город был основан на месте бывшего Николо-Корельского монастыря, известного с 1419 г. и на территории которого были похоронены сыновья новгородской посадницы Марфы Борецкой, погибшие в 1471 г. в Белом море (*Сойкин*, 1994: 44–47; *Мельник*, 2013: 37–40) и прибытие в Двинской залив английского путешественника Р. Ченслера. Знание о двух последних фактах почерпнуто из литературных краеведческих публикаций.

Исторические события, оставшиеся в памяти жителей Архангельска и Северодвинска, представляют собой «контртекст», адаптирующий и инвертирующий известные образы и события в соответствии с народной традицией. Проведенное нами исследование подтверждает наличие коллективной памяти у представителей архангельского и северодвинского сообществ, но в то же время оно демонстрирует, что в памяти северодвинцев преобладают профессиональные события из советского прошлого.

Городское пространство

В начале XX столетия архитектурный облик Архангельска формировали главным образом соборы и церкви. В первые десятилетия прошлого века от улицы Архиерейской (ныне – улица Урицкого) и до реки Кузнечихи вдоль Северной Двины тянулась череда храмов, представляющая собой единый ансамбль, наиболее важными центрами которого были Михайло-Архангельский монастырь и Свято-Троицкий кафедральный собор¹. После Октябрьской революции 1917 г. разрушение культовых сооружений и монастырей приобрело массовый характер, в тот период в Архангельске была уничтожена большая часть храмов². Храмы были символически значимыми

¹ Усков В.В. Город Архангельск. Исторические заметки о церквях и зданиях с приложением планов и видов. Архангельск, 1902.

² Попова Л.Д. Архангельск: Очерки истории строительства (конец XVI – начало XX в.). Архангельск, 1994. С. 6–7; Попов А.Н. Гибнут памятники уникальные: Письмо из 1926 года / Публ. Ю.В. Дойкова // Правда Севера. 2001. 24 мая. С. 10.

местами для жителей г. Архангельска до периода их массового уничтожения. В настоящее время они потеряли это значение.

Разрушение Свято-Троицкого собора. 1929 г.

Фотограф Б.Ф. Оттлие.

Значительное место в современном устном репертуаре жителей Архангельска, как и во многих других городах, занимают рассказы, в которых основным мотивом является наказание за непочитание святыни. Например, исполнительница, работающая в одной из архангельских церковных лавок, рассказала о событии, которое, по ее словам, произошло в Успенском Боровском храме г. Архангельска: *«Это было давно.*

*В Успенском храме в XV веке молодой ворюшка хотел украсть икону, но не сумел, поскольку, выбираясь через окно, – застрял, его не выпускали святые духи. Утром ворюшку обнаружил дьячок...»*¹. Время действия в рассказе отдалается на два века. В действительности Успенский Боровской храм был построен только в 1626 г.² В легенде происходит смешение временных понятий, используются повторяющиеся повсеместно мотивы. Вера в то, что за совершенное святотатство Бог наказывает человека, была распространена повсеместно – как в городском, так и в крестьянском фольклоре.

В Архангельске бытуют устные рассказы о строительстве храма на месте, рядом с которым погиб человек. Такое место в народной традиции обычно получало сакральный статус. Подобное представление содержит в себе архаичный мотив жертвы, с помощью которой было освящено сакральное пространство. Мифологема «строительной жертвы» глубоко укоренилась в народном сознании. Мотив жертвы, связанный с основанием храмов, распространен в легендах различных российских городов, в том числе в архангельских религиозных нарративах. Так, мотив жертвы содержит в себе предание о строительстве Александром III храма Спаса-на-Крови на месте гибели его отца, императора Александра II, в Петербурге³. Данный мотив присутствует и в тексте об основании церкви, названной в честь святого мученика Виктора, в микрорайоне Архангельска Варавино (ранее – д. Варавинская): *«У Виктора Викторovichа Голубева утонул сын. Семья была в от-*

¹ Записано в 2012 г. Н. Елохиной (Мошковой) от Д.О. Фроловой, 1990 г. р. ФА САФУ. Ф. 27. П. 640.

² Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии / Сост., вступ. ст. Т.А. Санакиной. Архангельск, 2015. С. 27.

³ Синдаловский Н.А. История Санкт-Петербурга в преданиях и легендах. СПб., 1997. С личностью Александра II связано множество легенд, одна из которых – о пощении императором места своей гибели.

чаянии, потому что не могла отыскать его тело. Тогда мужчина начал молиться, просить Бога, чтобы тот вернул хотя бы тело ребенка...»¹.

В этой легенде мотив жертвы находится в тесном взаимодействии с мотивом обета отца, который дается им в надежде на Божью помощь. Действительно, до 1917 г. на улице Никитова возвышалась деревянная церковь, построенная на деньги В.В. Голубева в память о погибшем сыне. Позже, как и большинство храмовых сооружений, она была национализирована и в советское время использовалась как Дом пионеров, а в 1960-е гг. была разобрана. В начале 2000-х гг. рядом был построен новый храм, освященный в честь святого благоверного князя Александра Невского².

*Вид на Соловецкое подворье. 1919 г.
Фото с сайта «Старый Архангельск».*

Значительное место в современной повествовательной традиции многих городов занимают рассказы о разрушении святынь в советское время, вызванном борьбой с религией и набравшем особую силу в конце 1920-х гг.³ Как ранее уже было отмечено, сюжет о наказании за непочитание святыни в современной устной религиозной прозе имеет весьма широкое распро-

странение. Разрушение же святыни, по народным представлениям, – один из самых страшных грехов, за которым незамедлительно последует наказание. Подобные рассказы носят ярко выраженный дидактический характер. Интересно то, что в Архангельске таких рассказов оказалось как раз очень немного.

Некоторые архангелогородцы говорили, что, когда в 1929 г. происходило разрушение здания кафедрального Свято-Троицкого собора, люди, ломавшие его, долго не могли сдвинуть с места купола собора. Некоторые

¹ Записано в 2012 г. Н. Елохиной (Мошковой) от Л.Я. Слоевой, 1938 г. р. ФА САФУ. Ф. 27. П. 640.

² Краткая история храма в честь св. благоверного князя Александра Невского в округе Варавино-Фактория г. Архангельска. – Загл. с экрана. – Режим доступа: <http://hram-anevskogo.prihod.ru/main-page/istoriya-sozdaniya-xrama/> (дата обращения: 28.01.2017).

³ Мороз А.Б. Разрушение церквей в советский период: два взгляда // Historia mówiona w świetle nauk humanistycznych i społecznych. Lublin, 2014. С. 187–195.

из горожан утверждали, что во время разрушения были слышны непонятные стоны, крики, плачи: *«Говорят, что когда разрушали Троицкий кафедральный собор, то купола долгое время не сдвигались, словно их держал кто-то. Не знаю, правда, или нет, но говорили, что те, кто участвовал в уничтожении собора, в скором времени умерли, да не просто так, а в муках»*¹. В рассказах на этот сюжет сохраняется элемент чудесного вмешательства высших сил в деяния людей. В подобных легендах мотив наказания за непочитание святыни выполняет сюжетообразующую функцию и осквернение святыни, по мнению респондентов, не может остаться безнаказанным.

*Вид на Северную Двину с высоты
Кафедрального собора.*

Фото с сайта «Старый Архангельск».

К текстам с функцией маркировки городского пространства относятся и устные рассказы о «нечистоте» места, на котором стоял Свято-Троицкий собор, разрушенный в 1929 г. Места, на которых стоят храмы и монастыри, обычно имеют положительную маркировку, но когда храм подвергается разрушению, то место, на котором он стоял, приобретает в народной традиции отрицательную оценку. Представле-

ние о «нечистоте» такого места образует единое семантическое поле с запретами на строительство дома на месте пожарища, развилке дорог, кладбища и др., существующими в народной культуре. Это представление переносится и на здание, построенное на месте бывшего храма или монастыря. В 1931 г. на фундаменте собора и из его кирпичей был построен Архангельский театр драмы имени М.В. Ломоносова. До последней перестройки здания драматического театра в нем были сохранены стены собора со стороны Набережной Северной Двины. Ср.: *«Место, на котором стоит сейчас Театр драмы считается проклятым, “нечистым”, так как во времена советской власти здесь была разрушена церковь»*²; *«“Нечистым” местом свойственно считать Театр драмы имени М.В. Ломоносова. Он был построен на месте*

¹ Записано в 2012 г. Н. Елохиной (Мошковой) от А.И. Ищенко, 1936 г.р. ФА САФУ. Ф. 27. П. 640.

² Записано в 2012 г. Н. Елохиной (Мошковой) от А. Калининой, 1982 г.р. ФА САФУ. Ф. 27. П. 640.

Троицкого собора, который был разрушен специально для строительства театра. Поэтому считается, что это театр всегда будут преследовать неудачи. И некоторые считают, что это предсказание сбывается»¹; «Кафедральный собор был один из лучших в Европе. А на его месте сейчас всякие неприятности происходят, там ничего не держится»². Данные тексты передают типовые мифологизированные представления жителей Архангельска о пространстве своего города. И в этом смысле в них прослеживается связь с традиционными деревенскими мифологическими рассказами.

В архангельском городском тексте немногочисленны сюжеты о восстановлении святыни. В них, как правило, указывается на сакральный статус места, на котором они строятся вновь, что подтверждается каким-либо божественным знаком. Так, например, одна из жительниц Архангельска утверждала, что восстановление Свято-Никольского храма в 1994 г. сопровождал колокольный звон: *«Когда на Никольский храм водружали крест, то кругом был слышен колокольный звон. Другой раз колокольный звон раздался во время совершения молебна. Этот звон слышали все прихожане, а удивительно то, что в Никольском храме на тот момент еще не было ни колоколов, ни звонницы, так что произошедшее в храме было явным чудом»³. В подобных текстах основным является мотив благословения свыше того места, на котором возрождается святыня. По мнению респондента, святость места подтверждает колокольный звон.*

В Архангельске, как и в других городах, получила развитие городская скульптура. Городские памятники выполняют несколько функций, основной из них является функция передачи культурной и исторической памяти. В.Ф. Лурье выделяет два типа памятников: памятник как носитель некоей информации о прошлом, лице или событии и памятник – носитель определенной идеи (идеологии) (Лурье, 2003: 420).

В сентябре 2008 г. в Архангельске на пересечении улицы Поморской и проспекта Чумбарова-Лучинского состоялось торжественное открытие памятника известному архангельскому писателю-сказочнику и художнику Степану Григорьевичу Писахову (13 (25) октября 1879, Архангельск – 3 мая 1960, Архангельск) (скульптор – Сергей Сяхин). Памятник Степану Писахову относится к первому типу памятников. Бронзовая скульптура сказочника протягивает руку прохожим, в его авоське находится рыба, на шляпе сказочника расположилась чайка, прилетевшая, по замыслу скульптора, на запах рыбы.

¹ Записано в 2012 г. Н. Елохиной (Мошковой) от Н. Першиной, 1982 г. р. ФА САФУ. Ф. 27. П. 640.

² Записано в 2012 г. Н. Елохиной (Мошковой) от Т.В. Румянцевой, 1982 г.р. ФА САФУ. Ф. 27. П. 640.

³ Записано в 2012 г. Н. Елохиной (Мошковой) от К.И. Кочергиной, 1989 г.р. ФА САФУ. Ф. 27. П. 640.

Чайка трижды подвергалась актам вандализма: ее крали, но администрация города возвращала ее на место.

Памятник С.Г. Писахову (скульптор С.Н. Сухин). Фото автора, 1999 г.

Наряду с официальным отношением к памятнику существует шутливое, или сниженное отношение к нему. Скульптурный образ Писахова приняли не все жители города. Поэтому мы провели опрос среди жителей г. Архангельска, позволяющий определить отношение горожан к этому памятнику. Опрос проводился на улицах города и через интернет. В нем приняли участие 150 человек. Всем опрошенным предлагалось выбрать одно из мнений: «Мне нравится памятник. Он соответствует стилю и сюжету сказок Писахова» или «Мне не нравится памятник – Писахов выглядит комично». Проведенный нами опрос показал, что жители Архангельска считают С.Г. Писахова символической фигурой, поэтому они высоко оценили факт появления памятника ему.

По их мнению, памятник является данью уважения к писателю. Подавляющему большинству из опрошенных нами (83,99 %) – памятник нравится. Все ответы мы разделили на несколько групп. Первую из них составили ответы о необходимости большего количества памятников для города. Приведем некоторые из них: *Чем больше памятников, тем лучше (Е.Ш.); Подобные памятники создают лицо города (В.Д.); Чем больше памятников, тем лучше память. Чем лучше память, тем виднее перспективы. Чем виднее перспективы, тем осмысленней жизнь (В.М.)* и др. В своих ответах горожане отмечали, что вид памятника соответствует комической стилистике самих сказок Писахова (Т.М.) и особенностям его поведения и внешнего вида, при этом некоторые из информантов ссылаются на рассказ Писахова о себе, который писал своему другу А.К. Покровскому: «Мой вид столетнего часто помогает при встрече с приезжими. Местные знают. А по сей причине (не в оговор сказать!) не знаю очередей и затруднений при «шествии по граду» – надо придерживаться патриаршего стиля» (Пономарева, 2005).

Еще одну группу составили ответы горожан, в которых подчеркивалось, что комичный вид памятника приближает писателя «к народу». *Родной он такой, и на постаменте ему возвышаться где-нибудь на набереж-*

ной совсем не дело, и место самое подходящее выбрано. Замечательно сейчас отреставрировали Чумбаровку (улицу Чумбарова-Лучинского), и, будь моя воля, я бы там аллею памятников сделала (Н.М.). Всего несколько участникам опроса не понравился внешний вид памятника из-за отсутствия в нем монументализма: *Современные памятники, они какие-то странные, как поделки ремесленников, от некоторых остается ощущение убогости. А ведь раньше, помнится, были и архитектор, и художник у памятников....* (А.К.).

Большую часть отрицательных ответов составило не само скульптурное воплощение Писахова, а неуважительное отношение к нему жителей города. *Неприятно видеть, когда, обнимая бедного Писахова, стоит подвыпивший гражданин с бутылочкой пенного напитка и в разнообразных позах «отдает дань уважения» писателю. Культуре города. М-да* (А.З.).

Многие из респондентов отметили возникновение новых ритуальных практик, связанных с памятниками, например: они отмечали, что если пожать руку памятнику Степана Писахова и погладить кошку, расположившуюся у его ног, то день будет удачным. К появлению подобных ритуалов жители города относятся положительно.

Восприятие жителей Архангельска и Северодвинска населением других регионов

Символический образ города связан с восприятием Архангельского региона иногородними жителями. Сопоставления возникают в определенных коммуникативных ситуациях – во время встреч представителей других городов с архангелогородцами и северодвинцами. Они спрашивают, есть ли в Архангельске олени: в южных городах считают, что в Архангельске по городу ходят белые медведи и пингвины. Представители старшего поколения вспоминают, что раньше в других городах им часто задавали вопрос: *А у вас там, правда, нецы на оленях по городу ездят и треска по пять копеек?* (Тихонова Н.В., 1962 г.р.). Ненецкий автономный округ входит в состав Архангельской области, а треска во время существования СССР стоила очень дешево. Архангельск и Северодвинск ассоциируются с холодными климатическими условиями и белыми ночами, поэтому традиционный вопрос, который можно услышать от южан: *А, правда, что у вас можно книжку читать даже ночью?* (Ровенко Н.В., 1958 г.р.); в Анапе задают вопрос: *Сколько в городе вигвамов? (имеются в виду чумы) и не замерзаем ли мы при 50 градусах.* Жителям как Архангельска, так и Северодвинска задают вопрос, связанный с их профессиональной деятельностью и с географическим положением населенных пунктов, в которых они проживают: *Много ли в городе моряков?*, а жителей Северодвинска спрашивают, купаются ли они *в море рядом с подводной*

лодкой. Респонденты, имеющие чувство юмора, подтверждают это. Другие отвечают, что медведей нет, а морозы такие же, как в Питере. Фольклоризация данной диалоговой ситуации очень характерна для культуры северных городов (Разумова, 2004: 16–19).

В топике устных мемуаров, характеризующих Архангельск и его жителей, преобладают следующие ключевые слова: «белый медведь», «лед», «олени» / «оленьи упряжки», «вечная мерзлота». Архангелогородцев и северодвинцев в других городах называют *замороженными* / *примороженными* / *обмороженными*, имея в виду особенности их темперамента и поведения. Данные экзонимы содержат в себе этнопсихологические стереотипы восприятия жителей Архангельска и Северодвинска другими территориальными сообществами. Ключевые символы территории: *белые медведи, лед, олени, вечная мерзлота* и метафорические эпитеты *замороженные* / *примороженными* / *обмороженные* – естественны для характеристики региона с холодным климатом и его жителей.

Существуют практически одни и те же стереотипы восприятия жителей Архангельска и Северодвинска населением других регионов. Они связаны с представлениями о географическом положении на море и холодном климате этих городов. Отношение к жителям Северодвинска дополнительно связано с их профессиональной деятельностью.

Стереотипные представления о себе и друг о друге

Одним из факторов, актуализирующих идентичность, является возможность межгруппового сравнения, которое представляет основание для оценивания «своей» и «чужой» группы. В ситуации сравнения (а в определенных случаях – противопоставления) с группой «чужих» четко обозначаются критерии идентичности. В фольклорно-речевой практике жителей Северодвинска и Архангельска реализуются стереотипные представления о себе. Северяне противопоставляют особенности своего характера и поведения южанам. Они считают, что северяне более добрые, честные, спокойные, воспитанные, искренние, гостеприимные, несуетные, немногословные, более чистоплотные и трудолюбивые, чем южане. В существующей оппозиции южане/северяне важна не принадлежность к какому-нибудь отдельному городу, а признание своим местом жительства Север. Оппозиция актуальна для жителей всего Архангельского Севера. Сравнивая себя с южанами, северяне приписывают себе только позитивные характеристики. Архангелогородцам, как и многим другим местным сообществам, свойственен этноцентризм, поэтому они считают, что их везде уважают, а моряки из других городов будто бы радуются, когда узнают, что их собеседник из Архангельска.

Рассказывание подобных историй является способом подтверждения самоидентификации с городом.

Респонденты признают различные конститутивные признаки группы своими и отождествляют себя с нею. Образ типичного жителя Архангельска во многом совпадает с характеристикой всех северян. По мнению респондентов, он отличается следующими чертами: замкнутостью, честностью, твердостью, выносливостью, свободолобием, чувством собственного достоинства, добродушием, сдержанностью, верностью слову. В определении особенностей характера архангелогородца наши респонденты манифестируют традицию описания помора, сложившуюся в краеведческой, художественной и научной литературе. Поморы – небольшая по численности этнографическая группа старожильческого населения на Белом море, основным занятием которой являются морские промыслы (Куратов, 2001: 317).

Типичными чертами северодвинцев наши респонденты называли трудолюбие, гостеприимство, доброжелательность горожан и их физическую выносливость, большое место среди ответов заняли характеристики, имеющие лексическое значение «равнодушие» и «апатия» – спокойствие, отсутствие инициативы. Горожане считают себя интровертами. Говоря о типичном северодвинце, информанты часто называют его *заводчанин*, *работяга* (встречается даже метафорическое наименование *человек-завод*), таким образом они подчеркивают важность промышленных предприятий в жизни горожан и однотипность их деятельности.

В самоидентификации архангелогородцев и северодвинцев существует много общего, но на автостереотипы архангелогородцев оказала влияние сложившаяся в литературе традиция изображения поморов.

Нас интересовали взаимоотношения архангелогородцев и северодвинцев и характеристики, которые они дают друг к другу. Архангелогородцы старшего поколения, которые помнят, что Северодвинск был закрытым военным городом, считают его образованнее и элитнее, потому что он в силу своей профессиональной специализации более интересен государству. По этой причине в нем меньше, по их мнению, случаев алкоголизма, криминала и тунеядства, ибо профиль работы воспитал в людях чувство ответственности. Сам город они считают более чистым и благоустроенным, чем Архангельск. В то же время подчеркивается его большая провинциальность в сравнении с Архангельском, которая, по их мнению, выражается в том, что северодвинцы более искренние и отзывчивые, чем архангелогородцы. Нам встретилось использование для сравнения Архангельска и Северодвинска утверждение Б. Шоу: «Чем больше город, тем более одиноким чувствует себя в нем человек» (В.И. Зорин, Архангельск, 1957). Респондент имел в виду, что Северодвинск – провинциальный город по отношению к Архангельску и он более комфортен для душевного состояния человека.

Северодвинцы, говоря об отличиях от архангелогородцев, в свою очередь, приписывают себе и своему городу более положительные характеристики: считают себя интеллигентнее, проще и добрее, а улицы города чище, чем в Архангельске. Они отмечают разницу в инфраструктуре этих городов и в темпе жизни.

Символические образы

Архангельск и Северодвинск имеют свои символические образы. Большую часть символов Архангельска составляют культурные и культурно-ландшафтные, в меньшей степени – производственные. В качестве символических объектов Архангельска наши респонденты называют Музей деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы», Северный народный академический хор, сказки архангельского писателя С.Г. Писахова, деревянные мостовые, которые сохранились до сих пор на некоторых из улиц города, и деревянные дома в летний период года. Архангельск они представляют деревянным городом времен XVI в. или городом с деревянными постройками безотносительно к историческому периоду, занесенным снегом, небольшая часть респондентов назвала в качестве символического объекта места массовых расстрелов, проходивших под Архангельском в 1920–1930-е гг. Изобразительный образ навеян иллюстрациями к сказкам С.Г. Писахова архангельского художника С. Сюхина, также символом Архангельска респонденты называют весенний запах дерева. Меньшую часть символических объектов составляют производственные – к ним относят судоремонтный завод «Красная кузница» и морской порт. Горожане старшего поколения, хорошо знающие творчество местных писателей, отмечают, что образ Архангельска сложился на основе их произведений.

Символические образы Северодвинска можно разделить на пять групп – природно-ландшафтные, культурно-ландшафтные, производственные, музыкальные и культурные (литературные и кинематографические). Наши респонденты отметили, что Северодвинск для них – это замерзшее, покрытое снегом побережье Белого моря, режа – само Белое море, дюны, глыба льда в бушующем океане, ели, покрытые белым пушистым снегом, болото. К производственным образам относятся судостроительный завод, подводные лодки, море с выплывающей из него подводной лодкой, последний можно рассматривать как производственно-ландшафтный. К последней группе близки памятники, связанные с профессиональной деятельностью местного сообщества – это памятник бывшему директору завода Г.Л. Просянкину, выполненный в виде винта, и стелы, одна из которых установлена в честь строителей города, и вторая с гербом города – в честь создания города Северодвинска на месте поселка Судострой в 1938 г. К музы-

кальным образам относятся шум прибоя, крики чаек, гимн Северодвинска («Где много лет на Белом море, В краю болот, ветров, дождей Никольский Храм стоял в дозоре Российских вольных рубежей. Там вырос город корабелов и с морем он неразделим»)¹. К культурным – музыкально-поэтический фильм «С высоты птичьего полета», вышедший на экран в 2006 г., в котором Северодвинск представлен как центр атомного судостроения, и строки из стихотворений об этом городе. По сравнению с архангельской символикой среди северодвинских образов преобладают ландшафтные и производственные, культурные образы представлены в незначительной степени, в ряде из них культурная символика объединяется с производственной.

Известные люди

Проявлением локальной идентичности является наличие известных людей, с которыми идентифицирует себя местное сообщество. Жители Архангельска, в первую очередь, называют деятелей, внесших большой вклад в историю, культуру и науку города – это исследовательница поморской культуры К.П. Гемп, писатель-сказочник С.Г. Писахов, детский писатель Е.С. Коквин, ученый, занимающийся архитектурой старого Архангельска, Ю.А. Барашков, руководитель детского дома народного творчества В.Н. Бурчевский, бывший ректор Архангельского государственного технического университета А.Л. Невзоров, директор молодежного театра В.П. Панов, бывший мэр А.В. Донской, мэр В.Н. Павленко, местный чудак Древарх, скандально известный журналист И. Азовский, магнат В.Я. Крупчак. В каждый период жизни города значимой личностью является действующий мэр.

Круг людей, которых считает известными местное сообщество Северодвинска, более узкий. В него включаются бывшие директора заводов Г.Л. Просянкин, Н.Я. Калистратов, Д.Г. Пашаев и действующий мэр М.А. Гмырин. Таким образом, в Архангельске среди известных людей преобладают деятели культуры и наука, в Северодвинске – производственники и управленцы.

Заключение

Подведем некоторые итоги. Особенности локальной идентичности населения Северодвинска и Архангельска тесно связаны с историческими процессами. История Архангельска насчитывает более четырех веков, в историко-культурном смысле он воспринимался как центральный город Русского Севера и «средоточие» традиционной культуры. Архангельску противополжен Северодвинск, возникший как индустриальный город. Локальная

¹ Музыка – М.С. Приходько, слова – А.В. Ипатова.

идентичность северодвинцев демонстрирует ценности модернизированного общества, которые можно отнести к сфере цивилизации, но не культуры. Существование самоназваний у жителей Архангельска и Северодвинска свидетельствует об их развитии локальном самосознании. Они осознают себя самостоятельными локальными группами. В этнопсихологическом отношении жители обоих городов считают себя спокойными, уравновешенными, умеющими переносить трудности и противопоставляют себя населению Центральной России. Кроме того, локальная идентичность большинства жителей Северодвинска совпадает с профессиональной.

Архангельск, на наш взгляд, имеет свою смысловую доминанту – это северный город-порт, отправной пункт всех арктических экспедиций, жители которого обладают поморским самосознанием. То, что к его символам относятся музей деревянного зодчества и народной культуры «Малые Корелы» и Северный народный академический хор, отчасти подтверждает, что современные архангелогородцы подчеркивают свою преемственность с носителями крестьянской культуры Русского Севера. Смысловая доминанта Северодвинска – это город-завод на Белом море, на котором строятся подводные лодки. Символические образы Архангельска и Северодвинска совпадают в ландшафтном отношении. Информанты отмечают просторы, свойственные городам, море и заснеженные зимы, кроме того, частичное совпадение образов существует и на уровне профессиональной деятельности. Архангельск – для респондентов старшего возраста – город корабелов и моряков, Северодвинск – для респондентов всех возрастов – город корабелов.

Предпринятый нами анализ показывает, что жители Архангельска и Северодвинска имеют положительную и негативную локальную идентичность. Респонденты с положительной идентичностью обладают более глубокой исторической памятью. Они хорошо знают прошлое своего города, имеют любимые места и маршруты в городе, им нравится природный ландшафт, они испытывают гордость за место своего проживания и видят дальнейшие перспективы развития города. Респонденты с негативной и нейтральной идентичностью носителями этой памяти не являются. Они мало знают об истории и известных людях города, плохо ориентируются в его настоящем и готовы переехать из города, если будет такая возможность. Для регионального самосознания важно, что у города есть особая история и многовековой опыт развития в качестве одного из культурно-политических центров России. Архангельск долгое время был «столицей Русского Севера», поэтому его жители имеют более развитое региональное самосознание, чем северодвинцы. Наряду с устойчивой идентичностью в качестве архангелогородцев, жители Архангельска зачастую имеют другие локальные идентичности, связанные с исторической родиной их предков, преимущественно в этой роли выступает какой-нибудь населенный

пункт в одном из районов Архангельской области. Население Архангельска «выросло» из своего сельского окружения. У северодвинцев собственные во многом иные основания для самоидентификации. Северодвинск является городом-анклавом, чему способствует его географическое положение на берегу Белого моря и профессиональная специализация горожан. Поэтому в Северодвинске, как и в Архангельске, на уровне региональной идентичности существует городской *патриотизм*.

Литература

Абашев 2000 – Абашев В.В. Пермь как текст: Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2000.

Аганитов 2001 – Аганитов Ф.С. Архангельск: попытки переименования города 1928–1929 // Поморская энциклопедия. В 5 т. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2001. Т. 1: История Архангельского Севера. С. 44.

Алексеевский 2008 – Алексеевский М.Д., Жердева А.М., Лурье М.Л., Сенькина А.А. Материалы к «Словарию локального текста Могилева-Подольского» // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 419–442.

Алексеевский 2008 – Алексеевский М.Д., Лурье М.Л. Могилев-Подольский: особенности локального текста // Штетл, XXI век. Полевые исследования / Под ред. В.А. Дымщиц, А.Л. Львова, А.В. Соколовой. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2008. С. 196–198.

Ахметова 2010 – Ахметова М.В. Пространство города Муром глазами его жителей // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 13. Традиционная культура современного города / Под ред. А.С. Каргина. М.: ГРЦРФ, 2010. С. 85–111.

Бондаревский 1998 – Бондаревский С.К. Двадцатый отдел // Северодвинск. Испытание на прочность. Очерки, воспоминания, исследования / Под ред. А.А. Масленникова. Северодвинск: Правда Севера, 1998. С. 228–235.

Бурдые 1998 – Бурдые П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 2. С. 60–70.

Головнева 2013 – Головнева Е.В. Региональная идентичность: теоретические аспекты изучения // Уральский исторический вестник. 2013. № 2. С. 81–88.

Дранникова 2015 – Дранникова Н.В. Архангельские церкви и святые в устных рассказах горожан // Рябининские чтения – 2015 / Под ред. Т.Г. Ивановой. Петрозаводск, 2015. С. 35–38.

Дранникова 2019 – Дранникова Н.В. «Нас везли целый месяц в телячьих вагонах»: воспоминания потомков спецпереселенцев в повествовательной традиции архангелогородцев // Ученые записки ПетрГУ. Филол. науки. 2019. № 3 (1180). С. 8–16.

Дранникова 2004 – Дранникова Н.В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера. Функциональность, жанровая система, этнопоэтика. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2004.

Дранникова 2010 – Дранникова Н.В., Разумова И.А. Исторический город в современном фольклоре // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 13. Традиционная культура современного города / Под ред. А.С. Каргина. М.: ГРЦРФ, 2010. С. 9–27.

Замятин 2006 – *Замятин Д.Н.* Культура и пространство: Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006.

Змеева 2010 – *Змеева О.В., Разумова И.А.* Фольклорно-этнографические реалии в системе локальной символики (на материале северных «исторических» городов) // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры / Под ред. И.И. Муллонен. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. С. 313–319.

Кабинина 2011 – *Кабинина Н.В.* Субстратная топонимия Архангельского Поморья. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2011.

Кортаев 2004 – *Кортаев В.И.* На пороге демографической катастрофы: принудительная колонизация и демографический кризис в Северном крае в 30-е годы XX века. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2004.

Кортаев 1998 – *Кортаев В.И.* Русский Север в конце XIX – первой трети XX века. Проблемы модернизации и социальной экологии. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 1998.

Крестинин 1792 – *Крестинин В.В.* Краткая история о городе Архангельском. СПб., 1792.

Крупкин 2010 – *Крупкин П.Л.* Эволюционная теория архетипов Юнга: архетипические моменты в структуре коллективной идентичности // Публичное управление: теория и практика. 2010. № 3–4. С. 303–311.

Крупкин 2013 – *Крупкин П.Л., Лебедев С.Д.* К сакральным основаниям локальных идентичностей в современной России: опыт структурного анализа // Социологический журнал. 2013. № 4. С. 35–48.

Куратов 2001 – *Куратов А.А.* Архангельск // Поморская энциклопедия. В 5 т. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2001. Т. 1: История Архангельского Севера. С. 41–43.

Куратов 2001 – *Куратов А.А.* Поморы // Поморская энциклопедия. В 5 т. Архангельск, 2001. Т. 1: История Архангельского Севера. С. 317.

Куратов 2001 – *Куратов А.А.* Северодвинск // Поморская энциклопедия. В 5 т. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2001. Т. 1: История Архангельского Севера. С. 364.

Лобченко 2006 – *Лобченко Л.Н.* Из истории спецпоселков в Северном крае // Вестник архивиста. 2006. № 4–5. С. 137–156.

Лурье 2003 – *Лурье В.Ф.* Памятник в городе: Ритуально-мифологический контекст // Современный городской фольклор / Отв. ред. серии С.Ю. Неклюдов. М., 2003.

Лурье 2008 – *Лурье М.Л.* Локальный текст города и его словарное описание // Штетл, XXI век. Полевые исследования / Под ред. В.А. Дымшиц, А.Л. Львова, А.В. Соколовой. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2008. С. 186–196.

Мельник 2013 – *Мельник А.Г.* Николо-Корельский монастырь второй половины XVI века и русская святость // Соловецкое море. Историко-литературный альманах. 2013. № 12. С. 37–40.

Мельник 2006 – *Мельник Т.Ф.* Ягринский ИТЛ в Молотовске // Каторга и ссылка на Севере России / Под ред. М.Н. Супруна. Архангельск: Кира, 2006. С. 216–244.

Морозова 2008 – *Морозова Е.В., Улько Е.В.* Локальная идентичность: формы актуализации и типы // Политэкс. 2008. № 4. С. 139–151.

«Мы строили необычайный город». Ягринлаг: вспоминают узники, их родные и близкие, старожилы города Северодвинска / Сост. Г.В. Шаверина. М., Северодвинск, 2018.

Огородников 1875 – Огородников С.Ф. История Архангельского порта. СПб.: Типография Морского Министерства, 1875.

Пономарева 2005 – Пономарева И.Б. Главы из жизни Степана Писахова. Архангельск, 2005.

Разумова 2009 – Разумова И.А. Культурные ландшафты Кольского Севера. Социально-антропологические очерки. СПб.: Изд-во «Гамас», 2009.

Разумова 2010 – Разумова И.А. Миграционный опыт и формирование локальной идентичности жителей Кольского Севера // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям / Под ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделина, В.А. Тишкова. Москва: РОССПЭН, 2010. С. 290–298.

Разумова 2004 – Разумова И.А. Про академика Ферсмана, «обманый камень» и «лунный пейзаж»: современный фольклор заполярного города // Живая старина. 2004. № 1. С. 16–19.

Разумова 2005 – Разумова И.А. Экстремальность как фактор локальной идентичности жителей Кольского Севера // Живущие на Севере: Вызов экстремальной среде / Под ред. П.В. Федорова, Ю.П. Бардиловой, Е.И. Михайлова. Мурманск: МГПУ, 2005. С. 91–95.

Супрун 1997 – Супрун М.Н. Ленд-лиз и северные конвои, 1941–1945 гг. М.: Андреевский флаг, 1997.

Сойкин 1994 – Сойкин П.П. Корельский Николаевский монастырь в Архангельском уезде // Православные русские обители: Полное иллюстрированное описание православных русских монастырей в Российской Империи и на Афоне. СПб.: Воскресение, 1994. С. 44–47.

Трошина 2008 – Трошина Т.И. Великая война... Забытая война... Архангельск в годы Первой мировой войны (1914–1918). Архангельск: КИРА, 2008.

Шашков 2000 – Шашков В.Я. Репрессии в СССР против крестьян и судьбы спецпереселенцев Карело-Мурманского края. Мурманск: Изд-во МГПИ, 2000.

Шмигельский 2013 – Шмигельский Л.Г. История Северодвинска и Севмашпредприятия. Северодвинск. Северодвинск, 2013.

Шмигельский 1998 – Шмигельский Л.Г. Светлый и трагический документ эпохи // Северодвинск. Испытание на прочность. Очерки, воспоминания, исследования / Под ред. А.А. Масленникова. Северодвинск: Правда Севера, 1998. С. 99–102.

Шмигельский 2001 – Шмигельский Л.Г. Ченслер (Ченслор, Чанселлор) Ричард // Поморская энциклопедия. В 5 т. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2001. Т. 1: История Архангельского Севера. С. 436–437.

Шубин 2002 – Шубин С.И. Региональная политика Советского государства в 1920–1930-е годы и ее реализация в Северном крае: дис. ... д-ра истор. наук. Архангельск, 2002.

Шубин 2000 – Шубин С.И. Северный край в истории России. Проблемы региональной и национальной политики. Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2000.

Dundes 1982 – Dundes Alan. Defining Identity through Folklore // Identity: Personal and Socio-Cultural / ed. A. Jacobson-Widding. Uppsala, 1982. P. 235–261.

Honko 1996 – Honko L. Epic and Identity: National, Regional, Communal, Individual // Oral Tradition. 1996. № 11/1. P. 18–36.

Honko 2013 – Honko L. Studies on tradition and cultural identity: an introduction // Theoretical Milestones / Ed. P. Hakamies, A. Honko. Helsinki, 2013. P. 303–323.

Paasi 2002 – Paasi A. Place and Region: Regional worlds and words // Progress in Human Geography. 2002. Vol. 26, N 6. P. 804.

Potiropoulus 2014 – Potiropoulus P. «Narrating» Local Identity in a Greek Border Community // Narratives Across Space and Time: Transmissions and Adaptations. Proceedings of the 15th Congress of the I.S.F.N.R., (June 21–27, 2009 Athens). Athens, 2014. Vol. III. P. 95–110.

ОБРАЗ АРХАНГЕЛЬСКА В СТИХОТВОРНЫХ И ОЧЕРКОВЫХ СОЧИНЕНИЯХ М.Ф. ИСТОМИНА

Одной из первоначальных литературных форм самоописания северных окраин России в XIX в. являются сочинения о городах. Несмотря на немногочисленность городов на Севере, распространенность «городского текста» в региональной словесности объясняется спецификой самого объекта описания: город как культурно-географическая единица, собирающая в один комплекс разные свойства пространства, природный и архитектурный ландшафт, социокультурные особенности обитания его насельников, обладает наибольшим ресурсом семиотизации, переносит физические свойства местности в метафизический план.

К решению темы северной окраины России в образе города одним из первых приступил Михаил Федорович Истомина (1821–1862). Уроженец коми села Ижма, он получил образование в Архангельской духовной семинарии, затем служил на разных должностях в духовной консистории и губернском правлении, руководил архивом Архангельского порта. В свое время он был хорошо знаком читателю по его многочисленным прозаическим и стихотворным выступлениям в «Архангельских губернских ведомостях». С начала литературной деятельности М. Истомина до его кончины, а затем и посмертно «Ведомости» напечатали более двадцати его произведений, среди которых заметное место занимают очерки и беллетризованные статьи: «Ижма» (1844), «Яг Морт. Чудское предание» (1848), «Архангельский театр» (1850), «Поездка в Соловецкий монастырь» (1854), «Первые известия англичан об Архангельском крае» (1861) и др.

Впервые тема Архангельска прозвучала в творчестве Истомина в его стихотворении «Судьбы Архангельска» (*Истомина*, 1847). Обращает на себя внимание множественное число слова «судьба» в названии: история города распадается в воображении поэта на два временных периода – до и после его основания, прежде и ныне. Вначале поэт рисует безжизненную пустыню, дикое пространство, не тронутое деятельностью человека. Реальные топографические детали сопровождаются оценочной лексикой, создающей впечатление нежилого места:

*Была на севере холодном
Безмолвно-дикая страна,
Кругом болотистая степь
В волнах тумана утопала.
Лишь по местам пригорков цепь*

*Глухую тундру пресекала,
Или звучал холодный вал Как гимн предсмертный напевая,
Иль вихорь по полю бежал,
Крутясь и грозно завывая.*

Нельзя не заметить, что доисторическое время «хладной страны» у Истомина весьма напоминает многочисленные описания устья Невы и места, на котором воздвигнут Петербург. Ко времени создания истоминского стихотворения отечественной литературой и, главным образом, панегирической поэзией XVIII в., были выработаны устойчивые признаки образа допетербургского ландшафта, восходящие к мифологическим представлениям о хаосе – состоянии, в котором отсутствуют форма, свет и порядок. Особо акцентированными деталями дикого неевского пейзажа в русской поэзии предстают лес, оборачивающийся «суровой дებрю», отсутствие человеческой жизни – «пустота», «пустыня», «пустынность». Этот набор хтонических элементов практически полностью повторен Истоминим в изображении болотистых, утопающих в тумане, оглашаемых лишь воем диких зверей берегов Двины:

*Везде безжизненность видна,
Везде пустыня лишь одна,
И в ней не слышался от века
Прятный голос человека...*

В «Судьбах Архангельска» просматривается еще один хорошо известный петербургский мотив. Поскольку природная стихия подается как первобытный хаос, ее покорение и упорядочение принимают значение космогонической деятельности, а основатель города приобретает статус демиурга. Подобно городу на Неве, Архангельск возводится Петром из мрака, воды, безжизненной пустоты. Следуя правде истории, Истомин напоминает читателю, что вид «хладной страны» первоначально был изменен «отважным сыном Альбиона», имея в виду английского мореплавателя Роберта Ченслора, посетившего северодвинские места в 1553 г., однако демиургические свойства приписываются Истоминим исключительно Петру. Это он за одно мгновение, как по волшебству, место «топей и болот» превращает в город:

*Как будто неким волшебством
Богатый город, многолюдный,
Восстал из топей и болот –
Воздвиг его Великий Петр.
И волей крепкой, волей мощной
Красу ему и силы дал.
И царским словом завещал
Святой Руси оплот полночный.*

Образ Архангельска у Истомина полностью повторяет схему петербургской космогонии. Дело в том, что противопоставление города предшествовавшей пустоте характерно почти каждому мифу об основании города (Николози, 2009: 53–54), но в случае с Петербургом величие города достигается не постепенным преодолением пустоты-пустыни. Петербург возникает на месте «полуночных блат» за один миг: «И вдруг из сей Хаоса бездны / Сделался новейший свет!» (Селявин), «Стихиям всем наперекор, / И силой творческой, в мгновенье / Болотный кряж окаменел, / Воздвигся град...» (Романовский). Образ творения Архангельска, в точности совпадающий с основным мифом возникновения Петербурга, как бы уравнивает два города – тот и другой являются «Петра твореньем».

*Там иноземных кораблей
Летят крылатые станции
Из-за пятнадцати морей
С дарами роскоши стран дальних;
Народом пристани кипят,
И гордых зданий стройный ряд
Глядится в лоно вод кристальных...*

В этом описании архангельского ландшафта легко угадывается крылатое начало пушкинской «петербургской повести», благодаря чему усиливается отождествление Архангельска с Петербургом как второго в России города, которому суждено «ногою твердой стать при море». «...Признание Петербурга единственным настоящим (т. е. цивилизованным, культурным, европейским, образцовым, даже идеальным) городом в России» (Топоров, 1995: 261) переносится Истоминным на Архангельск, подобно Петербургу, окраинный, приморский и подобно ему же – «цивилизованный», «культурный», «европейский».

Описанный принцип амплификационного оформления образа Архангельска характерен и для прозаических описаний города, не раз предпринимавшихся Истоминным. Самым ярким из них являются «Очерки Архангельска и его окрестностей» (Истомин, 1849), состоящие из двух писем неназванному адресату. В отличие от стихотворного текста, в композиции которого равноправное положение занимают прошлое и настоящее города, ретроспективный план в «Очерках...» полностью отсутствует, словно Архангельск не имеет истории, что вновь обнаруживает его переключку с Петербургом. Размышляя о причинах повышенной мифогенности Петербурга, Ю.М. Лотман замечает, что «город как сложный семиотический механизм, генератор культуры, может выполнять эту функцию только потому, что представляет собой котел текстов и кодов... Архитектурные сооружения, городские обряды и церемонии, самый план города, наименования улиц и тысячи других

реликтов прошедших эпох выступают как кодовые программы, постоянно заново генерирующие тексты исторического прошлого. Город – механизм постоянно заново рождающий свое прошлое, которое получает возможность сопологаться с настоящим как бы синхронно» (Лотман, 1992: 13–14) Петербург, искусственно построенный на пустом месте, «лишен и этих семиотических резервов», – объясняет ученый. – «Отсутствие истории вызвало бурный рост мифологии. Миф восполнял семиотическую пустоту, и ситуация искусственного города оказывалась исключительно мифогенной» (Лотман, 1992: 14). Аналогично мифопродуктивен Архангельск, который вырастает не естественным путем на месте поселения, а «как будто неким волшебством» в устье Двины, в безлюдной болотистой степи.

В «Очерках...» история Архангельска не только не занимает автора-рассказчика, но представляется ему препятствием для объективного восприятия и ясного понимания особенности города. Обращаясь к некоему лицу, который был вывезен «отсюда в таком возрасте, когда человек еще не может понимать самого себя, тем менее – судить о предметах, его окружающих» (Истомин, 1849), рассказчик в самом начале первого письма уклоняется от воспоминаний о прошлом, которое «должно быть сбивчиво и неясно, как тусклые образы сна минувшего», и полностью переключается на вещественное настоящее, поддающееся рациональному учету. Чтобы рассеять детские «фантастические» впечатления, подобные тому, как «с открытого моря представляется нам берег земли отдаленной», письма строятся в форме заочной экскурсии «по твердой суше». Визуальный обзор примечательных мест и их описание словом производятся синхронно, без всякого временного зазора между наблюдением и рассказом о наблюдаемом. Применяя такую повествовательную технику, автор намеренно лишает свой рассказ возможности ретроспективной точки зрения. Взгляд и сознание рассказчика контактируют исключительно с современностью, материально воплощенной в природном и архитектурном ансамбле города, словно бы место не оставляет места времени. В результате образ Архангельска вырастает в его идеальном, мало подверженном коррозии состоянии, словно вид, увековеченный художником на полотне. Поскольку история и время не привлекаются рассказчиком в качестве начала, конструирующего художественный мир, эту функцию выполняют приемы, заимствованные из пространственных, изобразительных видов искусства: предместья Архангельска в изображении Истомина напоминают живописный рисунок, образ самого города исполнен в технике плоскостной декорации.

«Пригород» – это слово, как нарочно созданное, чтобы соединить представление о городе и природе. Пригород – при городе, но он и при природе» (Лихачев, 2015: 441), – пишет Д.С. Лихачев. Именно такой образ архангелогородских предместий, облитых густой зеленью, из которой кое-где вы-

глядывают колокольни строгих и величественных северных храмов, создает М.Ф. Истомин. Обращает на себя внимание праздничность изображенного мира, яркость цветов и ясность световоздушного пространства: «... палатки, раскинутые на лугу, около них пестрые толпы народа и отдельные группы горожан, приютившиеся под тень развесистых ив, чудесно оживляют картину»; «По зеленому лугу, ровному и гладкому ходили взад и вперед нарядные толпы гуляющих; между ними, по местам, пестрелись группы мужчин и женщин, стариков и молодых, которые беззаботно сидели на траве». Все описания сделаны при ясной погоде и в летнее время, поэтому создается ощущение комфортных климатических условий, привлекательного географического местоположения Архангельска. Здесь легко угадываются элементы панегирической петербургской топики, в которых российская столица предстает как место, где север теряет свойства севера (*Николози*, 2009: 107).

Еще одна важная особенность пространственной организации «Очерков...», имеющая целью актуализировать в тексте петербургскую тему – это последовательная смена направлений обзора. Вначале авторский объектив направлен от города на предместья, затем автор предлагает описание городского ландшафта с заречной стороны. Чем ближе к городу, тем более организованный характер принимает пространство. Переход не города в город в описании наблюдателя происходит без резких сопоставлений, постепенно, посредством своеобразной пограничной полосы, напоминающей парковую зону: «Есть место, куда здешняя публика охотно приезжает повеселиться – это остров Мосеев, озаменованный пребыванием Петра Великого! Густая роща, перерезанная во всех направлениях тенистыми аллеями, красивый павильон, стоящий в середине рощи, доставляют посетителям двойное удовольствие: приятную прогулку и отдых. Мосеев остров издали представляется искусственным, правильно расположенным парком, потому что деревья на нем как бы подстрижены под один уровень» (*Истомин*, 1849). Как видим, регулярность ландшафта обеспечена никем иным, как Петром Первым, но мотив космогонии нового, урбанизированного пространства здесь присутствует лишь в снятом, ассоциативном виде. Мир уже создан, и в нем поддерживается тот порядок, который был заложен основателем города. Кажется, что воля Петра распространяется не только на рукотворную часть островного пространства, приспособленного к приятным прогулкам и отдыху горожан, но и сама природа послушна его замыслу.

Панорама центральной части Архангельска, рассматриваемая рассказчиком с заречной стороны, – «если не величественная, по крайней мере <...> стройная в своих частях» – также во многом повторяет образ пространства, упорядоченного волей Петра и воспетого петербургским панегириком. Опираясь на цитировавшуюся выше работу Р. Николози, назовем характерные черты петербургской панегирической топики. В первую очередь, это всеох-

ватывающий и потому абстрагирующий взгляд на город с реки: городское пространство вытягивается в линию вдоль берега, утрачивая трехмерность, и лишает зрителя возможности разглядеть его изнутри. Петербург превращается в сплошной, отражающийся в водах Невы фасад, непрерывную линию зданий и дворцов, олицетворяющих своих владельцев. Отсутствие промежутков между строениями символизирует победу Петра над первобытным хаосом и пустотой. В панегирическом восприятии города немаловажную роль играет Нева, она является и частью городской топики (маршрутом процессий), и персонафицированной участницей торжеств (М.В. Ломоносов: «В стенах Петровых протекает / Полна веселья там Нева / Венцем, порфирию блистает, / Покрыта лаврами она...»); спокойные или бушующие волны Невы акцентируют ее чувства, тождественные человеческим, метонимически выражают эмоциональное содержание образа города, расположенного на ее берегах (*Николози*, 2009: 159–171). В «Очерках Архангельска и его окрестностей», подобно панегирическому Петербургу, центральная часть Архангельска рассматривается исключительно извне. Если пространство пригородов видится трехмерным (в нем можно передвигаться, можно совершать прогулки), парадная часть города со стороны Двины имеет плоскостное изображение: каменные здания выдвинуты на набережную реки, их сплошной ряд «совершенно скрывает остальную, не совсем привлекательную часть города». Живописная глубина, далекая перспектива заменяются расположением пространственных объектов на прямой. Поскольку город при этом «теряет» свое нутро, глубину, и «прогулка» по нему становится невозможной, «на рисунке» отсутствуют человеческие фигуры. Городские реалии сводятся к группе значимых служебных строений: «Вот на высоком угоре в одном конце города белеет Кузнеческая церковь, а в другом высятся куполы Архангельского монастыря: оба эти здания как столпы, поставленные на двух крайних рубежах Архангельска, прекрасно обрамливают картину. Все обширное пространство между ними наполнено строениями, более или менее замечательными, в центре которых стройно рисуется Кафедральный Собор, полуосвещенный лучами заходящего солнца. По левую сторону тянется стена, и встают угрюмые башни Таможенного Замка. Видите, как на средней из этих башен, над биржею, развевается русский коммерческий флаг; как он прихотливо рисуется на темном фоне отдаленного горизонта! Левее дремлют потемневшие от времени развалины Немецкого Гостиного двора; не вдали от них возвышается башня Евангелическо-Лютеранской церкви, далее, по прямой линии, вы отличаете белые стены и стрельчатую колокольню Боровской церкви, и, наконец, огромный сахарный завод г.г. Брандтов с высокою колоннадою – одно из лучших зданий Архангельска. По правую сторону Собора тянется сплошной ряд каменных зданий на большое пространство, почти до самого Монастыря» (*Истомин*, 1849). В отличие от ви-

дов заречья, островов и селений, которые находятся «напротив города», городская территория не принимает форму реалистического живописного пейзажа. Кажется, что текст содержит изобразительные детали, которые способны оживить картину, придать ей просторность, однако пространственная глубина иллюзорна: среди приемов, усиливающих визуальный образ города, нет ни одного, связанного с рельефностью объектов созерцания. Вместо сменных изобразительных перспектив автор привлекает внимание к вертикальным составляющим вытянутой набережной линии: «на высоком угоре», «высятся куполы», «здания, как столпы, поставленные», «возвышается башня» и др. Есть и заметная горизонтальная линия – ряд не названных и, следовательно, не представляющих для рассказчика интереса каменных зданий, которые тянутся «почти до самого Монастыря». Она придает классическое равновесие и устойчивость композиции, но архитектурные отдельности – вертикальны. В этом Архангельск повторяет ключевое свойство петербургских зданий, «спокойно возносящихся к небесам» (Анциферов). Таким образом, в описании Истомина правом на зрительское внимание располагают лишь те здания, которые семантизируют Архангельск в качестве города, повторившего архитектурную идею Петербурга, – места, в котором горизонталь доурбанистического хаоса побеждена вертикалью рукотворных строений.

Высотные ориентиры Архангельска разнонациональны. Исконно русские строения храмов и церквей, расположенные по краям и в центре набережной, заключают между собой архитектурные сооружения, имеющие чужеземные очертания и придающие Архангельску сходство с западноевропейским городом. Сочетание русских и европейских градостроительных традиций и в то же время их неслиянность, автономное сосуществование в пределах единого пространства – еще одно общее с российской столицей свойство Архангельска, которое оказалось замеченным Истоминым. «Не знаю, в шутку, или сурьезно англичане говорят, что со стороны реки Архангельск довольно похож на Ливерпуль», – замечает рассказчик, приписывая впечатление о «внешности» Архангельска лицам, обладающим достоверным знанием обоих городов. Вне сомнения, что уподобление портовых Архангельска и Ливерпуля Истоминым имеет объективное географическое и историческое основание. Вместе с тем данный прием еще раз возвращает читателя к геополитическому образу российской столицы, запроектированной в «роли русского Амстердама» (Лотман, 1992: 21), тем самым усиливая устремленность Архангельска на западную сторону света.

«Заграничный» вид Архангельска дополняется его пограничным местоположением. Построенный в устье Двины, он представляется Истомину обращенным лицом к морю и миру. Воды реки, «разлившись наспротив города широким озером», в авторских описаниях величественны подобно морским: «... вздымаемые ветром, грозно зыблются, и на пенистых хреб-

тах своих несут крылатые корабли и ладьи, а в гавани, как обширный обгорелый лес – высокие мачты, на которых развеваются разноцветные флаги». Еще одна значимая деталь приморского положения Архангельска – особая зеркальность двинских вод. Вместо речной ряби рассказчик видит гладкое зеркало водной поверхности. Прототип данной детали, как и ранее выделенных, – панегирические описания Петербурга, в которых российская столица имеет обыкновение удваиваться в водах Невы. Существенная поправка состоит в том, что Двина отражает не ансамбль зданий вдоль линии реки, а «все великолепие неба и земли», т.е. фактически олицетворяет собой природные стихии и семантически связанное с ним понятие простора. Архангельск приобретает образ места, примкнувшего к морскому простору, свободе, и в тоже время регламентированного представлениями о геометрически правильном европейском городе.

В этой живой антиномичности Архангельск противопоставлен монотонному болоту, подступающему к городу со спины и теснящему его к приморской зоне. Автор стремится воспроизвести ощущение внутреннего дискомфорта, подвергая хтонической персонификации непобежденную утробу вязкой топи, которая буквально и метафорически не терпит человека. Заметна недостача природной материи, необходимой для существования пространства; место последнего занимает пустота: «К заднему фасаду города примыкает обширное болото, так называемое, чистый мох. Мелкие кустарники, которыми он по местам оброс, составляют всю его растительность. Здесь взор ваш, утомленный однообразием предмета, не находит для себя точки опоры: эта широкая степь оканчивается только горизонтом, и можно подумать, что в середине этого вязкого болота, от создания мира не бывала еще нога человеческая! Однообразный угрюмый вид болотистой степи навеивает на душу какую-то безотчетную грусть. Вглядись пристальнее в эту ровную, широко раздвинувшуюся гладь: сколько грустных дум возродится в душе, сколько смутных, давно забытых воспоминаний воскреснет в душе твоей под унылый свист болотного ветра!» (*Истомин*, 1849). В без-человечной и до-человеческой унылой пустоте угадывается допетровское, докосмогоническое состояние мира – неопределенное Ничто («чистый мох»). Оно может быть структурировано, пересоздано только новым космократором, равным Петру.

Итак, приведенный Петром из небытия в бытие, отвоеванный у болота Архангельск повторил в своем литературном образе, созданном М.Ф. Истоминим, ключевые черты панегирического Петербурга – столичного города, символизировавшего власть человека над пространством. Амплифицируя литературные черты столичного Петрова града на Неве на нестоличный Петров град на Северной Двине, Истомин представил последний городом-вестибюлем, открытым для западных культурных инвестиций. В образе Архан-

гельска, составленном Истоминым, отчетливо проявляется символический смысл географического порубежья, пограничности: окраинный город, он не имеет черт глубинных российских городов – захолустной провинциальной глубинки, географически не всегда, но всегда культурно отдаленной от блистательной столицы.

Это качество Архангельского города, «вопреки географическому положению вовсе не являющемуся периферией» (Галимова, 2008: 83), спустя столетия развернуто воплотит в своих произведениях знаменитый северянин Б. Шергин. В отечественной словесности середины XIX в. истоминский Архангельск уникален, если рассматривать его в контексте провинциально-городской темы. В непровинциальности Архангельска, наделении его чертами столицы проглядывает осмысление автором-северянином особого положения родного города в концептуализации российской государственности, «морского (водолейского) и северного (гиперборейского) избранничества и предназначения России» (Теребихин, 2003: 34).

Литература

Анциферов 2019 – Анциферов Н.П. Душа Петербурга. URL: <http://lib.rus.ec./b/146636> (дата обращения: 12.04.2019).

Галимова 2008 – Галимова Е.Ш. Земля и небо Бориса Шергина. Архангельск: Поморский университет, 2008.

Истомин 1849 – Истомин М.Ф. Очерки Архангельска и его окрестностей // Архангельские губернские ведомости. 1849. № 34.

Истомин 1847 – Истомин М.Ф. Судьбы Архангельска // Архангельские губернские ведомости. 1847. № 15.

Лихачев 2015 – Лихачев Д.С. О русской природе // Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: СПбГУП, 2015. С. 438–444.

Лотман 1992 – Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю.М. Избранные статьи в 3 т. Таллинн, 1992. Т. 2. Статьи по истории русской литературы XVIII – первой половины XIX века. С. 9–21.

Николози 2009 – Николози Р. Петербургский панегирик XVIII века: Миф – идеология – риторика / Пер. с нем. М.Н. Жаровой; под ред. К.А. Богданова. М., 2009.

Теребихин 2003 – Теребихин Н.М. Север в пространстве русской культурной традиции // Вестник Поморского университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2003. № 2 (4). С. 24–35.

Топоров 1995 – Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. Избранное. М., 1995. С. 259–367.

САЛЕХАРД – ДРЕВНИЙ И СОВРЕМЕННЫЙ ГОРОД НА ПОЛЯРНОМ КРУГЕ

Арктическая цивилизация – мечта, рожденная на пересечении целей промышленного освоения северной территории и понимания необходимости сохранения самобытности ее природного комплекса и культур населяющих ее народов. Мечта достижения баланса, который человечеству сохранять все труднее. Но от понимания этой трудности мечта только привлекательнее... Города сибирского Севера – оплот этой цивилизации. Старые и молодые, они рождены цивилизаторским пафосом первопроходцев, и сами уже сегодня являются проводниками цивилизаторских ценностей.

Пространство и время на Севере взаимозаменяемы. Расстояния измеряются временем перемещения, время визуализирует особенности пространства. Пространство северного города также тесно связано со временем, точнее с ощущением его зыбкости и текучести, т.е. временности. Даже если этому городу, как Салехарду-Обдорску, более 420 лет. Жилое «оседлое» поселение на Севере – это всегда насилие и преодоление, это явление неестественное. Города Севера не вырастают из деревень и не обрастают ими. Они появляются буквально из ниоткуда, неузнаваемо меняя «лицо» на протяжении своей истории.

Из чего складывается образ и характер города? Из пересечения времени и пространства: истории, этапов сложения и характера городской территории, из особенностей людей, проживающих на ней.

Смена исторических ролей города

Салехард (до 1933 г. Обдорск) сегодня позиционирует себя как единственный в мире город, расположенный на линии северного полярного круга. Эта координатная данность – важный бонус для осознания городом своей уникальности и значимости. Используя его, город воздвиг памятную стелу «66 параллель», образ которой закрепился в местной сувенирной продукции. Начисление же заполярного коэффициента к заработной плате привлекло сюда энергичных и не боящихся трудностей жителей. Но эта романтизированная геопозиция – еще и свидетельство сильной удаленности города за пределы цивилизации («ямал» с ненецкого – «край, конец земли»). Как исторически складывались и как осознаются сегодня цивилизаторские ценности города на полярном круге?

Считается, что Обдорск появился в самом конце XVI в. (1592–1595 гг. по разным источникам). Таинственная страна Обдора или Обдорья с не менее таинственной Золотой бабой, была известна европейцам и наносилась ими на карты с XVI века. Археологи уверяют, что люди заселили эти края как минимум 8 тысяч лет тому назад. На месте современного Салехарда расположены несколько археологических памятников, среди которых святылище Усть-Полуй (I век до н.э. – I век н.э.) со своими высокохудожественными артефактами из дерева, бересты, кости и бронзы, получившими мировую известность.

До появления русских казачьих дружин на месте будущего Салехарда располагалось поселение Пулинг-авот-вош, столица остяцко-самоедского Обдорского княжества. С приходом на эту землю казаков из Березова началась собственно история Обдорска-Салехарда. За четыре с лишним века существования Салехард пережил несколько периодов в своем развитии, каждый из которых внес в образ города свой отпечаток, а по сути, изменил кардинально.

Обдорск. 1930 г. Из собраний МВК им. И.С. Шемановского.

В рамках первого «казачьего» периода (конец XVI – первая четверть XIX в.) Обдорск зафиксировался как опорный пункт государственности на Крайнем Севере России. Утвердившись первоначально в качестве фискального поселения – пограничной заставы на торговом пути, Обдорск постепенно рос, пройдя в своем развитии статусы крепости и села – волостного центра Тобольской губернии. Во втором периоде, «торгово-миссионерском», (первая четверть XIX – начало XX в.) Обдорск стал центром ярмароч-

ной торговли с аборигенами Севера и распространения в их среде русской культуры и христианской православной веры. Внешний облик и жизнь села тогда формировали тобольские купцы-рыбопромышленники и православные миссионеры.

Начало третьего, «ссылно-промышленного», периода (первая треть XX – конец XX в.) было ознаменовано появлением первых страниц официальной городской истории. Обдорск переименовали в Салехард, он получил статус города и центра вновь сформированного Ямальского (Ненецкого) национального округа. На протяжении всего этого времени Салехард при ярко выраженной провинциальности оставался центром рыбоперерабатывающей, геологоразведочной промышленности, культуры, образования и научных исследований районов Крайнего Севера.

В силу своей удаленности от центра России и крайней труднодоступности Обдорск–Салехард на протяжении всех вышеперечисленных периодов своего развития активно использовался государственной властью в качестве места заключения и ссылки. Окончательно расстался Салехард со своим ссылкой прошлым только в рамках третьего периода.

Начало четвертому периоду в истории города (конец XX в. – наши дни) положило обретение Салехардом статуса столицы субъекта Российской Федерации, а также своей официальной символики. На гербе и флаге города воспроизведен исторический символ Обдорского княжества в составе России – «черная идущая лисица». Таким образом, Салехард подчеркнул свою преемственность поселению коренных северян, а также образно присоединил к своей более чем 400-летней истории и время существования княжества.

В настоящее время Салехард – административный, транспортный, деловой и финансовый центр крупнейшего российского газового и нефтяного края – Ямало-Ненецкого автономного округа. Облик и жизнь современного Салехарда формируется в основном управленческими структурами. «Управленческий» Салехард постепенно, но целенаправленно укрепляет свой столичный образ: он «одевается в камень», на улицах в большом количестве появляются памятники и арт-объекты, позволяющие городу обрести и осознать свое прошлое.

Память города

За столетия своего существования и развития Салехард обретал, дополнял свои социально-политические роли. Вместе с целями применения этой удаленной от центра страны земли менялся и состав населения. Сам же облик города преобразался медленно, в течение 400 лет оставаясь деревянным, малоэтажным, невидным. Пожалуй, образ города до 2000 г., прежде всего,

складывался из людей, в нем обитавших – рыбаков, оленеводов остяков и самоедов, а также казаков в «казачий период», торговцев из числа местного и пришлого, зырянского и русского, населения в «торгово-миссионерскую эпоху», рабочих рыбо- и деревоперерабатывающих комбинатов и ссыльной интеллигенции в эпоху «промышленную». Оставшиеся в истории Салехарда имена отдельных горожан стали своеобразными ориентирами, важными для осознания его особенности. В пространстве города сохраняется память о православном миссионере, создателе музея И.С. Шемановском (игумене Иринархе), представителях купечества и предпринимательства И.И. Корнилове и М.О. Терентьеве, «пионерах полярного земледелия» Д.М. Чубынине и Б.В. Патрикееве, поэте и писателе Л.В. Лапцуне, полярном капитане М.В. Николаеве, ссыльных и революционерах Б.М. Кнунынце, С. Манчинском, М.А. Гаврюшине и др.

Осмысляемая городом собственная история сохраняется в памятных знаках, топонимах улиц, но более всего в подлинниках, непосредственных свидетелях истории. В течение 400 лет подлинные исторические постройки составляли живую ткань городского пространства. Еще в конце 1990-х гг. историческая часть Салехарда (районы улиц Республики, имен Ленина, Свердлова, Ламбиных) оставалась почти нетронутой. Согласно примерному перечню, в окружной столице в 1998 г. насчитывалось более 40 памятников истории и культуры: 36 административных, жилых зданий и построек и семь памятников и памятных знаков (Распоряжение Администрации МО город Салехард № 580-р). Через два года 24 здания и постройки были исключены из перечня памятников истории и культуры города Салехарда и сняты с учета.

В самом начале XXI в. кардинально меняющийся Салехард впервые ощутил необходимость отстранения от своего прошлого. Именно в это время началась работа по отбору самых необходимых «свидетелей» городской истории, «экспонатов» его «музея». В 2013 г. распоряжением правительства ЯНАО в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры местного значения) включены пять зданий в городе Салехарде (одно здание конца XIX в., одно начала XX в., одно постройки 1930-х гг. и два постройки начала 1950-х гг.). Четыре здания признаны объектами культурного наследия регионального значения, из них два здания конца XIX в., одно начала XX в. и одно постройки 1940-х годов (*Распоряжение Правительства ЯНАО №129-РП...*).

Постройки, не попавшие в эти списки, были снесены или перестроены. За последние 18 лет городской историко-культурный ландшафт утратил 27 исторических зданий. Из них домов постройки до 1918 г. – восемь единиц, постройки 1930-х гг. – 12, постройки 1940-х, 1950-х гг. – 7. Это только те здания, которые ранее были включены в списки памятников.

Вместе с исчезающими с карты города объектами ушло живое прошлое Салехарда. Так, из городского ландшафта исчезли: метеорологическая вышка Ивана Гервасия как свидетельство ведения метеонаблюдений с 1882 г.; первая обдорская деревянная Васильевская церковь; домик князя Тайшина, в котором по преданию был арестован национальный ненецкий герой Ваули Пиеттомин и располагалась первая обдорская больница; дома обдорских купцов Мамеева, Чечурова, Бронниковой; дом, в котором заседали организаторы Ямало-Ненецкого национального округа; здание управления строительства № 501 и многие другие объекты, отменена охранная зона объекта культурного наследия регионального значения достопримечательное место «Территория села Обдорского XVIII–XIX вв.» (*Постановление Правительства ЯНАО № 963-П...*).

В целом расширение зоны современной застройки в ущерб зданиям-подлинникам отражает сегодняшнее самосознание города, активно стремящегося жить современно и комфортно. Необходимость в присутствии страниц городской истории в городском пространстве обычно осознается лишь со временем.

Немаловажную роль в быстром видоизменении городского ландшафта сыграла и его столичность. Все застройки административного, образовательного, медицинского и хозяйственного характера производились в непосредственной близости от местонахождения управленческих и партийных городских и окружных структур. Краеведы уверены, что от окончательной утраты городом зданий и сооружений прошлых веков спасло только то, что городской и окружной административно-управленческие центры переместились в начале XXI в. на территорию, удаленную от исторического центра.

В силу естественных природно-климатических причин в Салехарде почти не было развито кирпичное домостроение, а деревянные постройки не сохранялись более чем 80–90 лет. На сегодняшний день к деревянным памятникам истории и культуры в Салехарде причислены следующие здания: отреставрированный дом-усадебный купца Терентьева, первое здание окружного ВКП(б) и окрисполкома Ямало-Ненецкого национального округа, здание, в котором располагался первый музей Обдорска, здания восьмилетней школы и клуба в поселке при железнодорожной станции «Салехард» и здание архива строительства № 501. Кирпичное строительство конца XIX–начала XX в. представлено одним зданием магазина купца Корнилова, эксплуатирующимся по сегодняшний день в том же самом качестве, и каменным храмом во имя Петра и Павла, купола которого были снесены в начале XX в. и вновь отстроены в начале XXI в. без буквального повторения прошлого.

Кроме объектов-подлинников историю города хранят памятные средовые объекты – монументы, городская скульптура, памятные доски и пр. Средовые объекты формируют городскую идентичность, являясь маркерами

уникальности города, гордостью горожан и магнитом, притягивающим гостей и туристов.

От «казацкого» периода – «детства» города – памятных знаков не осталось. «Рассказывать» свою самую раннюю историю Салехард начал только в 2008 году, когда в отстроенном Обдорском остроге («Городе мастеров») появился памятник «Основателям Обдорска».

*Предполагаемый памятник Г.Х. Гасфорду.
Фото из архива Салехардского
краеведческого музея.*

И.С. Шемановского на стену музейно-выставочного комплекса, носящего его имя. Один же из средовых объектов тех лет (по легенде поставленный в честь приезда генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорда в Обдорск в 1852 г., а также называемый «столбом северного полярного круга») был утрачен в середине XX в.¹

В свой «ссылно-промышленный» период Салехард утверждался как административная единица в российском государстве, отстаивал вместе со своими жителями ценности советского строя, в том числе и на полях сражений Великой Отечественной войны, встраивался в процесс промышленного развития Сибири и Севера, став одним из городов, через который долж-

Следующий период – «торгово-миссионерский» – в жизни города, а тогда села, был очень важным. Именно в ту пору (1906 г.) в Обдорске, центре Обдорской волости Березовского уезда Тобольской губернии, при православной миссии появилась библиотека и хранилище этнографических древностей, предтеча будущего окружного музея. Инициатором важных с точки зрения градообразования нововведений стал И.С. Шемановский (1873 – после 1920) – отец Иринарх, глава Обдорской православной миссии в 1898–1910 гг. Эту значительную веху в своей истории, веху, определившую начало формирования городского самосознания, Салехард отметил в 2006 г., в год 100-летия со дня рождения первой городской инициативы, поместив мемориальную доску с портретом

¹ Подобные по форме памятные знаки ставились в русских городах возле застав.

на была пройти трансполярная магистраль. Об этом периоде своей истории Салехард свидетельствует мемориалом на могиле погибших при подавлении Западно-Сибирского восстания 1921–1922 гг. (в первоначальном своем виде установленном еще в 1920-е гг., в нынешнем – в 2006 г.), бюстом Тихону Сенькину, памятной доской Ивану Глазкову (установлены в 1960-е гг.), тремя памятниками В.И. Ленину, один из которых с 1976 г. остался в современном городском пространстве, двумя мемориальными комплексами, посвященными Великой Отечественной войне и локальным военным конфликтам второй половины XX века (середина 1990-х, 2010 г.), техническим объектом (паровозом, установленным вблизи прохождения железнодорожной магистрали Чум – Салехард – Игарка в 2003 г.).

Особый период в истории города и округа начался в начале 1960-х гг., когда развитие региона стало связано с освоением нефтегазовых месторождений. Большинство монументов, мемориальных досок, монументально-декоративных объектов посвящены в Салехарде романтическим подвигам геологов, строителей, первопроходцев. Этот период в истории Салехарда (начало 1960-х – 1990-е гг.) воспет как в объектах-современниках, так и в артефактах 2000-х гг.: памятник Ф.К. Салманову, бюсты К.И. Миронову, А.К. Кортунову, В.Т. Подшибякину, стела «Романтикам 70-х».

Период «управленчества» Салехарда связан с самым большим количеством и разнообразием установленных и устанавливаемых средовых объектов. Это говорит о том, что город увидел себя не только на фоне исторических вех Сибири и страны, но и стал позиционировать себя как город удобный и комфортный для жилья, чье пространство ориентировано на разные возраста и вкусы (скульптура «Созвездие» и композиция, посвященная коренным народам Севера, монументально-декоративные объекты «Мамонт», «Млечный путь», «Буратино на петухе», фонтаны, стенография «Ледокол «Ямал»» и пр.).

Артефакты, посвященные трем первым периодам истории города, обращены в прошлое и формируют его память. Арт-объекты 2000–2010-х гг. отражают настоящее время города и его надежды на свое будущее – быть и оставаться красивым и представительным.

Городское пространство Салехарда

Обдорская застава была небольшим поселением, казачьи дружины появлялись первое время на этом месте изредка, для сбора ясака. Обдорская крепость возникает на месте заставы в первой трети XVIII в. Место ее расположения определяет самый ранний исторический центр города, расположенный на высоком Полуёвском мысу возле впадения речки Полябты в реку Полуёй, что и дало основание имени города («салехард» в переводе с ненец-

кого языка – «город на мысу»). В течение всего «торгово-миссионерского» периода, да и в начале периода «промышленного», т.е. до середины XX в. это место заполнялось постройками купеческих, торговых домов и амбаров, церквей. В связи с отсутствием на месте строевого леса исторически сложилась такая особенность местного деревянного зодчества, как барочные постройки, создаваемые из досок разобранного речного судна – барки, доставлявшей в Обдорск различные грузы. Барочные сараи были распространены в торговом Обдорске, в них хранили товары, готовясь к знаменитой зимней Обдорской ярмарке, собирающей коренное население тундры, купцов из северных сибирских городов с 1825 г.

Предположительно, барочные доски использовались и при строительстве храма во имя Василия Великого, первого православного храма, сооруженного в середине XVIII в. по приказу обдорского остяцкого князя Василия Тайшина, принявшего в 1742 г. в Тобольске крещение (Липатов).

В самом конце XIX в. исторический центр города получил важную визуальную доминанту, выделявшуюся в окружающей застройке высотой, материалом и величием облика в течение всего прошлого столетия – каменный православный храм Петра и Павла (архитектор Г.Б. Цинке). Пространство исторического центра формировала Царская (Миллионная улица), переименованная в советское время в улицу Республики.

Центр Салехарда в середине XX в. определили улицы Республики, имен Ленина и Троцкого (позднее переименованной в улицу имени Свердлова). По воспоминаниям старожилов улицы Ленина, Свердлова и Республики имели деревянные отмостки, выделяясь на общем фоне своей комфортабельностью.

Дальнейшее развитие города в «ссылно-промышленном» периоде (вторая треть и вторая половина XX в.) шло по принципу присоединения к историческому (административному и торговому) центру рабочих поселков, каждый из которых становился своеобразным новым центром Салехарда. Каждый из этих поселков обладал автономной системой отопления и имел свои культурные объекты – клубы и кинотеатры. Так, в начале 30-х гг. XX в. появился поселок рыбоконсервного комбината, отделенный от исторического центра речкой Шайтанкой. В это же время на окраине старого города появляется поселок при деревообрабатывающем комбинате – ДОК. В тех же 1930-х гг. за поселком рыбоконсервного комбината начал застраиваться поселок авиаторов «Гидропорт».

В 40–50-х гг. XX в. к Салехарду присоединились поселки, рожденные стройкой № 501 – Ангальский мыс, Мостострой и Второе отделение. В истории города Салехарда это незавершенное железнодорожное строительство

оставило очень большой след¹. Проведенная совсем недавно сравнительно-аналитическая работа по обозначению на территории современного города исторических мест, имеющих отношение к стройке № 501, наглядно показала, что до сих пор многие городские районы повторяют контуры спецзастройки конца 1940-х гг. Отстроенные в эти годы лагерные городки из барачков и большинство домов для инженерно-командного состава строительства в большинстве своем уже исчезли из городского ландшафта, но поздние постройки практически не вышли за территорию бывших лагерных зон.

В 1960-х гг. свой поселок в городской черте отстроили геологоразведчики. В границах этого поселка появились двухэтажные деревянные жилые дома и большой культурно-спортивный комплекс «Геолог».

В середине 1990-х гг. началось постепенное объединение всех этих поселков в единое городское пространство. В начале XXI в. окружной административный центр из старого города переместился за реку Шайтанку,

¹ Вопрос о строительстве железной дороги по территории Ямало-Ненецкого национального округа поднимался еще в 1930-х гг., но окончательно решился в годы Великой Отечественной войны, вследствие активной деятельности военно-морских сил Германии, наглядно показавшей незащищенность СССР с северных его границ. В феврале 1947 г. Совет Министров СССР принял решение о строительстве порта, судоремонтного завода и жилого поселка в районе Обской губы и о сооружении железной дороги до места строительства порта. В 1949 г. принято новое решение о начале прокладки железной дороги по трассе Чум–Лабытнанги–Салехард–Надым–Ягельная–Пур–Таз–Янов Стан–Ермаково–Игарка, с устройством порта в Игарке, на реке Енисей. Линия Чум–Салехард–Игарка должна была стать первой очередью огромной трансполярной магистрали, призванной пройти по всему Крайнему Северу Сибири до Чукотки и, после выхода на Транссибирскую магистраль замкнуть транспортное кольцо СССР. При этом расчет был сделан только на то, что проблемы с рабочей силой не будет. ГУЛАГовские лагеря располагали довольно большим числом заключённых. Для строительства было создано два управления – западное № 501, с базой в Салехарде. Движение рабоче-пассажирского поезда от Салехарда до Надыма было открыто в августе 1952 г. К 1953 г. отсыпка насыпи была произведена почти до Пура, уложена часть рельсов. После смерти И.В. Сталина, когда было уложено уже более 700 км дороги, отсыпано почти 1100 км, а до сдачи в эксплуатацию оставалось около года, строительство было остановлено, законсервировано и заброшено, благодаря чему и вошло в историю Ямала и всей страны как «Сталинская» или «Мертвая» железная дорога. Участок Чум–Лабытнанги сохранился, был передан МПС в 1955 г. и сегодня входит в состав Северной железной дороги. После ликвидации строительства № 501 и массового выезда специалистов и переброски заключенных на другие строительные объекты страны только в Салехарде осталось два поселка с более чем 500 домами и сооружениями, электростанция и масса технических объектов. Подневольные работники железнодорожного строительства отремонтировали и вновь построили в Салехарде целый ряд социальных объектов (клубы, детские сады, школы, бани и т.д.).

дав тем самым начало для зарождения еще одного центра, претендующего сейчас на главную роль для всего города.

Современный Салехард – ровесник нынешних 15-, 16-летних горожан. В начале 2000-х гг. центр города стал стремительно «обрастать» многоэтажными панельными и блочными жилыми домами и представительными административными постройками. Среди строителей на начальном этапе были народы самых разных национальностей – турки, болгары, канадцы и т.д. Численность иностранных рабочих в Салехарде в 2002 г. достигала 1/7 от численности постоянно проживающих здесь людей (Салехард...). В результате город получил целый ряд неповторяющихся архитектурных объектов. Красочность, яркость современного облика города в сочетании с большим объемом разнообразной иллюминации успешно противостоят преобладающему природному монохромному и продолжительному темному времени суток осенне-зимнего периода.

Рыночная площадь 2010 г. Фото из собрания МВК им. и. С. Шемановского.

Сегодня Салехард занимает площадь около 85 кв. км. Вокруг города нет деревьев и привычных для средней полосы России и даже для более южных районов Сибири многочисленных дачных поселков. С высоты 5–6-этажного дома можно увидеть «край» города, за которым – лесотундра. «Загород» – понятие, отделенное от центра на расстояние, не превышающее десятиминутной поездки на автомобиле. Личный автомобиль, кстати, в Салехарде –

как «предмет» первой необходимости, так и знак статуса. По центру города нетрудно перемещаться даже в непогоду пешком, в удаленные же городские территории стоит добираться уже на автомобиле – личном или общественном. Общественный транспорт (автобусы, маршрутные такси) есть, но машин недостаточно, чтобы не заставлять горожан долго ждать на остановках. Услуги такси доступны и пользуются широким спросом. Личный автомобиль – это не только способ добраться на окраины, но и выехать в лесотундру за грибами и ягодами. А также, конечно, – демонстрация достатка и стабильности жизни его владельца.

*Новая Обдорская ярмарка. К 80-летию ЯНАО.
Фото из собрания МВК им. И.С. Шемановского.*

Деловой и культурный центр столицы ЯНАО разместился на небольшом, но вместительном участке, ограниченном улицами, носящими имена М.М. Броднева и Д.М. Чубынина, а также улицами Ямальской и Республики. Территория, на которой располагается здание окружного правительства, на сегодняшний день контрастно противостоит остальной городской застройке, что вполне соответствует разделению окружной и городской систем управления. Город в результате этого разделения получил обособленный административный район со вторым мемориалом памяти салехардцев, павших на полях сражений Великой Отечественной войны.

Городское пространство насыщено названиями бывших поселков – «Гидропорт», «Комбинат», «Ангальский Мыс», «Второе отделение». Эти топонимы существуют в названиях остановок городского транспорта, в городской «живой» коммуникации. Транспортные топонимы ориентированы на страницы общесоветской истории и культуры (улицы Комсомольская, Трудовая, Совхозная, Республики и Мира; улицы, названные в честь Героев Советского Союза Александра Матросова и Зои Космодемьянской (в про-

сторечии «Зои»), в честь Карла Маркса, Германа Титова, Юрия Гагарина, Владимира Маяковского, Михаила Лермонтова и пр.), а также связанные с собственной советской историей Ямала и Салехарда (улицы Ламбиных, В.Д. Артеева, Б.М. Кнунянца, В.Т. Подшибякина, И.Я. Чупрова и т.д.).

С. Баранов. Вид на речной порт. 2017 г.

Так, в названиях город живет на пересечении общероссийских и краевых ценностей, но примерно в одном времени – советском. При всем этом нарядный, зимой сверкающий огнями Салехард своими внешними данными стремится занять место среди самых удобных для жизни городов XXI века. Как же на несовпадении этих времен пребывает житель города?

Содержательная сторона понятия «салехардец»

Салехард – особое место, в котором никогда не было веками складывавшегося местного населения. Это было место, куда приезжали по своей воле или по необходимости: служба, мечта разбогатеть, заключение. Кто-то уезжал, кто-то сбегал, а кто-то оставался здесь надолго. В XX в. перемещение сюда людей было сконцентрировано по временным промежуткам. В первой трети XX в. (20–30-е гг.) в город хлынул поток спецпереселенцев – кулаков, зажиточных крестьян и членов их многочисленных семей. Следующий поток переселенцев пришелся на предвоенные и военные годы, когда на Ямал прибыли молдаване, калмыки, поволжские немцы, жители Прибалтики и Кавказа. Поток осужденных на различные сроки людей при-

шел сюда в конце 1940-х – начале 1950-х гг. Следующая миграция прошла через Салехард в самом начале эпохи нефтегазового освоения Ямала – в 1960–1980-х гг. В 1990-х – начале 2000-х гг. Салехард стал привлекательным местом для чиновников и административных работников, которые также не всегда уезжали обратно после окончания своих трудовых договоров. Очень точно подмечена эта современная тенденция в песне Игоря Корнилова «На холодном Ямале», где есть такие строки «Приезжаешь на полгода – остаешься навсегда...»

Рост городского населения в столице Ямала происходил поступательно. Самый резкий скачок его численности пришелся на начало второй трети XX в. По переписи 1939 г. в Салехарде проживало 12 800 чел., тогда как по последней переписи XIX в. (1897) – 500 чел. Сегодня в городе проживает около 50 тыс. чел. Ссылная, промышленная история края сделала Салехард городом многонациональным. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. больше половины проживающих в нем – русские, на втором месте этого списка – татары, на третьем – украинцы.

Весь округ и его столица не только многонациональны, но и сохраняют «живыми» традиции коренных народов Севера – ханты, ненцев, селькупов. Процентный состав коренных национальностей располагается в списке данных переписи 2010 г. на 4-м и 5-м местах (ханты и ненцы, соответственно). Процентный состав селькупов незначителен. На 6-м месте располагаются коми-зыряне.

*Обдорские зырянки. 1926 г.
Фото из собрания МВК
им. И.С. Шемановского.*

Взаимодействие территории и коренных этносов исторически имело нелинейный характер. Столица будущего Ямало-Ненецкого округа располагалась на земле остячко-самоедского княжества. А само слово «Обдорск» – и вовсе коми-зырянское, означающее «место на Оби». Роль коми-зырянского населения и его языка в истории Салехарда любопытна. В начале XX в. численно коми-зыряне в несколько раз превосходили русских. Так, в 1891 г. в Обдорске проживало 378 русских, 290 зырян, 198 «инородцев» (ханты и ненцев) и три представителя других национальностей. А в 1897 г. в Обдорске проживали уже 421 русский, 539 зырян, 164 самоеда (ненца), 94 остяка (ханты), 27 воголов (манси) и несколько татар, поляков и евреев. В 1915 г. в Обдорске на 302 русских было уже 682 зырянина. Так Обдорск постепенно

стал зырянско-русским с преобладающим зырянским разговорным языком. И только в результате массовых миграционных процессов XX в. русские в Обдорске–Салехарде численно вышли на первое место. В настоящее время доля коми-зырян в процентном отношении от общего населения Салехарда составляет 2,56%, в то время как русских в Салехарде – 61,2%.

Покупатели в бакалее. 1940 г. Фото из собрания МВК им. И.С. Шемановского.

Сегодня «город все очевиднее приобретает роль...центра сохранения и развития культуры ненцев, хантов, селькупов. Здесь издаются газеты на ненецком и хантыйском языках... В 1998 г. создан Научный центр гуманитарных исследований коренных малочисленных народов севера ЯНАО. Сотрудниками центра являются ученые, занимающиеся изучением языка, фольклора, этнографии ненцев, хантов, коми и других народов Обского севера, причем большинство из них сами являются представителями этих народов. В столице округа действует и созданная в 1989 г. общественная организация «Ямал – потомкам», которая ставит своей целью защиту интересов коренных жителей тундры» (Шабаетов, 2015: 369).

К исходу своего «промышленного» периода жители Салехарда были активно заняты в работе совхоза, ДОКа, рыбоконсервного комбината, речного порта, авиапредприятия, геологоразведочных экспедиций и различных строительных контор, в окружных и городских управленческих структурах, учреждениях культуры (краеведческий музей, окружной Дом Культуры народов Севера, кинотеатры, библиотеки), образования и медицины. В начале XXI в. структура занятости несколько изменилась: теперь около 40% горожан заняты в управленческой деятельности. Это обстоятельство «приклеило» к городу ярлык «города белых воротничков».

Активность миграционных потоков, с одной стороны, нивелировала социальные городские контрасты, с другой – подчеркивала. Так, в 1970–1980-х гг. изолированная поселковая инфраструктура города привела к появлению обособленных салехардских подростковых группировок: «комбинатских» (проживавших в районе консервного комбината), «мировских» (проживавших в районе второго отделения, центром которого был кинотеатр «Мир»), «ДОКовских», «городских» и т.д.

В целом при довольно высоком уровне криминалитета, вызванном своеобразием некоторых районов города, оставшихся в наследие от лагерной истории Салехарда, труднодоступность города для приезжих сохраняла здесь определенную ауру доверия к своим. Город был настолько маленьким, что вплоть до конца XX в. в нем все знали всех. До недавнего времени его жители имели привычку не закрывать квартиры. Вплоть до сегодняшнего дня сумки с покупками часто ожидают владельца не в закрываемых ячейках супермаркетов, а в открытом доступе. Продавцы на рынке и в магазинах доверяют своим покупателям примерять одежду дома, без денежного залога, а таксисты разыскивают владельцев, оставивших в салонах автомобилей свои вещи.

Взятый окружным правительством курс на переселение пожилых граждан в более благоприятные для их здоровья районы Тюменской области сделал Салехард одним из самых молодых по возрастному составу городов Ямала. Средний возраст салехардца не отличается от среднего возраста ямальца – 33 года (Ямало-Ненецкий автономный округ...).

Таков Салехард. Город, объединивший людей самых разных национальностей, давший им работу, заботящийся об их комфорте и пока не представляющий, как превратить процесс «остаешься навсегда» из экзистенциального в цивилизаторский. Начиная со второй половины 1960-х гг. здесь постепенно формируется укорененность. Больше всего город сделал для этого в последние 15–17 лет, с начала нового столетия – изменился внешне, предоставил условия для личностного развития (спорт, культура). Но и сегодня для ощущения столичности Салехарду по-прежнему не хватает учреждений высшего образования, а также консерватории и художественного музея (галерей).

Качественные характеристики жителей Салехарда, основанные на длительности пребывания человека на этой земле, укладываются в понятия: «коренной» житель, «местный» и «приезжий». Понятие «коренной», соотносясь с привычными коннотациями – «связанный с местностью семейными корнями», «автохтонный житель», все же способно на салехардской земле внести некоторую путаницу. На Ямале проживают коренные малочисленные народы Севера. В отношении городской жизни представитель коренного народа может быть и приезжим, и местным, и коренным. Поэтому необходимо разделять в этом случае городскую и культурную укорененности. Любопытно, что городская укорененность в Салехарде связана с одним поколением – те, кто рожден в городе и до сих пор проживают в нем, считают себя коренными «салехардцами» (в Омске, например, таковыми считают себя горожане в третьем поколении, в Москве – в пятом). Это косвенное подтверждение активности миграционных процессов на Севере, на Ямале и в Салехарде, в частности.

«Местными» приезжие начинают считать себя кто с десяти лет пребывания в Салехарде, а кто и с пяти. Кто-то приезжает в город, решительно меняя свою судьбу, надеясь ее улучшить. Для них – это риск, который чаще всего себя оправдывает. Кто-то из приезжих прибывает в город по приглашению как необходимый специалист. Они – важное «вливание» в город с целью ускорения качественных и количественных изменений в нем. У многих коренных салехардцев в отношении приезжих чувствуется ревность. Приезжие селятся в центральных районах, получая ведомственные квартиры. Коренное население часто проживает в так называемых «деревашках», брусовых стандартных двухэтажках, основная часть которых была сооружена еще в середине XX в., а самые недавние – в 1980-х гг.

Но, кроме более-менее объективных качественных характеристик, необходимо выделить и иные, свидетельствующие о формировании городского сознания и салехардской идентичности.

Введем ряд понятий. Их определение не только помогает взглянуть на жителей Салехарда, исходя из их целей и ценностей, но также позволяет городу осознать свое настоящее. Так, к рассмотренным понятиям «местный» и «приезжий» добавим понятия «номад», «мигрант» и «горожанин». И еще коренного жителя будем рассматривать с точки зрения его культурной укорененности, как представителя коренных малочисленных народов Севера.

«Мигрант» перемещаем, при этом сколько бы он не жил в данной городской среде, он всегда нацелен на отъезд в поисках более комфортного пребывания. Мигрант – потребитель, он часть современного глобалистского мира. Близок к мигранту образ «номада-интеллектуала». Номад также стремится к перемещению, но его цель – трансляция смыслов – общекультурных, профессиональных и пр. «Горожанин» – это не просто житель конкретного города, он принимает на себя ответственность за него: изучать, рассказывать, популяризировать, улучшать.

Коренные жители Севера близки мигрантам тем, что они тоже относятся к городу как потребители, включая его в свой процесс жизнедеятельности, торговли. Для мигрантов и кочевников-северян, город – примета цивилизации, которая предоставляет удобства для индивидуальной и родовой жизни – товарообмен, досуг, комфорт и пр. Отличия же между мигрантами и коренными народами существенные. Ценности одних (кочевников) связаны с этнической традицией, противопоставляющей родную тундру удобствам города, ценности других (мигрантов) связаны с унификацией комфорта глобального мира (противопоставление удобства данного города более удобным городам). Группы горожан и мигрантов близки тесной связью с конкретным городом. Горожане и номады близки созидательной деятельностью по отношению к городу. При этом номады-интеллектуалы – это те,

кто ответственен за города как систему, за конкретный город – как важную часть системы. Коренные же жители Севера связаны с интеллектуалами некой трудно проговариваемой общностью – ощущением целостности мироздания. Коренной житель подсознательно ценит природу как целое, номад-интеллектуал – цивилизацию как целое. На современном этапе цивилизация и становится второй природой.

Приведенная выше отвлеченная схема взаимодействия введенных нами условных понятий «мигрант», «номад» и «горожанин» нужна для того, чтобы определить те группы населения, на который может опираться город в своем развитии. Коренные жители Севера, сохраняющие свою культуру, свой язык в современной городской жизни – яркая отличительная черта столицы округа. Но их генетическая связь с природным целым не может являться единственной основой для развития цивилизации.

Присутствие «мигрантов» в Салехарде обусловлено ощущением удобства и достатка. В Салехарде у многих семей не меньше трех детей, частым является процесс усыновления малышей родителями, чьи собственные дети уже повзрослели. По представлениям коренных салехардцев и «местных» жителей, Салехард – город, в котором ребенок не подвержен опасным соблазнам современного большого города. В этом случае претензии «мигранта» к провинциальности Салехарда контрастно дополняются уверенностью, что его дети надежно защищены этой провинциальностью, и им ничего не остается как только заниматься спортом, образованием и развитием своих способностей. Безусловно, миграционность – это самое частое и естественное отношение жителя к своему городу. И все же мигрант не в силах помочь своему городу развиваться, так как его цель – это уже развитые города.

Номады-интеллектуалы приезжают в Салехард часто. Этот город манит сюда тех, кто представляет целостность мира с тем, чтобы продемонстрировать ценности цивилизации. Вероятно, осевшие на некоторое время номады и составляют основу для появления собственно «горожан» в Салехарде. Процесс рождения «горожан» из приезжих, местных или коренных салехардцев не отрефлексирован. К сожалению, из гармонично развитых салехардских детей «горожане» не успевают получиться, так как те уезжают учиться в другие города и чаще всего там остаются. Есть вполне вероятная возможность, что они вернуться на родину уже «номадами». И «горожане» пока не определяют современную суть города. Во всяком случае, слабо развитая общественная жизнь города свидетельствует об этом.

Итак, Салехард – это особое место. Место, где современная цивилизация тесно соседствует с нетронутой природой. Место, которое издревле заселяли люди незаурядные, которое долгое время являлось поселением, где отбывали наказание ссыльные, и которое до сих пор остается активным городом, но и «полигоном» для испытания характеров. Город, который

десятки раз мог превратиться в небольшое и исчезающее со временем поселение, но вопреки этому рос и стал столицей богатого и развивающегося региона. Город, в котором на первый взгляд больше приезжих, чем постоянных жителей и который существует как неочевидность на российской карте. Закончится газодобыча, нерентабельным станет содержание этого яркого чуда среди белой тундры или потеряет город свой статус столичности – что ожидает в будущем Салехард?

Для дальнейшего развития городу необходим «горожанин», салехардская идентичность которого представляет для него ценность. Горожанин, осознающий потенциал своего города как места, способного стать одним из оплотов арктической цивилизации. Управленческим ресурсом горожанина не сформируешь, остается надеяться, что город обладает не только пространством, но и временем, чтобы успеть стать городом, населенным не местными и приезжими, а горожанами.

Литература

Лунатов – Лунатов В. Забытый юбилей обдорской церкви // ToGeo. Электронный ресурс. URL: <http://togeo.ru/main/salehard/istoriya-missionerskoj-cerkvi.html>

Постановление Правительства ЯНАО № 963-П от 14.10.2016 года «О признании утратившим силу постановления Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа от 30 сентября 2011 года N 691-П» из информационного банка «Ямало-Ненецкий автономный округ» Электронный ресурс. URL: <http://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW906&n=90418&rnd=228224.219014643&dst=100005&fld=134#0>

Распоряжение Администрации МО город Салехард № 580-р от 03.12.1998 года // Сайт «Правовая Россия. LawRu». Электронный ресурс. URL: <http://old.lawru.info/base14/part4/d14ru4819.htm>.

Распоряжение Правительства ЯНАО № 129-ПП от 28.03.2013 года // Информационная система «Гарант». Электронный ресурс. URL: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=4&ved=0ahUKE25>

Салехард. Электронный ресурс. URL: http://gcbs.ru/pub/Goroda-Yamala/Goroda_Yamala.htm

Шабает 2015 – Шабает Ю. Салехард // Уральская языковая семья: народы, страны и регионы. Этнополитический справочник. М., 2015.

Ямало-Ненецкий автономный округ. Электронный ресурс. URL: <http://www.ruvek.ru/?module=cities&action=view&id=936>

**«НАРЬЯН-МАР, МОЙ НАРЬЯН-МАР –
ГОРОДОК НЕ ВЕЛИК И НЕ МАЛ».
ГОРОД В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА**

История освоения Большеземельской тундры, побережья арктических морей, которые ныне являются территориями, входящими в состав Ненецкого автономного округа, весьма показательна во многих отношениях, но одним из самых интересных культурных явлений можно считать формирование здесь городских поселений и городского образа жизни. Природные условия и характер первоначального освоения этой территории, казалось бы, исключали саму возможность возникновения здесь городских поселений и укоренения традиций городской жизни. Дело в том, что почти вся территория округа находится за полярным кругом (*Географическое положение*, 2001: 10), а основное население этой территории на протяжении многих столетий составляли северные номады – кочующие со стадами оленей ненцы, предки которых пришли из-за Урала, вероятнее всего, в первые века новой эры. Кочевые культуры не нуждаются в городах, а экстремальные природные условия, в свою очередь, препятствуют развитию городских поселений. Тем не менее первый город в российском Заполярье возник именно здесь. В 1499 г. в низовьях Печоры был основан г. Пустозерск, который должен был играть роль пограничной крепости, административного центра, а также стал местом сбора дани с кочевого населения и торжищем. Но после завершения колонизации Сибири он утрачивает военное, административное и торговое значение, Пустозерский уезд в 1780 г. упраздняется, а его территория включается в состав Мезенского уезда (этот уезд включал практически всю нынешнюю территория НАО), а роль местного административного и торгового центра начинает играть Мезень, конкуренции с которой Пустозерск не выдерживает.

В 1929 г. в рамках реализации доктрины этнического национализма, которой руководствовались большевики при решении «национального вопроса» в СССР, создается второй национальный округ – Ненецкий.

Стоит однако заметить, что каких-либо серьезных устремлений в пользу автономии среди ненцев, проживавших в Архангельской губернии, не было. На территориях проживания европейских ненцев не возникло даже зародышей этнонациональных организаций и движений, а идеи автономизации были заимствованы отдельными представителями местных элит в процессе их большевизации из резолюций и деклараций партии большевиков. На местах эти идеи нередко накладывались на старые представления и установив-

шийся порядок отношений между государством и этническими меньшинствами. Поэтому новобранцы партии большевиков из числа инородческих народов предлагали вышестоящим инстанциям адаптированные к новым политическим условиям варианты политики имперской России в отношении нерусских народов, оговоренные еще в «Уставе об управлении инородцев» (1822 г.). Так, в 1927 г. ненецкие активисты из Архангельской губернии обратились во Всероссийский центральный исполнительный комитет с просьбой «скорей выделить самоедам тундру, чтобы они сами в ней распоряжались» (Канев, 2005: 85). Фактически призыв «отдайте нам нашу тундру» означал, что ненцы желали возвращения той ситуации, которая сложилась в Большеземельской и Малоземельской тундрах после принятия «Устава об управлении самоедами, обитающими в Мезенском уезде Архангельской губернии» (1835 г.), предоставлявшего им приоритетные права на распоряжение оленьими пастбищами и иными угодьями (Устав, 1998). Большого им и не надо было, ибо идея автономии вряд ли была понятна сколько-нибудь заметной части населения. Между тем после создания в 1925 г. Комитета Севера, призванного способствовать социальному прогрессу «туземцев», началась масштабная и последовательная работа по «советизации севера» (Смидович, 1930), а на рубеже 1920–1930 гг. власть решила ускорить социалистическое преобразование среди северных народов. При этом ненцам не только идея автономии была чуждой и непонятной, но они также, как и другие малые народы Севера, Сибири и Дальнего Востока, не желали разрушения традиционного образа жизни. И если царское правительство гарантировало законодательно сохранение их прав, образа жизни и территорий и всячески ограничивало вторжение в их культурные институты (Устав об управлении инородцев, 1998), то советская власть начала решительное преобразование их образа жизни и традиционного хозяйства. Уже на начальном этапе преобразований «смутное представление ненцев о грядущих переменах, по существу революционного характера, побуждало их ради сохранения традиционного образа жизни протестовать против строительства школ, больниц и других учреждений городского типа» (Коротаев, 1998: 175), и при этом даже политические выдвиженцы в местных органах власти были против приобщения их к европейской бытовой культуре, которую нёс с собой городской образ жизни. Не нуждались в городском центре и местные поморы, которые сбывали рыбу и продукты зверобойного промысла в Архангельске или Мезени, а также коми-ижемцы, создавшие систему товарного оленеводства и выпасшие свои крупные олени стада в Большеземельской тундре. У них рынки сбыта продукции находились за пределами края (Зырянский, 2004). Но вопреки желанию местного населения этот образ жизни стал укореняться в европейских тундрах, хотя и с большим трудом. Арктическая урбанизация имела не столько экономическое, сколько политическое значение,

ибо с началом первой пятилетки советская власть объявила о «штурме тайги и тундры», который должен был коренным образом изменить образ жизни и культурные традиции народов Севера. И потому появление Нарьян-Мара на карте России стало следствием советизации народов Севера, а также было обусловлено процессами национального размежевания и национально-государственного строительства, ибо город должен был играть роль региональной «этнической столицы».

Из истории «Красного города»

Нарьян-Мар (в переводе с ненецкого языка – «Красный город») – небольшой город на реке Печора, столица Ненецкого автономного округа. История, а точнее, предыстория его появления не очень глубока и берет начало в первые годы XX в. В 1903 г. на территории, ныне входящей в один из районов города, был основан лесопильный завод «Стелла Поларе» («Полярная звезда»). Предприятие поставляло продукцию на экспорт, прекратило свою деятельность в годы Гражданской войны, но вновь вступило в строй в 1927 г. Долгие десятилетия этот завод был одним из основных промышленных предприятий округа и официально прекратил существование только в 2010 г.

В 1924 г. в местечке Белошцелье, располагавшемся в нескольких километрах от лесозавода, открывается Печорское агентство Северного морского пароходства, строится административное здание (оно позднее стало известно, как «первый дом Нарьян-Мара»), складские помещения. Выбор места для начавшегося обустройства порта именно здесь был неслучаен и обусловлен возможностью для захода и стоянки морских судов. Само Белошцелье, ставшее предшественником Нарьян-Мара, встречается по упоминаниям в архивных документах ещё в начале XX в. Такое упоминание относится, например, к 1915 г. (*ГА НАО. Ф. 312. Оп. 1. Д. 1. Л. 81 об.–82*), данных о количестве населения и вообще какой-либо иной информации в этом документе нет, а в 1922 г. здесь проживало 29 чел.

История города неразрывно связана и с историей региона – Ненецкого автономного округа. Округ был создан 15 июля 1929 г. и до 1977 г. носил статус национального. Его столица первоначально располагалась в с. Тельвиска. Однако вскоре был поднят вопрос о новом окружном центре. Его строительство и было решено развернуть в Белошцелье. Одним из первых «градообразующих» документов стал договор, заключённый в октябре 1929 г. между Ненецким окружным исполнительным комитетом и инженером Орловым о «съёмке земельного участка в Белошцелье» (*Козлов, 2017*).

В 1930 г. развернулось масштабное строительство, возводятся постройки будущего города. В 1931 г. на базе Агентства был открыт Печорский морской

торговый порт. В этом же году Нарьян-Мар и становится собственно «Нарьян-Маром», получает своё имя. Стоит заметить, что первоначально город был «Нарьян-Мардом», но вскоре принято постановление писать название в его нынешнем виде. Существовали и другие возможные варианты названия: Ненецк и Едей-Мард («Новый город»).

10 октября 1931 г. вышло постановление ВЦИК: «1. Присвоить вновь образованному рабочему посёлку при лесопильном заводе «Комилес» № 51 им. Дзержинского в Ненецком округе Северного края наименование Нарьян-Мар. 2. Включить в состав этого посёлка прилегающие к нему населённые пункты Белошелье и Калюш». Упомянутый в документе населённый пункт Калюш – небольшая деревня, ставшая частью Нарьян-Мара. Тогда, в 1930-е гг., быстрорастущий город объединил в своём составе несколько населённых пунктов: посёлок при лесозаводе Белошелье, Калюш, Качгорт (историческое название – Носово), Городецкий (Карманово / Кармановка) и близлежащую деревню Ёкуша.

В марте 1932 г. столица региона официально перенесена в тогда ещё рабочий посёлок Нарьян-Мар, но основные окружные организации переместились сюда уже к концу 1931 г. За несколько первых лет количество жителей посёлка превысило 8 000 чел. В апреле 1934 г. пленум Ненецкого окружного исполнительного комитета принял постановление о преобразовании посёлка в город. Это решение было подтверждено ВЦИК и 10 марта 1935 г. Нарьян-Мар получил статус города. Интересно, что традиция называть Нарьян-Мар именно городом сформировалась ещё раньше. Подтверждает этот факт, например, указание места издания окружной газеты «Няръяна вындер» – «г. Нарьян-Мар» (*Няръяна вындер, 8 декабря 1933 г.*). Причины этого в самом названии и сопоставлении Нарьян-Мара с окрестными сёлами и деревнями, по сравнению с которыми он действительно был весьма крупным населённым пунктом. В первые десятилетия городской истории образ жизни его жителей кардинально не отличался от жизни в близлежащих сёлах и деревнях. Немногочисленность населения, где как говорят до сих пор «все друг друга знают», ведение собственного хозяйства и содержание домашнего скота, высокая роль традиционных промыслов (рыболовства, охоты) способствовали этому. И сейчас в обиходе местного населения Нарьян-Мар полушутя иногда называют «деревней» или «большой деревней». Такие характерные особенности, присущие многим малым городам, свойственны и Нарьян-Мару. С окружными сёлами и деревнями его связывает не только роль окружной столицы, транспортного узла и образовательного центра, но и многочисленные родственные связи его жителей.

Первым годам истории Нарьян-Мара посвящён сказ «Среди тундры город вымахал» известной в округе сказительницы Маремьяны Романовны Голубковой, отрывок из которой приведён ниже:

«И знают все от старого до малого,
Что стоит на Печоры Нарьян-Мар – город.
Нарьян-Мар то наш, тундровый город
Не на давней поры – времени, – Не прошло годов и десяточка,
Во глухих местах Белошельских
Он, как деревцо, в тундре выращен,
Он, как в день один, в тундре выстроен,
Рощен он всё заботами Сталина,
Строен силушкой большевицкою».

(Голубкова. 2013. С. 29).

Для становления города период 1930-х гг. очень важен. Нарьян-Мар получает своё имя, статус города и столицы региона. Ведётся активное строительство, только в период 1935–1940 гг. возводится более 120 жилых домов, четыре школы, столовая, баня, парикмахерская. Согласно данным статистики, на 1936 г. насчитывалось и 32 землянки. Формируется местная промышленность: к 1940 г. здесь работает лесопильный завод, контора Севрыбгостреста (позднее – Печорский рыбокомбинат), окружная контора Мясостреста (сейчас – АО «Мясопродукты»), кирпичный завод, морской порт и др. К концу 1930-х гг. количество жителей превысило отметку в 10 тыс. чел.

Обобщая вышесказанное и то, почему именно в этом месте развернулось строительство нового города, можно сказать, что к появлению Нарьян-Мара привело несколько факторов. Один из них – промышленное освоение северо-востока европейской части СССР и имевшиеся здесь возможности для морского и речного судоходства. Всё дело в том, что в период 1930-х гг. существованию и развитию не только порта, но и всего Нарьян-Мара способствовало освоение Ухтинских нефтяных промыслов и Воркутинских угольных месторождений. Через Нарьян-Мар шли грузы для месторождений, обратным путём вывозился добытый уголь, для перевалки которого с 1932 г. начал работать специальный причал. Нельзя обойти вниманием и наличие промышленного предприятия (лесопильного завода), обеспечивавшего часть потребностей в строительных материалах, а также создание новой административно-территориальной единицы – Ненецкого округа.

После начала Великой Отечественной войны в Нарьян-Маре строится сухопутный аэродром, ставший авиабазой Беломорской военной флотилии и одним из ключевых оборонных объектов округа. В 1943 г. над городом дважды пролетел немецкий самолёт-разведчик, осуществивший аэрофотосъёмку. За время войны численность населения сократилась и составила к 1 января 1945 г. 8089 чел.

В послевоенные десятилетия развитие города и региона продолжается, предприятия увеличивают объёмы производства, растёт грузооборот морского порта, ведётся новое строительство.

В 1958 г. на окраине посёлка Качгорт началось создание базы Ненецкой геологоразведочной экспедиции. Ведутся работы по геологической разведке. Первая скважина была пробурена буквально в черте города. Разведка, а затем и добыча топливных ресурсов дали существенный импульс для экономического развития региона. Они также способствовали изменениям в составе населения. Одной из баз геологоразведочных работ стал район дислокации Хорей-Верской экспедиции в Нарьян-Маре. Как база геологоразведочных работ в конце 1960-х гг. в нескольких километрах от Нарьян-Мара был основан посёлок Искателей. Своё название он получил в 1974 г. и с 2004 г. является отдельным муниципальным образованием, центром Заполярного района НАО и своеобразным «городом-спутником» современного Нарьян-Мара.

Население Нарьян-Мара к 1959 г. превысило 13 000 чел. В качестве справочной информации приведём несколько дат городской истории. В 1967 г. создано Строительно-монтажное управление, ставшее ведущей специализированной строительной организацией, занимавшейся возведением жилых домов, объектов социальной сферы и инфраструктуры. В 1960-е гг. деревянный Нарьян-Мар начинает постепенно обретать архитектурный облик, характерный для других городов СССР – вводятся в эксплуатацию первые кирпичные здания, среди них Дом Культуры и школа № 3. Ведутся работы по благоустройству города, в 1970 г. начала действовать первая очередь водопровода протяжённостью 1 км. В 1975 г. построено первое пятиэтажное здание из кирпича, тогда – здание окружного комитета КПСС, сейчас это администрация города.

В 1978 г. достроен газопровод от Василковского месторождения. Начинается газификация города, перевод котельных на газовое топливо. С начала 1980-х гг. ведётся типовое панельное строительство, обустраивается система водоснабжения и канализации. Тогда же построены действующие и сейчас мосты через Качгортинскую (Качгортскую) и Лесозаводскую протоки, строится здание окружной больницы, гостиница «Печора», типография, средняя школа № 1 и др. К 1993 г. общая площадь жилого фонда Нарьян-Мара составляла более 317 тыс. кв. м.

Кризисные явления 1990-х гг. существенно отразились на экономике региона, некоторые промышленные предприятия прекратили свою работу, и фактически город утратил свою функцию регионального промышленного центра.

На рубеже XX–XXI вв. на фоне роста добычи нефти город получает импульс развития. Активно ведётся новое строительство, и внешний облик го-

рода за относительно короткое время существенно меняется. Продолжается этот процесс и в настоящее время.

Любопытный факт, в 2010-е гг. Нарьян-Мар дважды побеждал в номинациях Международного смотра-конкурса городских практик, реализуемых в городах СНГ и ЕАЭС «Город, где хочется жить», проводимого Международной ассамблеей столиц и крупных городов (МАГ). Однако отмечались не успехи в организации и оформлении городской среды, а победы в номинациях «За организацию и проведение конкурсов среди субъектов малого и среднего бизнеса» и «За практику приобщения социально-активных молодых людей к управленческой деятельности».

Историческое и современное деление города. Городская топонимика

В соответствии с Генеральным планом, утверждённым в 2014 г., в административном отношении Нарьян-Мар сегодня делится на три района: Центральный, Качгорт и Лесозавод. Естественными границами служат водные преграды: центральный район отделён от Качгорта одноимённым озером и Качгортинской (Качгортской) курьёй (протокой). Качгорт, в свою очередь, отделён от Лесозавода лесозаводской курьёй. Официальное деление отчасти отражает и исторически сформировавшееся деление городского пространства.

Центральный район самый значительный по площади и численности населения: здесь сосредоточены основные органы городской и региональной власти, учреждения культуры, образования и т. д. Он застроен преимущественно многоквартирными жилыми домами и исторически делится на несколько частей (сейчас их можно назвать микрорайонами): Белошелье (район морского порта), Карманово / Кармановка (современное название – Городецкий), Калюш (происхождение этого названия не до конца понятно).

Район Качгорт протянулся в основном вдоль улицы имени 60-летия Октября. Название происходит от переогласованных слов коми языка: «катш» – «пестрый» и «горт» – «поселение». Это название район получил в конце 1930-х гг., до этого называясь по фамилии первопоселенца Носово. Качгорт также подразделяется на несколько микрорайонов: Качгорт, Малый Качгорт, Хорей-Верской экспедиции, Сахалин, Совхоз.

Территория бывшего лесозавода, выделенная в отдельный район, включает в себя собственно Лесозавод, посёлок Мирный, Новый посёлок, Старую и Новую Бондарку, Угольный, Захребётный. Центральная улица этой части города – Юбилейная. Одна из отличительных черт Качгорта и Лесозавода – широко развитый частный жилой сектор.

Все три района отличаются друг от друга количеством населения, типом застройки, степенью благоустройства жилья и всей территории,

развитием инфраструктуры, наличием объектов социальной сферы и т.д. Кроме общегородских властей на местном уровне работает институт ТОС (территориальных общественных самоуправлений) («Сахалин», «Старый аэропорт» и др.).

Упомянутые названия частей города до сих пор распространены в обиходе местного населения на бытовом уровне, в разговорной речи, например, при указании местоположения («Пойти в Кармановку» и т. п.), ранее – и при написании почтовых адресов («Нарьян-Мар, Калюш, дом 50» в документе 1947 г.). Один из продовольственных магазинов города называется «Калюш» и т.д. Термины для обозначения выходцев из различных городских районов, как правило, просто образованы от названия самих этих районов. Коллективные прозвища, отражающие какие-либо характерные черты жителей городских районов, не зафиксированы.

Что касается «социальной географии», то в настоящее время её границы уже несколько размыты и не позволяют назвать какой-либо район города откровенно неблагополучным. Конечно, наиболее благоприятным во многих отношениях является центральный район, что вызвано объективными причинами: благоустройством жилого фонда, развитием и близостью объектов инфраструктуры, соответственно, более высока здесь, относительно других районов, и стоимость жилья. С районами новой застройки контрастируют такие части города, как Новый посёлок и др., жилой фонд которых представлен деревянными двухэтажными домами, а инфраструктура развита хуже.

Пласт городских легенд и фольклора сегодня не зафиксирован и не изучен. Заметим лишь, что нет общеизвестных именно, скажем так, общегородских легенд на такие распространённые сюжеты, как возникновение города и его первопоселенцы. Отчасти это связано и с тем, что в состав Нарьян-Мара вошло несколько населённых пунктов, каждый из которых имеет свою историю возникновения.

Первые улицы появляются и застраиваются в 1930-е гг.: Печорская, Набережная, Оленная, Ненецкая, Северная, Тундровая, Заполярный проспект и др. Тогда центр города тяготел к району, где сейчас находится морской порт, а параллельно друг другу шли улицы, ныне носящие имена И.П. Выучейского, П.Г. Смидовича и Первомайская. Они и ныне составляют часть планировочной структуры городского центра. В советские годы город постепенно расширялся, но был почти исключительно деревянным. Со временем облик старого Нарьян-Мара, воспетого в песне словами: «Деревянные дома, деревянный тротуар...», уходил в прошлое. Существующая сейчас застройка представлена, преимущественно, зданиями уже второй половины XX в. и современными жилыми домами, школами, детскими садами и др. Такое разнообразие может привести к тому, что гостю, впервые прибывшему в Нарьян-Мар, он может показаться несколько эклектичным.

Вид окраин Нарьян-Мара с самолета. 2015 г. Фото В.Э. Шарапова.

Культурно-деловой центр «Арктика», г. Нарьян-Мар.

В постсоветский период развития как сам городской центр, так и его символика радикально преобразились, о чем свидетельствует сам характер его застройки. Сегодня в центре Нарьян-Мара обращают на себя внимание своеобразные архитектурные доминанты территории. Это Дворец культуры «Арктика» с площадью «Марад Сей» (в переводе с ненецкого языка «Сердце города») и Богоявленский собор – кафедральный собор Нарьян-Марской и Мезенской Епархии Русской православной церкви дополненный колокольней, причтовым домом, церковной школой и др. Объекты религиозного толка дополняются подворьем Поморской старообрядческой общины. Это ключе-

Вид на Богоявленский Кафедральный собор, г. Нарьян-Мар.

вые культовые сооружения города. В непосредственной близости от площади «Марад Сей» по разные стороны улицы Смидовича находятся два здания, имеющие статус памятников архитектуры регионального значения: Администрации НАО и здание Окружного узла связи (почты). Построенное на рубеже 1940 – 1950-х гг. здание почты можно назвать одной из визитных карточек города, её изображение широко растражено в сувенирной продукции и различных изданиях, посвященных истории города и округа (Чупров, 2004. С. 107).

Здание главного почтамта, г. Нарьян-Мар.

Сколько-нибудь значительный массив исторической застройки, не считая нескольких отдельных зданий, построенных ещё в 1930-е гг., в современном Нарьян-Маре отсутствует. На наш взгляд, учитывая возраст города, сам термин «историческая» может быть применён лишь с определённой степенью условности. Часть деревянных зданий на улице Смидовича была утрачена в течение нескольких прошлых лет. Несмотря на дискуссии, касающиеся необходимости сохранения или реконструкции хотя бы части облика «деревянного Нарьян-Мара», типичной застройки в его историческом центре, реальной работы в этом направлении так и не было проделано.

В современном городском фольклоре, как и в других городских центрах, есть традиция давать некоторым домам собственные имена. Широко известны среди местного населения «Титаник», расположенный на улице Ленина и получивший своё название из-за того, что на момент постройки выделялся своей длиной. «Красная шапочка» и «Бутерброд» названы так по сочетанию на фасадных стенах участков из белого и красного кирпича и др.

Важная и интересная для гостей любого города тема – это его памятники. Большая их часть в Нарьян-Маре, так или иначе, связана с событиями и участниками Великой Отечественной войны. Один из них посвящён оленно-транспортным подразделениям периода войны и представляет собой композицию из каюра, северного оленя и лайки. Других памятников, которые бы так или иначе отражали именно историю народов НАО, их национальную культуру в городе нет. Исключением являются кенотаф И.П. Выучей-

ского (представителя ненецкого народа, одного из первых руководителей округа); мемориальная доска Г.В. Хатанзейскому (организатору рабочего движения на лесопильном заводе).

Памятник оленно-транспортным батальонам возле краеведческого музея.

Территориальное расширение, застройка бывших городских окраин продолжается и в настоящее время (микрорайон «Старый аэропорт» и др.), но Нар'ян-Мар продолжает оставаться сравнительно небольшим по размерам городом, где многое находится «в шаговой доступности».

Городское сообщество

По данным на 1 января 2018 г., население города 24 775 чел., что составляет более половины всего населения НАО (43 829 чел.). Исследовательские работы, касающиеся именно населения города, его происхождения, национального состава и межнациональных взаимоотношений, малочисленны и разрозненны, то есть не охватывают город в целом. Мы попытаемся на основе имеющейся информации кратко сформулировать некоторые вехи формирования городского населения.

Вполне понятно и характерно, что для Нар'ян-Мара и целого ряда в чём-то схожих с ним городов в формировании их населения существенную роль играли выходцы из других регионов. Складывается одна из осо-

бенностей, характерная вплоть до сегодняшнего дня и заключающаяся в том, что колебания численности населения зависят преимущественно от миграционных процессов, притока и оттока населения. Эти процессы характерны для всей истории города, но мы выделим и кратко рассмотрим периоды, когда они были особенно сильны.

Уже с 1930-х гг. растущий город, потребность в трудовых ресурсах, коллективизация, индустриализация и другие факторы способствовали миграционным процессам. Одной из групп населения, формировавшей этнический состав населения окружной столицы и всего региона, стали выходцы из района с. Усть-Цильма и других районов сопредельной Республики Коми. Влияние коми нашло своё отражение и в упомянутых выше исторических названиях некоторых районов города. Интересный момент, жителей некоторых микрорайонов можно соотнести и идентифицировать не только по национальной, но и конфессиональной принадлежности. Например, посёлок Качгорт ассоциируют с местом традиционного проживания старообрядцев, именно здесь жил и известный старообрядческий писатель Степан Афиногенович Носов.

Во время Великой Отечественной войны в регионе оказались семьи переселенцев из Удмуртской АССР, Горьковской, Кировской, Архангельской областей. По данным на январь 1945 г. переселенцев в округе числилось 5697 чел. (1773 семьи). Они были задействованы в основном на рыболовном промысле и расселены преимущественно по сельским населённым пунктам (*Коловангина*, 2010: 90, 91, 98). Большинство переселенцев со временем вернулись домой.

В первые послевоенные годы в работах в морском порту и строительстве участвовали военнопленные – бывшие солдаты Русской освободительной армии, так называемые «власовцы». Документом, который отчасти подтверждает это, является обоснование необходимости усиления охраны складов с горюче-смазочными материалами, составленное в 1950 г. командиром располагавшегося в Нарьян-Маре 228 авиаотряда. В документе указывается, что «более десяти тысяч человек» привлекались к ведению строительных работ. Пока не выяснено, насколько эта цифра соответствует действительности, да и в целом эта тема ещё нуждается в дальнейшем исследовании.

Новый приток населения из других регионов и республик СССР приходится примерно на период 1960–1980-х гг. и связан с промышленным освоением севера, зарождением и развитием геологической разведки, а позднее – сферы добычи углеводородного сырья. Из вновь прибывших формируется основное население посёлка Искателей, ставшего отдельной административно-территориальной единицей и частично Нарьян-Мара (района Хорей-Верской экспедиции).

Для периода экономических и политических неурядиц 1990-х гг. характерен отток населения, коснувшийся как города Нарьян-Мар, так и посёлка Искателей.

Что касается современной ситуации, то, несмотря на естественный прирост населения, который вполне устойчив уже на протяжении нескольких лет, нельзя не упомянуть и проблему оттока населения. Сегодня это явление вызвано разными причинами: ситуацией на рынке труда, отсутствием высших учебных заведений (филиал САФУ существует лишь номинально) и др. И сейчас, и в советское время молодые люди, уезжая на учёбу, для прохождения военной службы в другие регионы (Санкт-Петербург, Архангельск и др.), не всегда возвращаются, что сказывается на снижении местного населения трудоспособного возраста. Покидали и покидают Нарьян-Мар в связи с выходом на пенсию, переезжают, в том числе по программе переселения из районов Крайнего Севера, в различные регионы России.

Даже при беглом взгляде видно, что веки миграционных процессов охватывают фактически всю историю Нарьян-Мара. Работа с музейными, архивными материалами, общение с жителями города подчас способно раскрыть детали биографии людей и причины переездов. По собственному желанию или в противоречие ему, в ходе коллективизации и индустриализации, вслед за родственниками, по служебным обязанностям или распределению после учёбы, в поисках лучшей доли или за «длинным рублём» и другими путями люди в разное время оказывались в Нарьян-Маре. Нельзя не упомянуть и о том, что в город переезжают и жители населённых пунктов округа. Кто-то из попавших в Нарьян-Мар людей прожил и проработал здесь несколько лет, другие предпочли остаться. Эти процессы продолжаются и сегодня.

Указанная выше специфика формирования населения привела к тому, что в современном Нарьян-Маре у значительной части его жителей есть родственники, проживающие в сельских населённых пунктах региона или за пределами округа.

Такой, на первый взгляд, сложный процесс складывания городского населения ставит вопрос о степени укоренённости населения. Конечно, он носит индивидуальный и даже несколько эмоциональный характер, и к его рассмотрению, на наш взгляд, необходимо подходить дифференцированно и исследовать при помощи социологических методик. Личные суждения, как правило, подтверждают укоренённость населения города. Нарьян-Мар считают близким и родным люди как родившиеся здесь, так и приехавшие сюда из других мест.

В дополнение приведём выдержки из опубликованных итогов социологического проекта по теме «Состояние и перспективы социально-экономического развития арктических регионов России в представлениях жителей Европейского Севера», где содержатся ответы на вопросы, касающиеся

восприятия и отношения к собственному населённому пункту, принятому курсу на развитие Арктической территории РФ. Из жителей Нарьян-Мара было опрошено 267 чел. Один из пунктов исследования содержал оценку «Эмоционального восприятия поселения», проведённую на основе выбора одного из антонимичных понятий. Нарьян-Мар и НАО оценены опрошенными, преимущественно позитивно, терминами «перспективный», «родной», «богатый» и др., а также как «скучный», «вялый» (*Арктика для людей*, 2015. С. 19–20). Что касается «оценки привлекательности поселений по городам», то для Нарьян-Мара низко были оценены такие показатели как «возможности для получения образования», «возможности для отдыха, досуга», «условия для сохранения и поддержания здоровья», «условия для карьеры», однако, хорошо «условия для воспитания детей», меньше, но позитивно – «возможности для заработка» и «условия для жизни на пенсии» (*Арктика для людей*, 2015. С. 15). Главным, указанным 75,2 % опрошенных, предметом гордости для жителей НАО стали «Природные ресурсы, богатства» (*Арктика для людей*, 2015. С. 24).

Коснёмся и национального состава населения. По данным переписи 2010 г., в целом по НАО, проживают представители 75 национальностей. Из них 66,1 % – русские, ненцы и коми составляют соответственно 18,6 % и 9,0 %. Представлены и такие национальности, как украинцы (2,4 %), белорусы и татары – соответственно 0,7 % и 0,5 %. Остальные национальные группы сравнительно малочисленны. Этнический состав городского населения укладывается в эти статистические рамки: русские – 62,44 %, ненцы – 18,66 %, коми – 10,86 % и т. д. В настоящее время трудовые мигранты из Азербайджана, Узбекистана, Белоруссии и др. заняты в основном в строительстве и сфере добычи нефти и газа.

Развит в регионе институт землячеств, среди них «Дагестанское землячество НАО», «Украинско-белорусская диаспора НАО «3года» («Согласие») и др. Среди местного населения землячества уроженцев окружных населённых пунктов, объединённые «Клубом земляков НАО», складываются после изменения административно-территориального деления, упразднения целого ряда сёл и деревень на территории округа и концентрации их жителей в Нарьян-Маре. Уроженцы округа, проживающие в других городах страны, также объединены в землячества («Нятва» (Дружба) в Санкт-Петербурге и др.).

Изучением и популяризацией культур народов, населяющих Ненецкий автономный округ, вот уже 25 лет занимается Этнокультурный центр (ЭКЦ), в структуре которого действуют отделы русской, ненецкой и коми культуры – самых многочисленных национальных групп среди местного населения. Действует целый ряд творческих фольклорных коллективов: «Родные напевы» (фольклорный ансамбль «Усть-Цилёмского» землячества), ненец-

кий ансамбль песни и танца «Хаяр» и др. Этнокультурный центр занимается организацией различных фольклорных праздников и мероприятий, направленных на укрепление межнациональных отношений. Организованные и проводимые на высоком уровне мероприятия пользуются заслуженным успехом у жителей и гостей города.

В целом: «Особенностью национальных отношений в Ненецком автономном округе является отсутствие доминирующих диаспор, что в свою очередь положительно отражается на реализации региональной национальной политики. Представителям различных национальностей, проживающим на территории Ненецкого автономного округа, свойствен низкий уровень конфликтности на межэтнической почве. Высокую идейную значимость для народов, проживающих в Ненецком автономном округе, имеют именные земляки, заслужившие своей деятельностью уважение и почет не только в России, но и за рубежом» (*О стратегии государственной национальной политики*, 2016).

Важное место в культурном пространстве округа занимают региональные музеи. Многочисленное собрание Ненецкого краеведческого музея включает материалы по самым разным темам: археология, история, этнография, флора, фауна, палеонтология, геология и др. Ввиду отсутствия научных центров, высших учебных заведений, сотрудники музея выполняют значительный объём научной работы. Историко-культурный и ландшафтный музей заповедник «Пустозерск» занимается комплексным изучением первого русского города за Полярным кругом – Пустозерска и прилегающей территории. Сосредоточение в Нарьян-Маре учреждений, способствующих сохранению и актуализации на современном уровне национальных культур, вполне объяснимо, ввиду статуса города как столицы региона и его единственного города.

Полная характеристика межнациональных отношений, конечно, невозможна без специализированного исследования, при перспективном проведении которого необходимо, на наш взгляд, выделять Нарьян-Мар отдельно от других населённых пунктов округа. Безусловно, многовековые контакты различных этнических групп, ставшие неотъемлемой частью истории края, смешанные браки, миграционные процессы XX в. способствовали складыванию сложной национальной структуры и в некоторых случаях – размыванию национальной самоидентификации.

Позиционирование региона именно как национального, ненецкого, имеет место быть и сейчас, но, на наш взгляд, особенно сильно это проявлялось в первые десятилетия его существования. Сегодня это выражается, например, в проведении мероприятий, направленных на сохранение ненецкого языка и культуры. Для населения, ведущего традиционное хозяйство, предусмотрены меры поддержки. Среди целого ряда общественных организаций,

в том числе и имеющих статус региональных, в вопросе о защите национальных прав и интересов особенно выделяется Ассоциация ненецкого народа «Ясавэй». Она создана в 1989 г. и имеет закреплённое в Уставе НАО право законодательной инициативы, а согласно статье 16 Устава: «Вопросы социально-экономического развития ненецкого народа органы государственной власти и управления округа решают с участием ассоциации ненецкого народа «Ясавэй»». Имена известных в округе представителей ненецкого народа увековечены и в названиях улиц (Выучейского, Хатанзейского, Тыко-Вылки, Пырерки и др.). Ещё одно напоминание о том, что Нарьян-Мар – столица национального, ненецкого округа – таблички с названиями учреждений дублирующиеся на ненецком языке. На ненецком языке выходит часть материалов газеты «Нарьяна вындер».

Заключение

Нарьян-Мар, как и любой город, со временем меняется. Получив на рубеже тысячелетий новый импульс развития, связанный с ростом добычи нефти, он сумел существенно преобразиться. Однако стоит признать, что и экономические вызовы современности сказались на его жителях. Всё чаще даже в социальных сетях местные жители ставят вопрос: будет ли Нарьян-Мар расти и развиваться дальше или превратится в вахтовый посёлок и «город – призрак»? Указанные настроения отнюдь не случайны. История Пустозерска является примером того, что арктическая урбанизация не является устойчивой, долговременной тенденцией, и города в Арктике весьма уязвимы. Но в НАО есть и более показательный пример того, что жизнь городского поселения в условиях Крайнего Севера может быть весьма недолговечной. Поскольку создание городских поселений в Российской Арктике в советские годы диктовалось не экономической или культурной логикой, а логикой политической и геостратегической, при которой экономическая обоснованность и социальный комфорт населения не учитывались, постольку в постсоветскую эпоху начался глобальный кризис северных городов. Жертвой этого кризиса в НАО стал посёлок городского типа Амдерма, который называли «воротами в Арктику», где в годы его расцвета проживало около 10 тыс. жителей. Но в условиях рыночной экономики и изменений государственных приоритетов посёлок умер: перестали функционировать аэропорт и морской порт, были ликвидированы строительная организация и производственные предприятия, закрыты геологическая партия, метеостанция, расформирована воинская часть и, в результате, численность населения уменьшилась в 11 раз (с 5,5 тыс. в 1989 г. до 500 чел. в 2018 г.). Остались лишь те, кто просто не может уехать. Не случайно в Стратегии социально-экономического развития Ненецкого автономного округа до 2030 г. среди вызовов в социальной

сфере региона указан: «высокий миграционный отток населения». Смогут ли руководство страны и региона сделать жизнь в Арктической зоне РФ привлекательной в XXI веке? Ответ на этот вопрос все еще остается открытым, а поэтому и перспективы развития Нарьян-Мара, как и многих других арктических городов, не вполне очевидны.

Источники и литература

Арктика для людей 2015 – Арктика для людей. Итоги социологического проекта по теме «Состояние и перспективы социально-экономического развития арктических регионов России в представлениях жителей Европейского Севера» / Регион. обществ. орг. «Возрождение рос. Культуры»; [науч. рук. проекта, ред.-сост.: И.В. Каторин]. Архангельск: ООО «Типография А4», 2015. 68 с.

Вокуев 1989 – Вокуев Г.П. Улицы Нарьян-Мара рассказывают ... Нарьян-Мар, 1989.

Вокуева 2014 – Вокуева А.В. Особенности миграционных процессов в Ненецком автономном округе в XX–XXI вв. // Конкурс учебно-исследовательских работ «X Малые Авакумовские чтения», 25–27 марта 2014 г. Нарьян-Мар, 2014. 132 с.

Географическое положение // Ненецкий автономный округ. Энциклопедический словарь. М.: «Издательский дом «Аванта +», 2001.

Голубкова 2013 – Голубкова М.Р. Слово – силушка большая. Ижевск, 2013.

Дрегалю 1996 – Дрегалю А.А., Ульяновский В.И. Проблемы местного самоуправления и социальная ситуация в Ненецком автономном округе осенью 1996 г. Нарьян-Мар, 1996.

Есть северный город в низовьях Печоры. М., 2001.

Канев, 2005 – Канев Ю.В. История Ненецкого края. Пособие по краеведению. Нарьян-Мар: Управление образования НАО, 2005.

Козлов 2017 – Козлов С.В. Микрорайон Центральный // Нярьяна вындер. 2017. № 74. 18 июля.

Зырянский мир. Очерки о традиционной культуре коми народа. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004.

Кокшаров 1997 – Кокшаров А. Мне снится этот город // Край мой ненецкий. Книга вторая. Нарьян-Мар, 1997. С. 61–71.

Коловангина 2010 – Коловангина М.М. Военные будни тружеников Ненецкого округа. 1941–1945. Нарьян-Мар, 2010.

Комаровская 2014 – Комаровская И.С. Адрес детства – Оленная, 19. Можайск, 2014.

Кортаев 1998 – Кортаев В.И. Русский Север в конце XIX – первой трети XX века. Проблемы модернизации и социальной экологии. Архангельск: Изд-во Поморского гос. ун-та, 1998.

Ляпунова 2007 – Ляпунова М. История развития микрорайона Качгорт // VI Авакумовские чтения. Материалы конференции. Нарьян-Мар, 2007. С. 14–17.

Ненецкий автономный округ в цифрах и фактах. Автор-составитель А.Ф. Сухановский. Архангельск, 2013.

Ненецкий автономный округ (справочный материал) / Сост. У.А. Истомина. Нарьян-Мар, 1997.

Ненецкий автономный округ. Современное состояние и перспективы развития / Под ред. канд. геогр. наук. В.М. Макеева. СПб., 2005.

Ненецкий автономный округ. Энциклопедический словарь. М.: Дом Книги «Аванта +», 2001. 304 с.

Ненецкий край: сквозь вьюги лет: Очерки. Статьи. Документы / Ред.-сост. В.Ф. Толкачёв. Архангельск: Поморский государственный ун-т им. М.В. Ломоносова, 2000. 615 с.

О стратегии государственной национальной политики. 2016 – О стратегии государственной национальной политики в Ненецком автономном округе на период до 2025 г. Постановление губернатора Ненецкого автономного округа от 10 февраля 2016 г. № 5.

Смидович, 1930 – Смидович П. Советизация Севера // Советский Север. 1930. № 1.

Устав об управлении самоедами, обитающими в Мезенском уезде Архангельской губернии // Национальная политика императорской России. Поздние первобытные и предклассовые общества севера европейской России, Сибири и Русской Америки. М.: Старый Сад, 1998.

Устав об управлении инородцев // Национальная политика императорской России. Поздние первобытные и предклассовые общества севера европейской России, Сибири и Русской Америки. М.: Старый Сад, 1998.

ЖИЛИЩНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ, ЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО И ОСОБЕННОСТИ ГОРОДСКОГО РАЗВИТИЯ ЯКУТСКА

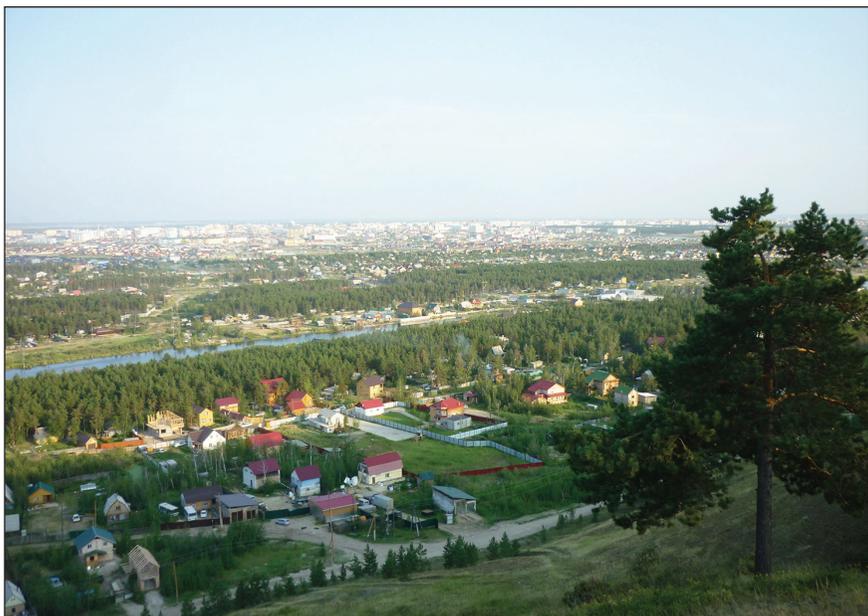
1. Географические и исторические особенности Якутска

Якутия – самый крупный по территории субъект Российской Федерации. Знакомство с регионом обычно начинается с характеристики его территориальных масштабов: «площадь – более 3 млн. кв. км, а это 1/5 часть России», или «Якутия превосходит по площади Аргентину». Подобных сравнений множество, и местные жители особенно гордятся размахом и широтой родного края. Вместе с тем Якутия входит в тройку самых малонаселенных регионов России. По официальным данным численность населения Якутии превышала 1 миллион человек только с 1986 по 1997 г. (*Территориальный орган Федеральной службы статистики*, 2016). В настоящее время общее население республики, хоть и находится в положительной динамике, не превышает 1 миллиона и составляет по данным Госкомстата России на 2018 год – 965 669 чел., из которых 635 154 проживают в городах (*Федеральная служба государственной статистики*, 2019).

Всего на территории Якутии 13 городов, но разница между ними огромна, начиная с истории возникновения, географических особенностей и заканчивая численностью населения, экономической базой и т.д. Одни города создавались на начальном этапе вхождения сибирских земель в состав Российского государства еще в XVII в. и берут свое начало с первых острогов и зимовьев, другие – в период советской эпохи. Но при этом город в Якутии – понятие относительное, в том смысле, что полноценная городская культура стала формироваться только с середины XX столетия, да и то этот процесс коснулся, в первую очередь, Якутска и промышленных Нерюнгри и Мирного. Городская культура в Якутии – по сути формирующееся явление, с тонкой гранью между городом и селом.

Бесспорно, самым крупным городом региона является Якутск, в котором сейчас проживает почти половина городского населения всей республики. Несмотря на то, что история города берет свое начало с 1632 г., и официальный возраст Якутска почти 400 лет, период бурного роста города связан с началом промышленного освоения Севера в советскую эпоху. Если в дореволюционный период население города не превышало 10 тысяч человек и, например, в 1897 г. составляло 6535 чел. (*Первая Всеобщая перепись*,

1897), то с установлением советской власти наблюдался постоянный рост численности населения Якутска, пик которого приходится на 1960–1980-е гг. По официальным данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. население города составляло 186 626 чел. (*Всесоюзная перепись*, 1989). Поэтому формирование городской среды с его каменными многоэтажными домами, квартальной застройкой и прочими атрибутами городской жизни в Якутске начинается довольно поздно, практически с середины XX столетия, и продолжается по сегодняшний день.

Вид с западного склона на долину реки Лены и город Якутск. Дачные участки рядом со склоном постепенно превращаются в дома круглогодичного проживания. Среднюю часть равнины занимают промышленные зоны и жилые кварталы. За линией многоэтажных домов на горизонте видна пойма реки Лены. Город расширяется в северном и южном направлениях. Фото: Г.С. Белолубская, И.О. Хабек. 2015.

На развитие города серьезно повлияли события, связанные с распадом советской системы и формированием новой российской государственности. В 1990-е гг. изменились миграционные потоки внутри региона, и Якутск стал важнейшим пунктом, прежде всего, внутренних миграционных перемещений. В результате численность населения города к началу 2000-х гг. перевалила за 200 тыс. чел. (*Всероссийская перепись*, 2002). Тенденция к росту численности населения города сохраняется и сейчас. По состоянию на 1 ян-

варя 2018 г. в Якутске проживает 311 760 чел. (*Федеральная служба государственной статистики*, 2018).

За последние двадцать лет можно наблюдать значительное расширение города, развитие его технической инфраструктуры и коммуникаций, изменение социального статуса некоторых районов, преобразования архитектурного облика, и, главное, видоизменение границ личного пространства, о чем пойдет речь в данной статье.

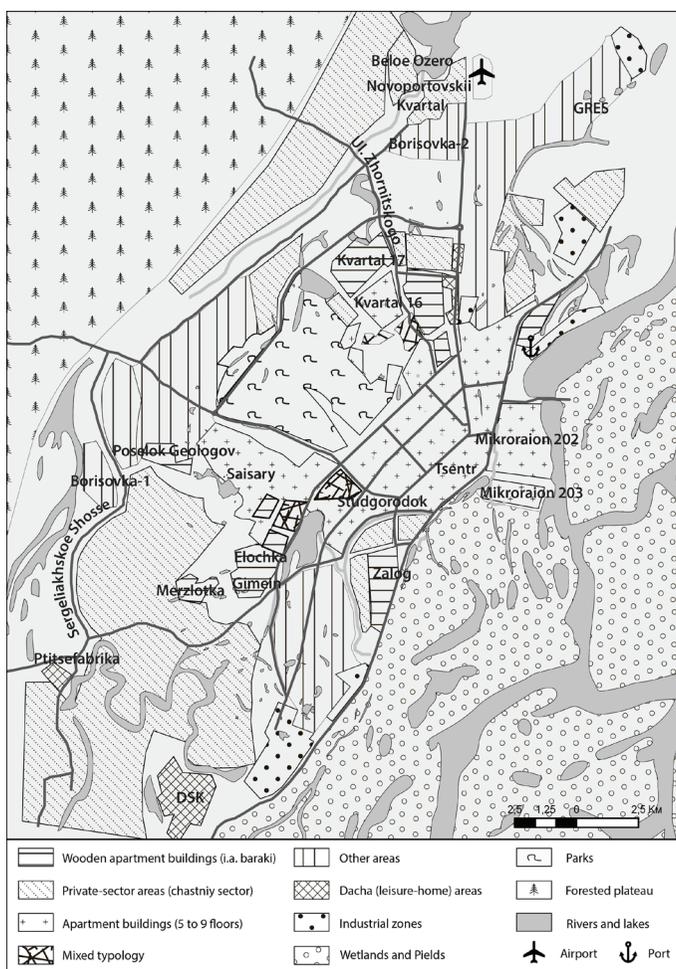
2. Характеристика основных районов города и их социальный статус

Сегодня город Якутск состоит из 10 административных районов и является частью муниципального образования «Городской округ г. Якутск». Городской округ включает в себя кроме самого Якутска десять близлежащих сел. В своей работе мы остановимся только на территории города Якутска. За основу будут взяты не 10 административных районов, а неофициальные районы и микрорайоны города, лучше отражающие атмосферу и специфику городской среды (см. прилагаемый план города). Данная статья опирается на систематическую фотодокументацию почти всех частей города, проведенную авторами в июле 2015 г., и на интервью с представителями мэрии, инженерами, агентами по недвижимости и жителями города летом 2015 г.

Проблема «престижности» отдельных районов города и управление формированием социального статуса районов интересовала еще советских исследователей-архитекторов (*Портнов*, 1991). В первой половине XX столетия «дома индивидуальной застройки оставались основным типом жилых строений в сибирских городах» (*Букин*, 2010: 167), и, в первую очередь, это были деревянные постройки. В отсутствие разнообразия в типах жилья, в советское время «престижность» городского района определялась по принципу «центр – периферия».

С расширением «каменного» жилищного строительства стали меняться приоритеты и желания горожан. Со второй половины XX в. в Якутске одним из важнейших критериев престижности выступал уже не только район проживания, но и тип жилого дома – деревянный или каменный. Однако благоустроенные квартиры в центральных кварталах города все равно оставались наиболее востребованными среди горожан, как и в других регионах СССР.

В настоящее время центр города практически не поддается ранжированию по «престижности». Здесь встречаются как старые деревянные бараки и построенные в 1960-е гг. «хрущевки», так и современные «элитные» дома, построенные в 2000–2010-е гг. «Престижно» не просто жить в центре города, важно еще и жить в хорошем новом доме. Поэтому и в современном Якутске социальный статус определяет не только район проживания, но и тип жилого дома.

План-схема города Якутска, где отмечены типы застройки, неофициальные названия районов и микрорайонов. По данным авторов и Айтала Яковлева. Картографическая основа: <http://2gis.ru>, дизайн: Айтал Яковлев, Юлиус Дидовец.

Каждый район/микрорайон города обладает своей репутацией и степенью «престижности», исходя из которых можно разделить современные районы и кварталы Якутска на шесть групп по уровню социального статуса – от высокой к низкому.

Районы, которые можно отнести к категории высокой престижности, немногочисленны. Это типичная ситуация для постсоветского города. Их по-

явление ознаменовало завершение советской эпохи, пропагандирующей социальное равенство. Современные районы высокой престижности не всегда расположены в историческом, административном или общественном центре города. Объясняется это повышением доступности личного автотранспорта, что сделало возможным более широкий охват территории города, а также тем, что одним из важнейших критериев «элитности» района выступает его обособленность.

В Якутске «элитные» районы стали появляться не в результате перепланировки и новой застройки старых (а значит центральных) районов города, а создавались чаще на новых, не заселенных территориях. К ним можно отнести районы коттеджей на Сергеляхском и Виллойском шоссе. «Элитные» районы Якутска фрагментарны, некоторые из них сложно назвать районами, так как они могут состоять из небольшого количества строений. Безусловно, многоквартирные «элитные» дома встречаются и в центре города, но они не образуют каких-то замкнутых кварталов и соседствуют с другими типами жилых домов.

Еще одна особенность Якутска – это строительство отдельных «элитных» домов в районах со средним или низким рейтингом. По этой причине в частном или дачном секторе среди старых деревянных домов, дач и барачков порой можно обнаружить совершенно новый коттедж с портиком и каменными статуями, огороженный высоким металлическим забором.

Недалеко от «17-го квартала», района с низким статусом, среди деревянных многоквартирных домов и частных строений расположен крупный особняк с декорированным фасадом. Фото: Й.О. Хабек. 2015.

К группе городских районов с рейтингом «выше среднего» относятся, прежде всего, кварталы с налаженной инфраструктурой, удобно расположенные, ближе к центру или в центре города, как, например, Микрорайон № 202, строящийся Микрорайон № 203, жилые кварталы в районе Студенческого Городка и др. В большинстве своем они примыкают к центральным улицам города, что и влияет на их социальный статус. Если для «элитных» районов важна относительная изолированность, то для этой группы близость к центру играет одну из ключевых ролей.

Активная застройка этих районов началась в конце 1980-х – начале 1990-х гг. и продолжается по сегодняшний день. Хотя в них встречаются различные типы зданий, в том числе и устаревающие крупнопанельные дома (КПД), тем не менее тенденцией последних лет является строительство в таких районах высотных зданий нового типа «монолит», призванных создать «урбанистический» облик города.

Здание типа «монолит» недалеко от центра (ул. Лермонтова, 49).

Фото: Й.О. Хабек. 2015.

Вероятно, самой распространенной группой городских районов являются районы со «средним» рейтингом. Что интересно, они могут располагаться как в центре города, так и на периферии (например, Авиагруппа, Рабочий городок, район Аэропорта, район 31-й школы и др.). Если говорить о типе

зданий «средних» районов, то это будут каменные строения – блочные/кирпичные дома, крупнопанельные дома (КПД), 112-й серии или индивидуальной планировки, а также частные дома. Здания типа КПД, а также блочные/кирпичные дома строились с 1970-х до начала 1990-х гг. В 1990-е гг. они уступили свое место новым типам зданий – 112-й серии или индивидуальной планировки. Если кварталы из блочных/кирпичных домов и КПД считались в советское время крайне престижными и обладали рейтингом «выше среднего», то теперь их статус значительно ниже.

Слева: жилое здание 112-й серии (ул. Лермонтова). Фото: Й.О. Хабек. 2015.

В последние годы наблюдается активное строительство частных домов, деревянных и каменных, так называемое индивидуальное жилищное строительство (ИЖС). Появление новых строительных материалов и технологий, более доступных и недорогих, а также расширение возможностей в приобретении земельных участков превратили ИЖС в популярный способ обеспечения жильем в Якутске. Районы частных домов условно можно отнести к средней категории, исходя из стоимости квадратного метра жилья.

Дачи и дачные участки составляют отдельную категорию. Первые дачи появились в окрестностях Якутска в конце 1950 – начале 1960-х гг. (ср.

Stammler, Sidorova, 2014). Они отличались большими размерами участков (10–12 соток и больше). Начиная с 1990-х гг. дачи стали появляться все дальше и дальше от города, что является одним из признаков его расширения. Когда речь идет о дачах, их ведущей характеристикой, кроме размеров территории, является расположение.

Дачные участки располагаются на Вилюйском шоссе, Хатынг-Юряхском шоссе, Покровском и Намском трактах и др. Но вопрос земли сейчас стоит более остро, чем 50 лет тому назад, и большие участки постепенно уступили место небольшим (6–8 соток). Стоимость дачного дома/участка зависит не только от его размеров, но и от газификации района. Учитывая климатические условия Севера, все сооружения в городе требуют надежного отопления в зимний период. Отопительный сезон отличается длительностью и достигает 8-9 месяцев в году. Газ является главным источником тепла, и стоимость земельного участка/дачи будет зависеть, прежде всего от того, газифицирован район или нет. По этой причине дачи, например, на Хатынг-Юряхском шоссе в несколько раз дороже дач на Вилюйском шоссе. Газификация дает возможность превратить временный летний дачный дом в место постоянного проживания. Хотя для оформления прописки на дачном участке существует ряд серьезных ограничений, у горожан есть юридическая возможность перевода дачного дома/участка в ИЖС.

Как отмечают местные эксперты, за последние годы стала стираться грань между дачами и частными домами (ИЖС). По словам Альберта Кардашевского, кандидата технических наук, директора предприятия ООО «Стройкомполит»: «дачи в городе Якутске в направлении Покровского тракта изначально были садово-огородническими товариществами, «СОТами». Сейчас там «СОТов» практически не осталось. Люди переводят их в категорию ИЖС, индивидуального жилищного строительства, и строят там себе капитальные дома для круглогодичного проживания». Представитель мэрии Якутска отмечает, что «частный сектор ничем государство не обременяет», так как жители самостоятельно решают вопросы водо-, электро- и теплообеспечения, и, по его прогнозам, в городе в ближайшей перспективе будет развиваться именно частный сектор. В любом случае частные дома становятся крайне популярным типом жилья в современном Якутске.

Районы «ниже среднего» чаще всего находятся вдали от центра города и больше связаны с конкретными типами жилья. Одним из ярких примеров такого района будет Борисовка-1: она была построена в 1990-е гг. канадской строительной фирмой. Район создавался как маневренный фонд – временное жилье для тех, кто остался без жилья по разным причинам. Спустя время дома, предназначенные для временного проживания, превратились в места постоянного проживания. Социальный статус района «ниже среднего»

связан также с тем, что квартиры в этом районе из-за того, что создавались как временные помещения, очень маленькие по площади.

К статусу «ниже среднего» относятся и так называемые малосемейки. Малосемейки – это небольшие квартиры площадью от 24 до 30 кв. м, расположенные в панельных домах. Их можно встретить практически в каждом районе города, как в центре, так и на периферии. Из-за малых площадей они ближе по статусу к общежитиям, чем к полноценным квартирам.

К районам «ниже среднего» можно отнести и многочисленные кварталы города, сформированные в основном из деревянных частных домов, как, например, Белое Озеро, Залог, Пригородный квартал. От районов, выделенных под ИЖС, эти части города отличаются тем, что в них преобладают старые деревянные частные дома, меньше новостроек и многоквартирных барачков. Немного иное положение у Залогов, примыкающего к центральным кварталам, одного из самых старых районов Якутска. Постепенно там разворачивается строительство монолитных домов и его облик стремительно меняется.

Районы с низким статусом представляют из себя кварталы преимущественно из деревянных многоквартирных домов, барачков и частного сектора. Их много в окрестностях города. Сильно заметно то, что Якутск еще совсем недавно, 50 лет назад, был почти полностью деревянным городом. Когда речь идет о многоквартирных деревянных домах, то они разделяются по степени благоустроенности. Выделяют благоустроенные, частично-благоустроенные и неблагоустроенные дома. К таким районам можно отнести Поселок геологов, ГРЭС и др.

Есть в Якутске и районы со статусом «очень низкий». Об этих кварталах среди жителей города ходят настоящие легенды. Основной тип зданий – многоквартирные деревянные дома, бараки, частный сектор. Дома чаще всего частично благоустроенные или неблагоустроенные. Прежде всего, это 17-й квартал, Сайсары. Городскими властями в последние годы разрабатываются планы по застройке и полному переустройству этих районов. Таким образом, можно говорить о начале процесса джентрификации (*gentrification*), наблюдаемого в других городах России (*Axenov, 2014*) и мира. Согласно плану городской администрации (Реновацию жилья 2019), на месте 17-го квартала в перспективе должен появиться новый квартал. Жителям района обещают переселение в другие части города. К тому же последние 10 лет в этих районах стали активно строить новые каменные многоквартирные дома, поэтому их облик постепенно, но трансформируется. Сейчас многие здания деревянного жилищного фонда города признаются ветхими и аварийными, поэтому в ближайшем будущем должны быть расформированы и снесены. В целом деление районов на «низкий» и «очень низкий» относительно. Они не сильно отличаются друг от друга уровнем благоустроенности и их разделение связано, скорее, с «портретом» этих районов, существующим среди горожан.

Последние десять–пятнадцать лет Якутск переживает «строительный бум». За это время можно воочию наблюдать, как стремительно расширяется город. То, что раньше считалось окраиной, теперь представляет из себя плотно застроенные, многолюдные районы. Деление районов города по социальному статусу, конечно, является весьма условным. Встречаются старые бараки в центре города, так же, как и «элитные» дома посреди деревянных бараков. За это местные жители часто называют Якутск городом контрастов. О похожих процессах пишет А. Нурушева на примере Астаны: «дифференцированные виды жилья перемешаны: на некоторых улицах рядом со старым жилищным фондом расположены новостройки» (Нурушева, 2013: 92). Можно говорить о неких общих процессах, характерных для всего постсоветского пространства – освоение окрестностей и субурбанизация, заметная социальная дифференциация и расслоение общества, появление разнообразных форм жилья и собственности – от деревянных бараков до элитных квартир и домов. Все эти явления связаны, прежде всего, с формированием и утверждением личного пространства, расширением его границ.

3. Жилищная мобильность внутри города

В советское время проблема жилья была одной из самых острых. Как отмечают С. Букин и В. Исаев, в послевоенное время в городах Сибири «даже с учетом строительства временного жилья темпы жилищного строительства отставали от темпов роста городского населения» (Букин 2010: 174). Это в равной степени относилось и к городу Якутску. Несмотря на то, что жилье предоставлялось государством на безвозмездной основе, получить его можно было только в порядке очереди. Сложнее всего было с «каменным» жильем (речь идет о «хрущевках» и КПД), очереди за которым растягивались на 20–25 лет и больше.

Важно детальнее рассмотреть вопрос частной собственности в советское время. Согласно общепринятому стереотипному мнению, в СССР «все принадлежало государству и собственность была исключительно государственной». Однако это было не совсем так, формы частной собственности не были чужды советскому обществу, правда, существовали они в иной системе координат. Как было отмечено выше, большинство горожан Якутска в это время проживало в деревянных многоквартирных или частных домах. Если многоквартирные дома чаще всего оказывались ведомственными, то деревянные дома индивидуальной застройки находились в личной собственности, и собственник обладал правом передавать дом по наследству или продавать его. Но в советское время жизнь в деревянном частном доме имела другой смысл, чем в современное время. Деревянный дом расценивался как «устаревшая» форма жилья, чье техническое

оснащение и степень благоустройства не соответствовали «современным» стандартам, не говоря уже о его пожароопасности. Что интересно, советское государство не ставило перед собой задачу улучшения жизни в частных деревянных домах, а ограничивалось лишь обещанием переселения. Эти дома как сфера частного оказывались за пределами государственной заботы и внимания.

Из-за проблем с водоснабжением, отоплением и канализацией горожане отдавали предпочтение не деревянным индивидуальным домам, а каменному жилью, которое в те годы всегда находилось либо в ведомственной, либо в муниципальной собственности. Соответственно, такое жилье можно было только обменять или подать прошение на расширение жилой площади, но нельзя было его продавать. Самоощущение от обладания некой собственностью не могло заменить потребности в элементарном комфорте. Кроме того, «каменное жилье» с его удобствами повышало социальный статус человека. Все это и приводило к появлению многолетних очередей за новым «каменным» жильем.

Еще одной формой личной собственности в эпоху СССР были дачи и дачные участки. В советское время дачи создавались на государственной земле. Земельные участки выдавались в Якутске горисполкомом безвозмездно в «вечное пользование». Строго говоря, речь здесь идет не о собственности, а о праве пользования землей. Что тем не менее не мешало передавать право пользования по наследству, а также выставлять дачи на продажу. Но дачи не играли существенной роли в жилищной мобильности горожан. Обычно они приобретались в дополнение к городской квартире, исключительно для летнего времяпрепровождения. Не говоря уже о том, что получить от государства дачный участок мог далеко не каждый горожанин. Дачные участки (садово-огороднические товарищества, СОТы) так же, как и квартиры, распределялись в порядке очереди. СОТы выделялись также организациям и крупным предприятиям города, которые потом самостоятельно распределяли их среди своих работников. Надо также отметить, что не на всех участках разрешалось строительство дома, некоторые участки можно было использовать только для огородничества.

Немаловажным отличием Якутска от других городов Советского Союза было отсутствие коммунальных квартир. Говорить о «коммунальной культуре», характерной для других крупных промышленных городов СССР, в Якутске мы не можем. Близким к коммуналкам были ведомственные общежития, но жить в них могли только работники предприятия. Проживали в таких общежитиях в основном работники из других регионов страны, которые приезжали на временные работы. Соответственно, их мало интересовала внутригородская мобильность.

Как видим, жилищная мобильность в Якутске в советское время была весьма ограниченной и мало зависела от желаний человека. И не все формы жилья были задействованы в этом процессе.

Со времени распада СССР миграционные потоки изменились коренным образом. Сейчас Республику Саха (Якутия) отличает высокая внутренняя миграция, которая значительно превышает внешнюю (Сукнева, 2008: 67). Наиболее популярным направлением внутренней миграции является, конечно же, Якутск. В Якутск активно переезжают жители из различных улусов республики, что вызвано рядом социально-экономических факторов. Светлана Сукнева, демограф, доктор экономических наук, отмечает, что «прогрессирующая безработица, снижение уровня жизни большинства населения, неудовлетворительное состояние социальной инфраструктуры сделали работу и жизнь на Севере экономически непривлекательной» (Сукнева, 2008: 63), побуждая многих менять место жительства и переселяться в города, прежде всего, в столицу республики. Таким образом, современная миграционная ситуация в Якутске не имеет ничего общего с советским периодом. Высокая внутренняя миграция способствует росту населения города и расширению городского пространства, и самое главное, постепенному пополнению числа коренного городского населения, заинтересованного в обретении личной собственности, улучшении качества своей жизни в рамках города. Поэтому жилищная мобильность внутри города имеет свои особенности, о которых речь пойдет ниже.

Жилищная мобильность влияет и одновременно зависит от существующего рынка недвижимости. Российский рынок недвижимости в настоящий момент подразделяется на два основных типа – первичный (новостройки) и вторичный (недвижимость, у которой уже были собственники). Первичный жилой фонд Якутска представлен чаще всего многоэтажными многоквартирными новостройками. В центральных районах повсеместно появляются новостройки. Из-за отсутствия свободных территорий в центре города, новостройки в последние годы стали возводить на пустующих окраинах, причем от компаний-застройщиков стали требовать, чтобы в новом районе города заранее были запланированы такие социальные учреждения как детские сады, школы и т.д. Стоимость квартир в таких домах зависит от ее площади и расположения дома. Принимая во внимание высокую стоимость квадратного метра жилплощади в Якутске, компании-застройщики в основном ориентируются на строительство квартир эконом-класса, в первую очередь, одно- и двухкомнатных квартир. Несмотря на это, приобрести жилье на первичном рынке может себе позволить далеко не каждый горожанин. На помощь жителям, кроме ипотечного кредитования, часто приходят родственники, с чьей общей помощью становится реальным приобрести квартиру в новостройке. Довольно распространенной практикой является

сдача новой квартиры в аренду сразу же после покупки, чтобы оплачивать ежемесячные платежи по ипотеке. По нашим наблюдениям, повсеместны случаи, когда, живя и работая в улусе, якутяне покупают квартиру в Якутске, с тем чтобы со временем переехать в город.

Вторичный жилой фонд не теряет своей актуальности, прежде всего из-за более низкой цены. В реалиях Якутска вторичный рынок крайне неоднороден и представлен квартирами как в деревянных, так и в каменных домах. Как и на первичном рынке, спросом на вторичном рынке пользуются небольшие квартиры из эконом-сегмента. На вторичном рынке появляются и частные дома, в том числе и «элитные» коттеджи, но спрос на них несравнимо ниже, чем на квартиры.

Отдельную нишу занимают частные дома. Выше уже говорилось о том, что строительство частных домов (ИЖС) – одна из характерных черт современного Якутска. Любой горожанин, решивший приобрести жилье, сейчас находится перед выбором – либо купить квартиру в новостройке, либо на вторичном рынке, или, третий вариант – найти удобный участок и построить дом «с нуля» с собственной планировкой. Если в советское время частный дом, как правило, ассоциировался с неблагоустроенностью жизни, то теперь, когда появились новые технические возможности в улучшении бытовых условий (газовое отопление, септик, водопровод и др.), многие жители города отдают предпочтение именно этому виду жилья.

Представители среднего класса, уже имеющие квартиры в Якутске, в последнее время также предпочитают приобретать не дачи, а частные дома. Все больше жителей города по возможности хотят жить зимой в квартире, а в летнее время – в частном доме. Причем, частный дом может быть как в черте города или пригороде, так и в близлежащих улусах, особенно если там проживают родственники. Поэтому Якутск отличается от ряда других северных городов России тем, что очень тесно связан с окрестными территориями. Так как многие горожане живут в Якутске относительно недавно, с 1990-х гг. и позже, они сохраняют близкие родственные отношения с родными районами.

Несмотря на активное строительство в Якутске, вместе с каменными и блочными зданиями, некоторые кварталы остаются полностью деревянными. В районах преимущественно с деревянными многоквартирными домами сейчас проживает больше тех, кто недавно мигрировал в город, или приехал в город на временные работы, или не имеет возможности приобрести более дорогое жилье. Либо могут проживать так называемые «социально неблагополучные семьи» (*Sidorova, Khlinovskaya Rockhill, 2016*). В перспективе, согласно планам администрации города, многоквартирные деревянные дома (бараки) должны уступить свое место новым типам жилья (см. выше), но по

доле ветхого и аварийного жилья Якутия продолжает оставаться в «первых» строчках. По официальным данным по состоянию на 2015 год доля ветхого и аварийного жилья в республике составила 15,95%, при среднем показателе по России – 2,63% (*ЕМИСС*, 2015).

Значительное место в жилищном фонде города занимают общежития, которые бывают ведомственными или частными. Ведомственные общежития используются для размещения постоянных или временных работников того или иного предприятия. Что касается частных общежитий, то процесс утверждения личного пространства и появление разнообразных форм собственности привели к тому, что стала возможной покупка комнаты в секции общежития. Обычно комнаты приобретаются для дальнейшей сдачи их в наем. Нередки случаи, когда в съемной или купленной комнате проживают целые семьи. И если перед государственными органами власти стоит проблема сноса ветхого жилья и расселения его жильцов, то серьезные проблемы жителей таких общежитий мало кому заметны.

Жилищная мобильность в Якутске до сих пор имеет специфические ограничения – не только материальные и финансовые, но и в каком-то смысле культурные. Частые переезды и постоянная смена места жительства – явления нетипичные для коренных жителей Якутии, тем более в масштабах одного города. Мобильность внутри города вызвана необходимостью улучшения качества жизни, смены старого, ветхого или аварийного жилья на новое, с элементарными удобствами. Сегодня Якутск может предложить различные варианты жилья – от комнат в общежитиях до капитальных частных домов и «элитных» квартир. Многие горожане заинтересованы в восходящей жилищной мобильности, но обосновавшись в новом доме или квартире, на длительное время теряют стимулы к переезду. В этом нет особой практической необходимости в небольшом по размерам Якутске, равно как и материально-финансовых возможностей. В редких случаях вопрос смены места жительства может встать, чтобы жить ближе к центру города или к школе, в которой учатся дети и т.д. Но это скорее исключения из правил, чем повсеместная практика. Подобная ситуация способствует более глубокому вызреванию и укоренению личного пространства, формированию четких границ между пространством собственным и окружающим.

4. Специфика личного пространства в городской среде

На примере современного состояния города Якутска мы можем наблюдать, с какой скоростью идет процесс утверждения частного пространства в постсоциалистическом обществе. Горожане активно покупают квартиры, строят дома и огораживают свои участки. Если в районах, застроенных многоквартирными домами, границы личного пространства строго ограничены

пространством квартиры, то на примере частного сектора ярче прослеживается специфика формирования личного пространства.

Один из собеседников, выше цитированный Альберт Кардашевский, отметил, что сейчас «каждый пытается выразить себя, как-то обозначить свой дом, чтобы он был немножко другой чем у соседа». По словам представителя мэрии города, «мы не можем влиять на облик города никаким образом. Проекты частного строительства по российскому законодательству горожанин согласовывать не должен. Вот, что хочет, то там и строит. И мы не можем их обязать – ни материалами, ни формой, ни архитектурой – ничем». По этой причине заметно отсутствие единого архитектурного стиля в городе, некой общей эстетики, что создает «эклектичный», контрастный образ Якутска.

Соседство частного сектора с новостройками является типичным обликом города Якутска. Фото: Й.О. Хабек. 2015.

Но строителей и инженеров города больше волнует не внешний вид домов, а изменения в уровне городской территории. Альберт Кардашевский отмечает следующее: «Каждый застраивает свою территорию, будь то частник или предприятие, и что они делают? Они осыпают территорию песком, гравием, щебенкой и кто во что горазд – то щепой древесной, то отходами от стройматериалов. В результате у нас получаются уровни земли везде разные. А у нас природа такая, что если вода где-то стоит, то, соответственно, там грунты оттаивают. Получается, кто выше поднимает свой участок, тот затопливает своего соседа».

Все это говорит о двойственном отношении к чужому личному пространству. С одной стороны, присутствует некая соревновательность, когда велико желание отличиться и сделать по-другому, чем окружающие люди.

Очевидно, такие устремления чаще всего наблюдаются в элитных районах, поскольку жители имеют больше финансовых возможностей, чтобы подчеркнуть свой социальный статус. С другой стороны, можно наблюдать достаточно равнодушное отношение к чужому личному пространству, потому как все внимание сконцентрировано исключительно на собственном пространстве. Особенно это заметно в частном секторе, где желание подчеркнуть свою индивидуальность внутри участка граничит со стремлением скрыть свой социальный статус от посторонних, посредством высоких, как правило, неукрашенных заборов. На примере города Якутска, мы можем наблюдать, как велико желание жителей города обозначить границы своего личного пространства и отгородить его от окружающих (*Habeck, Belolyubskaya, 2016*). При этом процесс носит стихийный, почти неконтролируемый характер. Градостроители замечают, что «так как земли раздаются в основном бесплатно, частная застройка развивается достаточно хаотично» и трудно вписать этот процесс в рамки генерального плана развития города. Они так же отмечают, что «практически вся земля в городе, она уже в частных руках. И планировать становится все сложнее и сложнее».

Таким образом, в постсоциалистическом городе градостроительные функции государства сильно ограничены. По словам одного эксперта, сейчас «государство строит только социальные учреждения – это школы, детские сады и больницы и сопутствующие спортивные и культурные сооружения. А так, чтобы квартально строить дома, этого уже нет. Государство в рамках федеральных программ может покупать квартиры у частных застройщиков». В Якутске хорошо прослеживается не только трансформация личного пространства в постсоветский период, выражающаяся в его естественном расширении, но и ограничение пределов государственного регулирования.

5. «Личное», «публичное» и «псевдо-публичное» в северном городе

Среди исследований городской среды можно встретить интересную идею разграничения публичной и псевдо-публичной сфер в городском пространстве, которую нельзя проигнорировать, говоря о личном пространстве. Прежде всего, необходимо разобрать понятие «псевдо-публичного». Олег Паченков, ссылаясь на работы Ричарда Сеннета, Зигмунта Баумана и Оути Ууситало, выделяет два типа псевдо-публичных пространств в городской среде: к первому типу относятся территории вокруг официальных зданий, центральные площади, общественные парки и др., ко второму типу – пространства, создаваемые сферой потребления – торговые центры, выставочные залы, рестораны, кафетерии и др. Автор отмечает, что «наши города пережили переход от доминирования псевдо-публичных пространств первого типа – негостеприимных, не вызывающих желания задерживаться, к до-

минированию псевдо-публичных пространств второго типа – потребительских» (Паченков, 2012: 427).

Якутск переживает те же состояния, что и другие города России. Разность заключается в климате и географии, а также в масштабах города. В первую очередь, Якутск как город северный зависит от климатических условий. С декабря по февраль стоит особенно холодная погода, и жители города вынуждены проводить большую часть времени в помещении. Поэтому и формирование личного пространства значит в северном городе очень много, что мы и можем наблюдать в трансформациях городской среды в постсоветский период. Но, как пишет Паченков, «растущая индивидуализация» является «еще одной из угроз публичной жизни городов. Общество атомизируется, социальные связи ослабевают, переставая удерживать людей» (Паченков, 2012: 426).

Фрагментация общества в городской среде проявляется как в попытках отгородить собственное личное пространство от окружающих, так и в формировании «параллельных» реальностей, практически не пересекающихся друг с другом. Находясь в рамках своего социального статуса и живя в режиме «дом – работа – дом», многие жители города чаще всего находятся в постоянном контакте лишь с небольшим, весьма ограниченным пространством города. Поэтому для каждого горожанина формируется собственный повседневный образ города. В этом смысле Якутск, несмотря на свои относительно малые размеры, ничем не отличается от других городов. Кроме того, «обитаемое» пространство жителя Якутска еще больше сужается в зимнее время года, поэтому псевдо-публичные пространства играют особую роль в северном городе.

Городская молодежь использует публичное пространство для спортивных мероприятий малого формата. Фото: Й.О. Хабек. 2015.

Жители Якутска чаще всего бывают недовольны ограниченным пространством города, недостаточным количеством общественных (или общих) мест для досуга и отдыха. Несмотря на усилия городских властей расширить число таких мест, все равно многие горожане ощущают нехватку пространства для общения и перемещений внутри города. Тем не менее в настоящее время в Якутске можно наблюдать самые разные формы псевдо-публичных пространств. Псевдо-публичные пространства первого типа – центральные площади и общественные парки – немногочисленны. В Якутске четыре главные площади и один центральный парк. В силу климатических особенностей эти пространства сезонны и актуальны только в теплое время года. В летние периоды на площадях преимущественно собираются молодежь и семейные пары с детьми, проводятся массовые культурные мероприятия,

Недалеко от площади Ленина, рядом с берегом Лены, часть старого города была реконструирована для туристов и местных жителей. Здание на заднем плане – торговый центр «Пассаж». Фото: Й.О. Хабек. 2015.

а парк немногочислен в будни, но переполнен в выходные дни и является излюбленным местом отдыха многих горожан. Поэтому на примере Якутска нельзя сказать, что псевдо-публичные пространства первого типа не вызывают желания задержаться. Ограниченность пространства северного города приводит к тому, что каждая доступная область для отдыха и неофициально-

го общения особенно ценна. Поэтому такой город не терпит больших пустот. Как результат, центральные районы Якутска создают образ густого, движущегося города.

По мнению Паченкова, пространства потребления «стали основной альтернативой приватным пространствам квартир или частных офисов» (Паченков, 2012: 428). Как и в других городах страны, в Якутске появляются торговые центры, кафе и рестораны, выставочные залы и др. Именно эти пространства являются популярными среди тех жителей города, которые имеют соответствующие финансовые средства. Встречи с коллегами, друзьями, родственниками, корпоративные вечера и тематические собрания – весь этот широкий спектр межличностных отношений «живет» в рамках псевдо-публичных пространств второго типа. Но в Якутске хорошо заметно то, что псевдо-публичные пространства не могут заменить собой публичные, и потребность в настоящих «общественных» пространствах, где стало бы возможным общение с людьми, не растворяется в калейдоскопе псевдо-публичных пространств. В итоге потребность в публичности» и во взаимодействии с людьми, не только с друзьями и родственниками, приводит к появлению локальных феноменов – исключительной популярности социальных сетей и мессенджеров, местных интернет-порталов, где можно обсудить актуальные события и проблемы. В современном мире на помощь жителям северного города приходит Интернет. Публичная сфера Якутска существует не в теле города, где, наоборот, происходит индивидуализация среды, а в виртуальном пространстве, созданной глобальной сетью (Васильев, 2016).

6. Проблемы и перспективы городского планирования в постсоциалистическом северном городе

По мнению якутских градостроителей, «северные города должны быть плотными, компактными, потому что протяженность сетей увеличивает их стоимость. И эти сети у нас во много раз дороже, чем в других районах мира». Получается, что горизонтальное расширение города – это не совсем желательный процесс с экономической точки зрения. Но именно этот процесс чаще наблюдают российские исследователи в постсоветском пространстве, смысл которого отражен в термине «рурализация городского пространства». В своей статье В. Терентьев на примере Улан-Батора указывал на «увеличение количества юрточных кварталов и частных домов-самостроев» (Терентьев, 2015: 27). Схожий процесс можно наблюдать и в Якутске. Правда, тут нет юрт, но двухметровые деревянные заборы бытуют в пригородах Якутска, как и Улан-Батора. В настоящее время расширение города носит спонтанный характер, за счет увеличения количества индивидуальных жилых строений.

И вопреки желаниям властей сделать город компактным, сделать его облик более «урбанистическим», Якутск сохраняет свой «руральный» дух.

*Частные жилые секторы, огороженные высокими заборами, встречаются во многих районах Якутска.
Здание по улице Котенко. Фото: Й.О. Хабек. 2015.*

Очевидно сильное нежелание горожан допускать «государство» в сформированное ими личное пространство, равно как и нежелание идти на уступки во имя общественного блага. Основными недостатками этого процесса являются сложности в достижении некоего единого внешнего облика и общей эстетики города, трудности в городском планировании, невозможность контролировать процессы деградации грунтов и др. Частное пространство в его современном состоянии становится своеобразным барьером в достижении архитектурных амбиций. В то же время это служит доказательством того, что происходит усиленное формирование личного пространства как базовой ценности, для которой практически не было места в советском обществе.

Если для официальных лиц проблема городского планирования связана с ограничением их поля деятельности, то с точки зрения горожан ситуация выглядит иначе. Один из собеседников отметил, что «власти не препятствуют хаотичному приобретению участков вокруг города. Хотя если бы властные органы сначала подводили все необходимые коммуникации, а уже потом оформляли участки в частную собственность, тогда, возможно, ситуация бы изменилась в лучшую сторону». В настоящее время горожанам прихо-

дится самостоятельно решать проблемы благоустройства своих участков, связанных с отоплением, водоснабжением, канализацией и др. Важно отметить, что предприятия по электрификации и газификации были приватизированы в 1990-х гг. и теперь принадлежат организациям. Поэтому если городской житель заинтересован в инфраструктуре своего участка, то подведение и подключение к коммуникациям потребуют от него как значительных финансовых вложений, так и договоренностей с этими организациями. По нашим наблюдениям получается, что государство не препятствует процессу утверждения частной сферы в городе, но перекладывает ответственность на самих горожан.

Отношение современного государства к частной сфере напоминает советскую эпоху, когда улучшение сферы частного оказывалось за пределами интересов государства. Нынешняя ситуация отличается от советской одним существенным фактом – государство больше не обещает переселить в новое жилье. «Частное» понимается как «негосударственное» в буквальном смысле, поэтому к нему применяют такие эпитеты, как «спонтанное», «хаотичное», «неконтролируемое» и т.д. И это обоюдный процесс. Не только государство воспринимает «частное» как нерегулируемую сферу, но и горожане понимают «частное» как сферу «неконтролируемую государством». Постсоветское пространство продолжает продуцировать сопоставление «частное – государственное» в его советской интерпретации. Поэтому перспективы городского планирования связаны не с хаосом «частного» или его жестким контролем со стороны государства, а скорее всего с поворотом общей стратегии к совершенствованию условий функционирования частной сферы.

7. Заключение

Северный город, расположенный в регионе с низкой плотностью населения, тем не менее переживает те же глобальные процессы, что и другие города, хотя при специфических природных и экономических условиях, влияющих на сезонную функциональность публичных и псевдо-публичных пространств. Северный город – это сосредоточение разноплановых процессов в ограниченном пространстве. Однако в настоящее время среди них ведущим является утверждение личного пространства, что мы можем наблюдать на примере города Якутска. Немаловажной спецификой северного города является то, что стоимость технической инфраструктуры сильно осложняет горизонтальное расширение города. Тем не менее процесс субурбанизации все-таки происходит, в первую очередь, из-за стремления средних и высших слоев населения к более индивидуальной, отчасти и более престижной жизни. Следует отметить, что понимание «частного» и отношение к нему как со стороны государства, так и со стороны горожан все еще наполнено содержа-

нием, доставшимся в наследство от советского времени. Это создает проблемы во взаимоотношениях между «частным/личным» и «государственным», что заметно в сфере городского планирования и развития.

Литература

Букин 2010 – Букин С.С., Исаев В.И. Жилищная проблема в городах Сибири в 1920-х – начале 1960-х годов // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. Февраль, 2010. № 2. С. 163–180.

Васильев 2016 – Васильев Ю. Такой вот «Батсаап», однако... Мессенджер по-якутски – электронная демократия, оленина и котики в одном флаконе // LENTA.RU: Новости России и мира сегодня. 2016. 2 сентября [Электронный ресурс]. <https://lenta.ru/articles/2016/09/02/whatsapp/> (дата обращения: 12.06.2019).

Всероссийская перепись 2002 – Всероссийская перепись населения 2002 года [Электронный ресурс]. http://www.perepis2002.ru/ct/html/ТОМ_14_04.htm (дата обращения: 03.06.2019).

Всесоюзная перепись 1989 – Всесоюзная перепись населения 1989 года [Электронный ресурс]. http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg2.php (дата обращения: 03.06.2019).

ЕМИСС 2015 – Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). Доля ветхого и аварийного жилищного фонда в общем объеме жилищного фонда субъекта Российской Федерации на 2015 год [Электронный ресурс]. <https://fedstat.ru/indicator/40458> (дата обращения: 03.06.2019).

Нурушева 2013 – Нурушева А.М. Особенности социально-пространственного неравенства в городском ландшафте Астаны // Социологические исследования. 2013. № 4. С. 89–94.

Паченков 2012 – Паченков О. Публичное пространство города перед лицом вызовов современности: мобильность и «злоупотребление публичностью» // Новое литературное обозрение. 2012. № 5. С. 419–439.

Первая Всеобщая перепись 1897 – Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года [Электронный ресурс]. http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_gub_97.php?reg=80 (дата обращения: 03.06.2019).

Портнов 1991 – Портнов Б.А. Городская среда: феномен престижности // Социологические исследования. 1991. № 1. С. 69–74.

«Реновацию жилья» 2019 – Реновацию жилья в трех кварталах Якутска планируется осуществить к 2028 году // Информационно-аналитический портал Sakha News. 2019. 18 мая. [Электронный ресурс]. <http://www.1sn.ru/228524.html> (дата обращения: 03.06.2019).

Сукнева 2008 – Сукнева С.А. Миграционные процессы в Республике Саха (Якутия) // Пространственная экономика. 2008. № 1. С. 62–77.

Терентьев 2015 – Терентьев В.И. Монголия. Кочевники в городе // Азия и Африка сегодня. 2015. № 3. С. 25–29.

Территориальный орган Федеральной службы статистики 2016 – Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия). Годовые данные: Численность населения. [Электронный ресурс]. <http://>

sakha.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sakha/resources/1c059e0040d7b8c6b9dcba3e1dde74c/d1_032017.doc (файл: d1_032017.doc) (дата обращения: 03.06.2019).

Федеральная служба государственной статистики 2018 – Федеральная служба государственной статистики. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям. Численность населения городов и поселков городского типа по федеральным округам и субъектам Российской Федерации на 1 января 2018 года [Электронный ресурс]. http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/bul_dr/mun_obr2018.rar (файл: Tabl-21-18.xls) (дата обращения: 09.06.2019).

Федеральная служба государственной статистики 2019 – Федеральная служба государственной статистики. Оценка численности постоянного населения на 1 января 2019 года и в среднем за 2018 год (опубликовано в март 2019). [Электронный ресурс]. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/Popul2019.xls (дата обращения: 03.06.2019).

Axenov 2014 – Axenov, K. Between degradation and gentrification in a post-transformational metropolis city center: the case of St. Petersburg // *Eurasian Geography and Economics*. 2014. Т. 55. № 6. С. 656–673.

Habeck, Belolyubskaya 2016 – Habeck J.O., Belolyubskaya G.S. Fences, private and public spaces, and traversability in a Siberian city // *Cities*. 2016. Т. 56. С. 119–129.

Sidorova, Khlinovskaya Rockhill 2016 – Sidorova L., Khlinovskaya Rockhill E. Family on the edge: neblagopoluchnaya family and the state in Yakutsk and Magadan, Russian Federation // *Sibirica: Interdisciplinary Journal of Siberian Studies*. 2016. Т. 15. № 3. С. 31–63.

Stammler, Sidorova 2014 – Stammler F., Sidorova L. Dachas on permafrost: The creation of nature among Arctic Russian city-dwellers // *Polar Record*. 2014. Т. 51. № 6. С. 576–58.

РАЗДЕЛ 2. МАТЕРИАЛЫ

Арбахан Магомедов

ПОЛЯРНЫЕ ГОРОДА В ЗЕРКАЛЕ ЗАРУБЕЖНОГО СЕВЕРОВЕДЕНИЯ: ВЫЗОВ ДЛЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ

Сегодня в Российской Арктике проживает две трети всего арктического населения планеты, здесь больше, чем где бы то ни было на Крайнем Севере, городов с населением более ста тысяч человек. Важной особенностью расселения в Российской Арктике является то, что, хотя это в целом территория с низкой плотностью населения, уровень урбанизированности здесь один из самых высоких в стране – около 80 % (Шапаров, 2015).

Однако, как справедливо указывается во введении к данному изданию, несмотря на то, что антропология города стала важным направлением российских исследований, в отечественном североведении отсутствует системная работа по изучению культурного пространства арктических городов. Приходится констатировать, что в отечественной науке население арктических городов, также как процессы социальной мобильности и межэтнических отношений, исследованы очень слабо. К сожалению, социально-демографические и межэтнические процессы, происходящие в полярных регионах и городских сообществах, остаются маргинальными сюжетами исследований.

Данная ситуация сложилась в результате значительного тематического дисбаланса в исследованиях Российской Арктики. Гуманитарный анализ арктических проблем не востребован российской наукой и практикой в должной мере. На таком фоне в отечественном североведении преобладают исследования, посвященные, как правило, военно-стратегическим (безопасность, милитаризация), ресурсно-коммуникационным (добыча природных ресурсов и Северный морской путь), геополитическим (международное право и раздел Арктики) аспектам освоения и развития Арктики (Зонн, Жильцов, 2013; Швец, Береснева, 2014; Паничкин, 2016; Пегин, 2016; Скрипнюк, 2016; Селин, 2016; Татаркин, Лисовский, 2014; Коваль, 2016; Предложения,

2013; Россия и США, 2016; Азиатские игроки, 2016). В дайджесте экспертно-аналитических материалов по Арктике, опубликованном в 2016 г., доминирующими являются эти же четыре направления: 1) международные отношения и политика – 13 книг и докладов; 2) экономика Арктики, проекты освоения сырьевых ресурсов – 14 книг и докладов; 3) климат и экология Арктики – 12 книг и докладов; 4) северный морской путь – 10 книг и докладов. Не менее показательна ситуация с диссертационными исследованиями. Так, по данным сотрудников Департамента аттестации научных и научно-педагогических кадров Минобрнауки РФ, за период с 2010 по 2015 г. было защищено 273 кандидатских и докторских диссертаций по проблемам Арктической зоны России. Работы распределились по следующим тематическим направлениям: «экология, климат и человек» – 91 диссертация, «водные и биоресурсы» – 90, «геология и полезные ископаемые» – 37, «нефть и газ» – 36, «транспортная инфраструктура» – 28, «экономика» – 26, «право» – 18 диссертаций (Арктика 21 век, 2016).

Нельзя сказать, что российские ученые не занимаются проблемами антропологии и социологии полярного города. Как будет показано в данном обзоре, отечественные исследователи нередко участвуют в различных зарубежных исследовательских проектах, посвященных проблемам социальной мобильности, а также социологии и антропологии северного города. Указанный факт отражает крупный недостаток отечественных арктических исследований – невнимание к гуманитарным и культурным аспектам освоения полярных регионов, к проблемам формирования региональной и этнической идентичности, социальной и культурной адаптации мигрантов, анализу миграционных потоков, которые прямо связаны с проблемами развития полярной городской системы. Стоит заметить, что в отличие от современных исследовательских практик, в советские времена издавались серьезные исследования, посвященные человеческому и гуманитарному измерению Арктики (Арктика 21 век, 2016).

Между тем арктическая урбанизация и развитие городских и сельских полярных сообществ являются одним из активно развивающихся направлений арктических исследований в мире (Urbanization, 2013; Verman, 2012; Nyman, 2015). Это направление является частью обширной зарубежной научно-исследовательской инфраструктуры по изучению Крайнего Севера. Проблемы российской Арктики давно находятся в центре внимания зарубежных СМИ, аналитических центров и академических программ.

Университет Осло еще в начале 2000-х гг. инициировал и осуществил обширный проект по изучению Европейского Севера России, итогом которого стала солидная монография «Большая нефтяная площадка. Владения северного медведя или европейская периферия?», в которой говорилось о многовариантности сценариев развития Европейского Севера РФ до 2015 г.

Проведя комплекс исследований, пять норвежских ученых выделили три наиболее вероятных сценария будущего развития Европейского Севера РФ.

Первый сценарий предусматривал бурное развитие нефтегазового сектора и стагнацию других отраслей хозяйства. Региональные элиты, разочарованные ограниченными доходами от нефтяного бума, как полагали ученые из университета Осло, будут искать новую основу для усиления политического влияния и начнут лоббировать проект слияния Мурманской и Архангельской областей, НАО и Республики Коми в единый регион. Федеральные власти, обеспокоенные тем, что он может занять доминирующие позиции, примут план лишь частично и не разрешат вхождение в него Коми.

Второй сценарий, названный «Владения Русского Медведя», предполагал, что освоение природных ресурсов региона будет происходить под жестким государственным контролем, иностранные инвестиции в его развитие будут ограничены. Планы освоения газовых месторождений Баренцева моря будут заморожены. Этот сценарий предполагает увеличение государственных льгот и субсидий северянам, благодаря чему замедлится миграция в южные регионы и повысится рождаемость. Низкие цены на энергоносители обеспечат развитие металлургической промышленности и, в первую очередь, производство алюминия. В Коми, Карелии и Мурманской области СУАЛ построит новые алюминиевые комбинаты.

Третий сценарий, по мнению исследователей, был бы возможен при государственной политике, направленной на ослабление зависимости экономики от нефтегазового комплекса. Благодаря этому в регионе должен был произойти рост иностранных инвестиций в малый и средний бизнес, но крупные проекты разработки нефтяных и газовых месторождений, в лесной и целлюлозно-бумажной промышленности не будут осуществляться, а темпы подъема производства останутся весьма умеренными. По предположениям экспертов, в 2008 г. Карелия и Мурманская область могут быть объединены в Северо-Западный край, а Архангельская область поглотит не только НАО, но и Коми (Brunstad, 2004).

Как видим, ни один сценарий не реализован в полной мере, но это говорит не столько о недостаточном уровне аналитического осмысления проблем, с которыми сталкиваются северные регионы РФ, сколько о сложности тех экономических и социальных процессов, имеющих здесь место.

Сегодня интерес к Российской Арктике у зарубежных исследователей не снижается. Приведем некоторые примеры арктических исследовательских инициатив, активно реализуемых за рубежом в последние годы. Так, к числу наиболее громких программ по Арктике можно отнести «Арктические инициативы фонда Фулбрайта» (The Fulbright Arctic Initiatives – FAI), которая начала работать с 2015 г. при финансовой поддержке Госдепа США. В рамках заявленной «Пан-Арктической» программы действуют конкур-

сы академических и гражданских инициатив по Арктике. В 2014–2017 гг. был реализован совместный японско-финский исследовательский проект «Russia's final energy frontier – Sustainability challenges of the Russian Far North» («Последние рубежи российской энергетики – вызовы устойчивому развитию российского Крайнего Севера») под руководством проф. Шиничиро Табата (университет Хоккайдо, Саппоро, Япония) и проф. Вели-Пекка Тынккинена (Алексантери Институт, университет Хельсинки). Не менее заметным можно признать проект по комплексному изучению городских центров Арктической зоны России, в постсоветский период был инициирован норвежским Баренц-Институтом и Университетом Дж. Вашингтона (США) и осуществлялся в 2012–2015 гг. Результатом проекта стала книга под редакцией известной французской исследовательницы Марлен Ларюэль «Новая мобильность и социальные изменения в российских арктических регионах» (Laruelle, 2017). В центре исследования – миграции, трудовая и возрастная мобильность, проблемы межэтнических и межобщинных взаимоотношений. Арктическая проблематика исследуется также в многочисленных учреждениях США, Канады, Западной Европы, Японии, Китая и т.д. Уже в 2016 г. усилиями 19 отобранных этой программой учёных были опубликованы результаты проекта под названием *The Many Faces of Energy in the Arctic // Arctic and International Relations Series. Fall 2016. Issue 4*. Все приведённые сюжеты исследуются в центрах по исследованию Арктики в различных странах: 1) центре по изучению Крайнего Севера Арктического университета Норвегии в г. Тромсё под руководством Гунхилда Хогенсена (Gunhild Hoogensen); 2) Институте Фритьофа Нансена в Норвегии; 3) университетах Тампере и Лапландии (Финляндия); центре Арктических исследований университета Хоккайдо и центре изучения Северо-Восточной Азии университета Тохоку (Япония) и даже в центре Арктических и океанических исследований университета Тоньжи (Шанхай, Китай), где издаётся ежеквартальный «Бюллетень международных исследований по полярным регионам». Указанная тема исследуется также в многочисленных учреждениях США, Канады и Западной Европы.

Какие наиболее крупные академические достижения стоит отметить на этом пути, какие проблемы российского полярного городского развития оказались в центре внимания зарубежных специалистов? Проанализируем наиболее показательные исследования зарубежных авторов и исследовательских коллективов по этой теме. В первую очередь необходимо отметить впечатляющие сборники докладов зарубежных и российских специалистов, в центре которых – российская арктическая политика и полярная стратегия. Проблемы северных городов и социальных изменений рассматриваются в контексте национального курса по развитию и защите Крайнего Севера. Внимание привлекают два серьезных издания: «Российская арктическая

стратегия и будущее Крайнего Севера», принадлежащее перу директора Европейского института российских и евроазиатских исследований, занимающей одновременно и должность профессора университета Джорджа Вашингтона Марлен Ларюэль (Laruelle, 2014), и «Российский Крайний Север: оспариваемый энергетический фронтир» под редакцией финских и японских ученых – Вели-Пека Тынккинена, Шиничиро Табата, Дарьи Гриценко и Масанори Гото (Russia's Far North, 2018). Вторая книга отличается тем, что является результатом коллективных усилий исследователей из Финляндии, Японии, России и Норвегии.

Что касается первой книги, то данная работа является первым всесторонним исследованием российской арктической стратегии. Междисциплинарный подход обеспечивает глубокий анализ последних ключевых проблем в арктическом регионе. Тематический круг исследуемых в монографии аспектов весьма обширен. Он включает в себя как вопросы международных отношений и территориальных споров в Арктике, так и проблем, связанных с изменением климата, энергетической политикой и внутривнутриполитических трансформаций. Географически Россия контролирует половину арктической береговой линии, 40 % территории суши за пределами циркумполярного Севера и три четверти населения глобального Севера. В целом площадь моря и суши российской Арктики составляет около 6 миллионов квадратных километров.

После перечисления этих статистических фактов, автор подчеркивает хозяйственную и стратегическую значимость Арктики и Субарктики для России. С экономической точки зрения, к северу от Полярного круга создается более 20 % ВВП России и ее общего экспорта. Что касается ресурсов, то около 95 % его газа, 75 % его нефти, 96 % его платины, 90 % его никеля и кобальта и 60 % его запасов меди находятся в арктических и субарктических регионах. Если добавить к этому богатства континентального шельфа, морского дна и воды – от редкоземельных минералов до рыбных запасов, то становится понятна подлинно экономическая значимость этого супер-региона для страны. После всплеска геополитической риторики, когда Россия установила свой флаг на морском дне Арктики в 2007 г., Москва попыталась укрепить свои позиции в качестве ключевого субъекта в формировании международного консенсуса в отношении региона.

Одна из главных сюжетов книги – возрастание роли арктической идентичности России. В начале XXI столетия Россия стала все больше сосредотачиваться на Арктике и больше отождествлять себя с Севером.

Первые две главы описывают исторические аспекты завоевания и эксплуатации арктических регионов. Они посвящены следующим темам: 1) Арктическая политика России и ее баланс между внутренней и международной повесткой дня; 2) место российской Арктики в российской иден-

тичности. Глава 3 рассматривает демографические проблемы российского Крайнего Севера. Автор, как и в других своих работах, о которых мы расскажем дальше, особо выделяет демографический аспект региона, поскольку демография представляет собой один из тревожных вызовов для России.

Раздел 4 исследует последствия изменения климата и экологические аспекты развития полярных территорий.

Глава 5 рассказывает о российской позиции в отношении территориальных конфликтов в Арктике. Главным образом в вопросе о том, кто будет контролировать районы с богатым нефтяным потенциалом, а также обладать правами на рыболовство и судоходство. По мере таяния полярных льдов судоходство может стать рентабельным вокруг Севера России. Северный морской путь значительно короче нынешних морских маршрутов. В книге говорится о том, что необходимо соблюдать осторожность, поскольку лед, сильный холод, ветер и полярная ночь могут ограничивать арктическое судоходство.

В главе 6 обсуждается проекция российской военной силы в Арктике. Автор признает, что Россия – самая мощная военно-морская сила в Арктике. Похоже, что российские вооруженные силы возвращаются из забвения 1990-х гг., но все еще не так опасны, как это было раньше, поскольку у России есть проблемы с численностью военнослужащих (автор напоминает, что ее население сейчас намного меньше, чем в США).

В главе 7 рассматривается ресурсный фактор арктического развития. Главный вопрос, который обсуждается в этой части книги, – будет ли Россия следовать курсу «ресурсного национализма» или возобладает международное сотрудничество? Автор напрасно считает, что у России нет капиталов и современных ноу-хау, чтобы эффективно использовать все имеющиеся ресурсы. История с освоением огромных газовых месторождений Ямала и успешное строительство заводов по производству сжиженного газа опровергают эти утверждения. Существует огромный потенциал в области полезных ископаемых, а также ископаемого топлива в Сибири и регионах, контролируемых Россией, а также в морском дне под водой, который может быть российским или международным. Автор предполагает также, что интерес Китая к Арктике, похоже, сбивает с толку Россию. В главе 8 более подробно рассматривается судоходство в Арктике на примере развития Северного морского пути (СМП). В заключение Ларюэль представляет «четыре русских Арктики»: Мурманско-Архангельская Арктика (европейский трансграничный регион); Центральная Арктика (богатые минералами и углеводородами полуострова Ямал, Гыдан и Таймыр); Арктика Саха-Якутии; Беринговая Арктика (Чукотка и Камчатка).

Что касается второго издания («Российский Крайний Север: оспариваемый энергетический фронтир»), то эта книга является результатом трех-

летнего совместного японо-финского исследовательского проекта. Заключительным событием этого проекта стал международный летний симпозиум в Центре арктических исследований университета Хоккайдо (Саппоро, Япония) в июле 2016 г. Сборник вышел под редакцией Вели-Пекка Тынккинена – профессора по энергетической политике России в Институте Александри (Александровский Институт), Хельсингского университета; Шиничиро Табаты – профессора экономики Славяно-Евразийского исследовательского центра Университета Хоккайдо; Дарьи Гриценко – доцента Института Александри, Университет Хельсинки и Масанори Гото – приглашенного доцента Славяно-Евразийского исследовательского центра Университета Хоккайдо. Авторы предваряют свою книгу обращением к читателям о том, что российский Крайний Север чрезвычайно богат ресурсами, как энергетическими, так и другими, а также является одним из наименее развитых регионов России. В этой книге представлен всесторонний обзор арктического мегарегиона. В нем рассматриваются вопросы ресурсов и связанные с ними экологические проблемы, Арктика в контексте проблем морских маршрутов, морских границ и наращивания военной мощи. В сборнике оценивается экономическое развитие, а также рассматриваются этнические проблемы региона, а также культурная и художественная деятельность. В целом, книга дает интересную оценку вероятного развития региона в будущем. Как видно из приведенных сведений, круг изучаемых проблем весьма широк. Исследование выполнено по классическим канонам междисциплинарного анализа. Книга получила большое количество положительных отзывов. На сегодняшний день это издание – одна из наиболее достоверных и информативных работ по трансформации российского арктического мегарегиона.

Не менее интересными и перспективными можно признать цикл исследований, посвященных проблемам постсоветской арктической ре-урбанизации, миграции, социальной мобильности, взаимоотношениям между различными общинами и диаспорами в полярных городах. Данный цикл работ представляет собой первое углубленное междисциплинарное исследование процесса урбанизации и ре-урбанизации в российских арктических регионах, с особым акцентом на новые модели мобильности и миграции. Авторы показывают, что эти процессы приводят к появлению новых городских арктических идентичностей, в которых новички и трудовые мигранты составляют растущую часть. Это ценнейшие исследования для всех тех, кто интересуется текущими тенденциями в циркумполярных регионах. Они показывают, как арктический регион становится не только все более разнообразным в культурном отношении, но также более интегрированным в глобальные тенденции с точки зрения экономического развития, устойчивости городов и миграции.

Весьма значимым вкладом в развитии указанной тематики является книга «Новые мобильности и социальные изменения в российских арктических регионах», вышедшая в 2016 г. под редакцией М. Ларюэль (Laguette, 2016). Данное издание посвящено анализу той социальной динамики, которая складывалась в арктической зоне Российской Федерации (АЗРФ) в постсоветские десятилетия. Данная работа – плод многолетнего труда коллектива учёных из разных стран (России, США, Канады, Франции, Австрии, Эстонии). Исследование, по результатам которого подготовлена данная книга, было инициировано Баренц-институтом при Арктическом университете Норвегии (г. Тромсё) и Университетом Дж. Вашингтона (США). Исследование осуществлялось в 2012–2015 гг. Авторский коллектив книги в основном составлен из весьма опытных исследователей, а некоторые из них провели в полярных регионах России много времени, занимаясь сбором материала для своих научных изысканий. Ответственный редактор книги М. Ларюэль, как мы показали выше, опубликовала в 2014 г. фундаментальное исследование по российской стратегии в Арктике. Ряд авторов книги (В.В. Куклина, Н.Ю. Замятина, Г. Саксинджер, А. Венцель и др.) являются признанными специалистами по комплексному изучению развития промышленных центров АЗРФ в постсоветский период, экспертами по проблемам миграционных процессов в АЗРФ. Все главы книги основаны на большом массиве опубликованных данных, фактических и статистических материалах, а также на собственных эмпирических исследованиях авторов. Замысел проекта и, соответственно, книги поражает научным размахом и амбициями: коллектив исследователей поставил перед собой задачу проследить и осмыслить социально-экономические, демографические, этнические и социокультурные процессы на огромных просторах Российского Севера на протяжении последней четверти века.

Структура работы позволяет говорить о том, насколько профессионально отобраны гуманитарные проблемы развития арктических территорий и городских центров. В первой части работы рассматривается меняющийся демографический, политический и экономический контекст, в пределах которого развиваются социальные и антропологические процессы в постсоветском арктическом городе. Три доклада данного раздела посвящены таким актуальным вопросам российской Арктики, как процессы депопуляции в российской Северо-Восточной Азии и их влиянию на динамику политического развития региона (автор Николай Петров), формирование союза городов Крайнего Севера и в целом проблема полярных городских сообществ (автор Женеваева Паренте), а также особенности развития предпринимательства в северных городах (автор Аймар Венцель).

Вторая часть книги «Новые модели социальной мобильности» даёт ясное представление о миграционных процессах в регионе, потенциале тру-

довой мобильности, особенностях северной урбанизации, включая процесс урбанизации среди коренных малочисленных народов Арктики. Данные аспекты исследованы российскими (Надежда Замятина, Алексей Яшунский, Вера Куклина, Наталья Красноштанова) и зарубежными (Гертруда Саксинджер) специалистами.

Наконец, третья часть работы, представленная под названием «Растущий мультикультурализм», исследует совершенно уникальные и прежде не изученные кейсы: «Социальная динамика и устойчивость городских сообществ вдоль трассы БАМ: миграция, конкуренция за ресурсы и межгрупповые отношения» (Ольга Порозовнюк), «Невидимые поездки: влияние условий труда на потенциал мобильности в нефтяной индустрии российского Севера» (Марлен Ларюэль, Софи Хеманн, Александра Бурцева), «Югра, дагестанский Север: антропология мобильности между Северным Кавказом и Западной Сибирью» (Денис Соколов).

Далее представлены обзоры наиболее интересных глав этой монографии. Их ценность заключается в том, что они существенно дополняют и обогащают содержание нашего сборника. Одним из таких глав можно безоговорочно признать доклад Н. Замятиной и А. Яшунского «Миграционные циклы, социальный капитал и социальные сети как новый способ взглянуть на мобильность в Арктике». Глава посвящена циклам и сетям мигрантов на Российском Севере на примере изучения социальной мобильности в Норильске. Работа организована в два этапа. Первый этап включал в себя обследование карьерных путей норильской молодежи (20–29 лет), которая проводилась через изучение самой популярной российской социальной сети «ВКонтакте» (эту сеть использует более 70 % всей российской молодежи). Авторы подсчитали, что только 6170 молодых людей остались жить в Норильске после окончания школы, а 5670 написали, что они переехали в другое место после окончания школы. После изучения спектра мест рождения и места проживания молодежи в сети www.vk.com, авторы выдвинули гипотезу о том, что миграционные пути зависят от сильных социальных связей, таких как диаспоры, сети выпускников и организационные сети близости между моноспециализированными городами. Кроме того, авторы доказывают, что существует тенденция для молодых мужчин или женщин, чтобы переехать в места, где родились их родители. Таким образом, формируется своего рода миграционный цикл двух поколений. Второй этап исследования включал в себя серию интервью в Норильске с целью исследования роли социальных связей в социальной мобильности. Вывод авторов: социальные связи играют главную роль в формировании миграционных путей молодежи северного города.

Другим ценным результатом данного проекта, безусловно, является доклад Софи Хёманн, Марлен Ларюэль и Александры Бурцевой «Невидимые

поездки: влияние условий труда на потенциал мобильности в нефтяной индустрии российского Севера». Авторы исследуют такой «экстремальный» вид арктической миграции, как вахтовая работа на нефтегазовых объектах. Работники нефтегазовой отрасли на Севере России склонны описывать свою жизнь как «экстремальную». Это означает работу в физически сложных условиях – будь то суровый климат, тяжелые условия труда или длительные поездки на работу и обратно. Авторы выделяют обстоятельства, которые делают жизнь работников «экстремальной»: психологический дискомфорт от совместной жизни с коллегами в небольших закрытых лагерях, отсутствие уединения и трудности вдали от семьи в течение длительного времени. Однако вахтовых рабочих можно условно разделить на две категории: «старых» и «новых». Те, кто уже десятилетиями тратил жизнь на поездки, теперь привыкли к такому образу жизни; это стало для них «нормой». Напротив, многие новые работники, которые только начали трудную рутину, сомневаются, является ли это лучшим способом заработать на жизнь или стоит уйти через несколько лет. Не у всех есть авантюрный дух и выносливость для вахтовой жизни.

Наконец, необходимо отметить еще одну примечательную главу данной монографии. Речь идет об исследовании сотрудника российского РАНХиГС Дениса Соколова «Югра, дагестанский Север: антропология мобильности между Северным Кавказом и Западной Сибирью». Глава является отличным исследованием очень редкой темы: социально-миграционной связи между дагестанскими мигрантами и нефтегазовой индустрией Югры. Выдвигая сложность, динамику и противоречия северной мобильности, работа обладает потенциалом для стимулирования новых социальных исследований об Арктике. Автор подчеркивает, что субарктические регионы сталкиваются не только с изменением климата, но и с изменениями в моделях миграции и межэтнических отношений. Эта тенденция особенно заметна в Ханты-Мансийском автономном округе (Югре), регионе с долгой и богатой историей урбанизации. Рост нефтяной индустрии Югры дал новый импульс для многих людей, чтобы мигрировать в регион из такого многонационального региона Северного Кавказа, как Дагестан.

Автор проводит различие между миграцией на Север в советское время и в постсоветский период. В то время как урбанизация советской эпохи в основном осуществлялась русским или славянскими народами, городская миграция в постсоветское время в значительной степени обусловлена трудовыми мигрантами из кавказских республик. Многие молодые люди едут в Арктику, чтобы найти работу на местах добычи полезных ископаемых из регионов, находящихся в глубоком социально-экономическом кризисе, таких как Северный Кавказ и Центральная Азия. Благодаря урбанизации арктического региона радикально меняются мигрантские сообщества. Эта глава за-

полняет пробел за счет междисциплинарного исследования ре-урбанизации в арктических регионах России.

Нельзя не отметить еще одно интересное достижение Д. Соколова. Речь идет о его новаторской работе «Северокавказцы в нефтяных городах Западной Сибири: экономические стратегии и активность сообщества» (Sokolov, 2017).

Основные центры нефтегазодобычи в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, такие как Новый Уренгой, Нефтеюганск, Когалым и Тюмень, работа в которых осуществляется зачастую по вахтовому принципу, привлекают большое количество трудовых мигрантов с Северного Кавказа и Ставрополья. Автор исследует данную проблему с двух ракурсов. Первый ракурс рассматривает процесс того, как эта трудовая миграция влияет на городской ландшафт и социальную структуру основных городов российской субарктики, таких как Ханты-Мансийск, Сургут, Нижневартовск и др. Второй ракурс посвящен тому, как эта миграция, в свою очередь, преобразует «посылающие общества», т.е. сами регионы и сообщества Северного Кавказа.

Благодаря такой мобильности населения внутри Российской Федерации формируется новое взаимодействие между регионами: северокавказские мигранты, работающие в арктических городах и поселках, часто ездят к родственникам на Кавказ во время месяца Рамадан, в то время как члены их семей продолжают учиться или работать «на севере». В этой статье Д. Соколов изучает эти северокавказские землячества в контексте их двойного взаимодействия: с их северокавказской родиной и их северной средой обитания. Он фокусируется на профессиональных стратегиях северокавказских мигрантов, которые стремятся занять пустые экономические и коммерческие ниши, а также на их культурной и религиозной жизни в миграции.

В центре следующего рассмотрения – книга под редакцией известного профессора университета Джорджа Вашингтона Роберта Орттунга «Устойчивое развитие арктических городов России: ресурсная политика, миграция и изменение климата» (Orttung, 2017). Эта книга предлагает ценный и своевременный вклад в изучение антропологии российского полярного города. Ее можно рассматривать не только как один из первых шагов в серии публикаций на тему устойчивости арктических городов. Этот сборник представляет теоретическую и концептуальную основу для понимания политических, экономических и социальных процессов, а также последствий изменения климата для городов Севера. Этот том состоит из оригинальных работ, которые были подготовлены авторами, работающими в различных дисциплинарных областях. Каждая статья основана на полевых исследованиях в арктических городах и на промышленных объектах. В итоге получился уникальный междисциплинарный взгляд на Арктику. Написание и подготовка данной книга

стало возможным благодаря гранту норвежского научно-исследовательского Совета, посвященного изучению устойчивости российской Арктики в России (the Norwegian Research Council).

В предисловии к данному сборнику Р. Орттунг отмечает всплеск научного интереса к социальным процессам, происходящим в российской Арктике и Субарктике. Разработка арктических стратегий и других политических документов в различных странах ведет к тому, что Арктику все чаще изображают как «последний фронт» (frontier) неисследованных ресурсов планеты, за которые началась борьба как между полярными, так и неполярными государствами. По этой причине данный макрорегион представляют как арену стратегической конкуренции между арктическими и неарктическими государствами, стремящихся обеспечить свои экономические интересы в регионе. Рост навигации по Северному морскому пути (СМП) стимулирует интерес к новым судоходным маршрутам, поощряя инвестиции в строительство ледоходного флота.

Авторы опубликованных в сборнике работ предлагают оригинальное определение устойчивости. Они определили её как «удовлетворение потребностей без ущерба для способности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» (с. 14). Устойчивое развитие северных городов России анализируется в рамках «трех ключевых факторов, влияющих на устойчивость»: (1) процессы принятия решений (policy making processes); (2) ресурсное развитие и связанные с ним требования к рабочей силе (resource development and its related labor force requirements); (3) изменение климата (climate change). Главы этой монографии продемонстрировали работу этих драйверов в различных географических масштабах и сферах. Модель «трех драйверов» также отражена в трех разделах: (1) Процесс принятия решений; (2) Ресурсное развитие и его воздействие на потребности в рабочей силе. Миграционные тенденции в российских арктических городах; (3) Изменение климата.

Вступительная глава Колина Райзера дает исторический обзор российского государственной политики по освоению Арктики. В последнее время Россия меняет свою политику в отношении Арктики, она резко отличается от советской арктической парадигмы. Если говорить коротко, то в новой российской арктической парадигме энергетические компании играют важную роль в региональном развитии. Более того, в настоящее время они в меньшей степени используют старые советские подходы, ориентированные на всеобъемлющее социально-экономическое развитие и строительство полноценных городов для поддержки деятельности по добыче ресурсов.

Особую ценность для нашего сборника имеет Раздел 2 «Миграционные тенденции в российских арктических городах», в котором Арктика изображена как динамичная область социальной мобильности. В этом разделе

можно выделить главы, в которых анализируются миграционные процессы, происходящие как на российском, так на глобальном Севере. В главе 4 финский экономист Тимоти Хеленьяк предлагает более широкую миграционную панораму, рассказывая о двух волнах мобильности: 1) между южными регионами и глобальной северной периферией и 2) мобильность в рамках северной периферии – от мелких поселений и кочевых станов в направлении городских центров.

В главе 5 Марлен Ларюэль делает акцент на миграции в арктические города России и социальных изменениях, которые она вызывает. Текущий рост в добывающих отраслях начал создавать возможности трудоустройства в таких отраслях промышленности, как строительство, транспорт, розничная торговля, общественное питание, управление отходами и бытовые услуги. Вакансии, требующие набора малоквалифицированных работников, часто привлекают мигрантов из соседних с Россией стран.

В главе 6 Гертруда Саксинджер, Елена Нуйкина и Елизавета Офнер размышляют о двух парадигмах регионального развития: экономической эффективности, с одной стороны, и пространственным выравниванием, с другой. По мере того, как нефтяные и газовые месторождения двигаются дальше на север, отрасль вынуждена все больше полагаться на мобильную рабочую силу, представленную вахтовыми рабочими.

В целом материалы сборника еще раз напоминают нам о том, что Арктика является разнообразным и динамичным регионом. Социально-экономическое равновесие в Арктике гораздо более шаткое и хрупкое, чем в южных и экономически диверсифицированных регионах. Изменения в окружающей среде могут привести к социально-экономическим последствиям, подрывающим устойчивое развитие арктических регионов России.

Из отдельных глав этой книги наибольший интерес представляет доклад М. Ларюэль, посвященный роли мигрантов из Центральной Азии в развитии арктических городов «Мигранты из Центральной Азии как новые действующие лица в арктическом городском ландшафте России». Данная работа исследует один из самых малоизученных аспектов российских арктических исследований: межэтнические процессы в регионах быстро меняющегося Российского Севера. Автор справедливо подчеркивает, что устойчивость городов в арктических регионах имеет множество аспектов, в том числе социальную устойчивость. Весьма ценным эпизодом работы является попытка автора концептуализировать и теоретически уточнить понятие «социальная устойчивость». Социальная устойчивость городов определяется в работе как набор элементов, ключевыми из которых являются равенство, разнообразие, социальную сплоченность, качество жизни и качество управления. Среди элементов социальной устойчивости городов, таких как разнообразие, качес-

тво управления и социальная сплоченность, автор особенно выделяет миграцию, поскольку последняя является движущей силой урбанизации.

Другим достоинством работы можно признать то, что в главе рассматриваются типы социальной мобильности в Арктике и обусловленные ими разновидности миграции. В центре исследования американской исследовательницы – один из самых малоизученных аспектов российских арктических анализов: приток в полярные города зарубежных и внутренних мигрантов, чья культура так или иначе отмечена мусульманскими традициями. М. Ларюэль отмечает, что российский случай в этом отношении не уникален. В Канаде провинция Альберта является домом для растущей мусульманской общины: крупнейшая мечеть в стране находится в городе Калгари, а форт Мак-Мюррей, являющийся центром эксплуатации нефтяных песков, открыл исламскую школу. Шпицберген, который имеет особый правовой статус, позволяет поселиться здесь лицам, которые не получили политического убежища в Европе. В результате, эта территория имеет быстро растущее сообщество ближневосточных мигрантов (из Ирана, Ирака и т.д.). В России это явление еще более заметно: на Крайнем Севере круглый год работают сотни тысяч выходцев из Центральной Азии, в основном из Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана. К этому добавились азербайджанцы, а также представители северокавказских народов.

Автор исследует причины южной миграции на Север, подчеркивая сочетание демографических и экономических тенденций. Приток мигрантов из Центральной Азии можно объяснить долгосрочными демографическими и экономическими тенденциями на постсоветском пространстве. Население Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана особенно молодо, а перспективы трудоустройства в их странах невелики в силу слабых экономик. Одновременно трудовая миграция стала социальным «клапаном», через который молодые безработные уезжали за пределы центрально-азиатских стран, не создавая дополнительного давления на местные политические режимы. Таджики были первыми, кто начал мигрировать в 1990-е гг., подталкиваемые гражданской войной. За ними в 2000-х гг. последовали узбеки и кыргызы. Со второй половины 2000-х гг. мигранты из Средней Азии сформировали большую часть миграционных потоков в Сибирь и на Север. Они воспользовались промышленным бумом в ключевых нефтегазовых арктических и субарктических городах: от Ханты-Мансийска до Нового Уренгоя.

Существуют целые сектора городского хозяйства, которые нуждаются в дешевой рабочей силе трудовых мигрантов. Это касается строительного сектора (промышленное и гражданское строительство); городского хозяйства (уборка улиц и общественный транспорт); общественного питания и торговли (кафе, рестораны, рынки). Именно в этих секторах работают мигранты из Центральной Азии, а иногда вступают в конкуренцию на рынке труда с

коренным населением, вынужденным покинуть сельские районы полярных территорий.

Массовое прибытие выходцев из Центральной Азии в Российскую Арктику можно назвать новым явлением, характерным для 2000-х гг., отмеченных бурным экономическим ростом в России. Однако необходимо отметить, что присутствие мусульман в Арктике имеет достаточно глубокие корни, которые уходят в советские времена. Фактором, который связал мусульманские регионы Советского Союза с Арктикой, является нефтяная промышленность Сибири и Субарктики. В 1960-х гг., когда были открыты крупные нефтяные месторождения Западной Сибири, в частности в Ханты-Мансийском автономном округе, здесь начали работать азербайджанские инженеры, обучавшиеся в Бакинском институте нефтехимии. Спустя десятилетие, в 1970-х гг. в Западную Сибирь начали приезжать татарские и башкирские специалисты-нефтяники, которые заняли крепкие позиции в нефтяной отрасли региона. Постсоветские десятилетия внесли новые нюансы в характер азербайджанской миграции: количество азербайджанцев в арктических городах резко увеличилось, на этот раз не в нефтяном секторе, а в сфере услуг, в частности, в рыночной торговле. В результате, в таких городах, как Сургут, сложилась довольно большая и хорошо организованная азербайджанская община.

Другой тип миграции характерен для «новых» мигрантов из Средней Азии. Они не пережили двух волн миграции, как азербайджанцы и татары с башкирами. Выходцы из Средней Азии, прибывшие в арктические города России в постсоветский период, были в основном неквалифицированными рабочими, а не инженерами. Хотя уже сегодня многие таджики и кыргызы, которые поселились в России уже десять лет назад, сумели подняться по профессиональной лестнице. Несмотря на эти различия, отпечаток на городском ландшафте, оставленный этими среднеазиатскими мигрантами, отчасти схож с азербайджанцами, татарами и башкирами: места мусульманского поклонения стали одним из самых удивительных аспектов субарктических городов России, поставки на северные рынки осуществляются главным образом за счет так называемых «азиатских» или «южных» продуктов.

Приезд и закрепление в среднесрочной или долгосрочной перспективе мигрантов из Центральной Азии и Кавказа в арктических городах привели к ряду изменений в городском ландшафте: наблюдается растущее число мечетей и молельных домов; появление этнических районов с их специализированными магазинами, ресторанами, кафе и базарами; новые социальные возможности для общин мигрантов, которые стремятся воссоздать вид общественных институтов, которыми они пользовались дома. Формируются новые стратегии взаимопомощи. Например, мигранты из Центральной Азии, как правило, объединяются по национальности или по регионам, в то время как дагестанцы воссоздают свои джамааты (религиозные общины, часто

суфийские) на фоне роста смешанных браков с русскими или коренными народами.

Сегодня наблюдается изменение моделей миграционной мобильности – редкие мигранты из Средней Азии или Кавказа прибывают на Крайний Север непосредственно из региона своего происхождения. Как правило, они работают в течение нескольких месяцев или нескольких лет в другом российском городе, особенно на западе или юге Сибири, где они оставляют свои семьи. Таким образом, обычной становится так называемая «треугольная» модель мобильности, где перемещение происходит между местом работы, местом проживания семьи и страной происхождения.

Приведенные исследования позволяют поднять целый ряд важных вопросов, ответы на которые дадут будущие исследования. Как новые мигранты и новые социальные группы могут повлиять на коллективную и индивидуальную идентичность северных регионов? Можно ли рассматривать миграцию как вызов для социальной устойчивости арктических городов? Будут ли новые дискурсивные драйверы дополнять или изменять прежние идентичности, связанные с такими некогда романтическими полярными нарративами, как удаленность от «большой земли» (материка), сила духа перед суровым климатом и бытовыми трудностями, человеческое господство над природой, контакт с культурами коренных народов и т. д.? Вопросы крайне важные, поскольку указанные процессы могут повлиять на изменение или даже ослабление местной социальной устойчивости. В обществе формируются антимигрантские нарративы, в которых приезжих обычно обвиняют в преступности, незаконном обороте наркотиков и исламском радикализме. В некоторых регионах были даже инициированы антимигрантские законодательные меры. В декабре 2012 г. бывший губернатор Ямало-Ненецкого автономного округа принял решение запретить въезд в регион внешним мигрантам, за исключением тех, кто имеет приглашение от жителя региона или разрешение на работу; в аэропорту и на вокзалах были установлены контрольно-пропускные пункты. Присутствие групп скинхедов в некоторых городах, таких как Воркута и Новый Уренгой, привело, как и в других регионах России, к столкновениям между ультраправой молодежью и группами мигрантов. Это говорит о перспективе роста межэтнической напряженности в арктических городах.

Однако при всех своих достоинствах рецензируемая работа не лишена некоторых спекуляций. М. Ларюэль утверждает, что «российские власти не являются нейтральными действующими лицами в этих процессах. Антимигрантская ксенофобия в целом направлена Кремлем на укрепление путинского режима, формирование консенсуса между населением и его элитами, а также на то, чтобы избежать решения фундаментальных проблем, таких как коррупция и экономическое развитие».

Тем не менее нельзя не отметить еще одну интересную работу М. Ларюэль под названием «Три волны арктической урбанизации. Драйверы, эволюция, перспективы» (Laguette, 2019). Автор констатирует одно из самых масштабных процессов в глобальной Арктике – урбанизацию и связанные с ней международные и локальные изменения. Работа начинается с утверждения о том, что современный мир переживает самую большую волну городского роста в истории человечества. Половина населения мира в настоящее время проживает в городских районах. Организация Объединенных Наций прогнозировала, что к 2050 г. 64,1 % и 85,9 % развивающихся и развитых стран, соответственно, будут урбанизированы. Приполярные (субарктические) регионы не остаются в стороне от этого глобального процесса. С 1960-х гг. большая часть прироста населения в Арктике происходила в городских центрах. Сегодня, за исключением Фарерских островов, во всех арктических регионах проживает три четверти или более населения, проживающего в городских районах. Эта эволюция связана с ростом промышленной деятельности (в основном крупномасштабного рыболовства, лесного хозяйства и добычи полезных ископаемых), а также с развитием социальных услуг, государственного управления и туризма. Для многих жителей Арктики только городские центры предлагают достойные условия жизни, даже если это означает для коренных народов прерывание связей с некоторыми из их традиционного образа жизни.

Автор рассматривает тенденции циркумполярной (субарктической) урбанизации и разделяет три исторические волны арктической урбанизации: с шестнадцатого века до начала двадцатого века («колониальная» волна), с 1920-х до 1980-х гг. в конкретном случае советской урбанизации Арктики («советская» волна) и с 1960-х по 1970-е гг. до настоящего времени как циркумполярный тренд («глобализованная» волна). Затем обсуждаются три фактора последней волны урбанизации: ресурсы, милитаризация и общественные услуги, а также перспективы устойчивости арктических городов в ближайшем будущем.

Очень интересно рассмотреть публицистическую точку зрения, отражающую несколько алармистский и искаженный взгляд на положение российских полярных городов. В этом отношении весьма показательной является статья Клэр Бигг «Российская “газовая столица” отрезала себя от миграции и преступности» (Bigg, 2012). Автор – журналистка «Радио Свобода», пишущая на самые разнообразные и скандальные темы: от украинского Майдана до русских скинхедов, от лидеров чеченского сепаратизма до донбасского конфликта. В данном контексте обращение к теме межэтнических отношений в российских арктических городах смотрится несколько неожиданно. Свою статью она начинает словами: «Вы когда-нибудь хотели посетить северный сибирский город Новый Уренгой, российскую “газовую столицу”?»

Новый Уренгой заинтересовал журналистку «Радио Свобода» тем, что власти города ввели в 2012 г. жесткие ограничения на въезд как для россиян, так и для иностранцев, и этот драматический шаг вызвал неоднозначную реакцию. Городские чиновники заявляют, что хотят защитить богатый город от безудержной иммиграции, роста преступности и незаконного оборота наркотиков, а также, по некоторым утверждениям, от притока радикальных мусульман. Автор ссылается на мнение бывшего заместителя главы администрации Нового Уренгоя Геннадия Сердюка, который заявил: «Цель принятых мер заключается в том, чтобы регулировать присутствие вновь прибывающих, которые приезжают в наш район без какой-либо цели, тем более что это стратегический регион, где добывают нефть и газ». В соответствии с новыми правилами, любой желающий посетить Новый Уренгой должен сначала подать заявление на получение специального разрешения на основании «приглашения» местной компании или члена семьи, проживающего в городе. Данная процедура занимает четыре недели для граждан России и восемь недель для иностранцев.

Автор считает, что страх перед мигрантами является главным мотивом проводимой ограничительной политики. Ограничения, по-видимому, являются ответом на недавно опубликованные официальные данные, свидетельствующие о том, что преступность в Новом Уренгое в 2011 г. выросла на 64 %, тогда как число мигрантов увеличилось на 19 % с начала этого года. Г. Сердюк сказал, что Уренгой, построенный в 1970-х гг. недалеко от второго по величине в мире месторождения природного газа, был третьим по популярности в России местом для мигрантов после Москвы и Санкт-Петербурга. Однако недавний миграционный бум, по его словам, стал серьезным бременем для инфраструктуры города. Местные чиновники также сообщают о росте исламского экстремизма в регионе. Сотрудник местного МВД недавно выразил надежду, что жесткие меры помогут обуздать влияние исламских группировок в Новом Уренгое, включая «Хизб ут-Тахрир» и «Имарат Кавказ», которые запрещены в России как террористические организации. Клэр Бигг приводит слова муфтия Нового Уренгоя Хайдара Хафизова, который живет в городе 17 лет, о том, что эти опасения не беспочвенны: «Некоторые мигранты, которым некуда идти, приходят к нам прямо с железнодорожного вокзала. Мы даем им кров и еду в мечети на три дня. Мы знакомимся с ними, и, если они выражают радикальные взгляды, мы пытаемся с ними дискутировать. Они здесь не становятся радикалами. Многие уже придерживаются радикальных взглядов, когда приезжают сюда, в основном из Татарстана, Башкортостана или Северного Кавказа».

Автор приводит мотивацию по «закрыванию» Нового Уренгоя от нежелательной миграции. Она говорит о том, что «газовая столица» России превратилась в «пограничный» город. В России есть два типа городов с ог-

раниченным доступом: «закрытые города», в которых расположены стратегические военные или ядерные объекты, и города, расположенные вблизи границы. Поскольку в Новом Уренгое нет ни военных, ни ядерных объектов, официальные лица решили объявить город с населением 100 000 человек приграничным городом России. Это решение показалось многим странным, учитывая, что город находится под Полярным кругом, в тысячах километров от ближайшей сухопутной границы. «Они использовали единственный доступный конституционный инструмент: режим пограничной зоны», – говорит Н. Зубаревич, директор региональной программы Независимого института социальной политики в Москве. «Но что же там делают пограничные органы? Им там нечего делать». Новые ограничения привели к разрыванию пограничных контрольно-пропускных пунктов за пределами Нового Уренгоя. Путешественники, не имеющие разрешения на въезд, возвращаются назад или, если они путешествуют по железной дороге, снимаются с поезда в 70 км от города.

Новый Уренгой – не первый город на богатом природными ресурсами севере России, стремящийся контролировать приток посетителей. Город Норильск, где расположен всемирно известный комбинат «Норильский никель», и несколько соседних городов ввели ограничения на доступ в начале 2000-х гг., но эти меры были ориентированы в основном на иностранцев. Общие ограничения, введенные в Новом Уренгое, также подвергаются критике как слишком радикальный подход к решению социальных проблем, связанных с миграцией.

Хотя решение было принято на федеральном уровне, комментаторы подозревают, что инициатива «отгородить» Новый Уренгой исходила от местных властей. «Они не смогли справиться с миграционным потоком, в основном из Центральной Азии. Местные жители также жаловались на мигрантов с Кавказа, которые в основном занимаются торговлей, иногда наркоторговлей», – приводятся в статье слова Н. Зубаревич. «Местное население просило власти ограничить въезд в город. Это массовая, жесткая, ксенофобская, восходящая инициатива «снизу».

По мнению западной журналистки, некоторые местные жители говорят, что ограничения застали их врасплох, и они жалуются, что новые правила могут нарушить их планы провести рождественские каникулы с родственниками из других городов. Но в конечном счете, выгоды от ограничительных шагов перевесят недовольство жителей Нового Уренгоя, считает политолог из НИУ ВШЭ Николай Петров: «В городе большие суммы денег, что также может привести к росту преступности и наркомании. Такие города обычно заинтересованы в ограничении въезда, и, если местные власти могут лоббировать ограничения, это может быть выгодно для них. Это значительно облегчает жизнь местных властей и полиции».

Думается, однако, что позиция журналистки «Радио Свобода» и приводимые в статье мнения отражают лишь одну сторону проблемы. Куда более важно осознать, что основные причины так называемого «закрывания» Нового Уренгоя лежат в плоскости международной энергетической безопасности и никак не сводятся к прихоти местного начальства и местных жителей, охваченных, как пишет автор, «ксенофобскими чувствами». Все дело в том, что рядом с Новым Уренгоем находится газоперекачивающая станция «Заполярная», которая является стратегическим объектом. Там соединяются друг с другом ключевые газопроводы, несущие арктический газ в различные направления, в т.ч. газопровод в Европу. Местные аналитики называют этот объект «газовый крест России», который важнее иной атомной станции, поскольку здесь находится так называемый «рубильник», который может отключить Европу от российского газа. По сути дела, это «сердце» энергетической системы Российской Арктики (Интервью, 2019). Снятие ограничений и введение свободного доступа к этой местности может угрожать рисками национальной безопасности страны.

Заключение

Таким образом, если отойти от привычных фольклорных восприятий российского Севера, в которых арктические регионы представлены как нетронутые пространства с редкими кочевьями коренных народов, арктические города России переживают значительную социально-экономическую трансформацию. Однако, как указывается в нашем сборнике, этот аспект долгое время не получал заслуженного внимания со стороны отечественной науки. Складывается даже парадоксальная ситуация. Как свидетельствует наш анализ, российские ученые активно работают над проблемами арктической антропологии города. В описанных зарубежных изданиях представлены доклады многих российских специалистов. Тем не менее, к сожалению, эти достижения не являются частью отечественных академических усилий. Они являются частью западной организации арктической науки. Эта ситуация должна стать вызовом для отечественных академических фондов, правительственных усилий и научной общественности. Дополнительную актуальность данная ситуация приобретает накануне предстоящего председательства России в Арктическом Совете (2021–2023 гг.). Эта международная организация демонстрирует особую чувствительность к гуманитарным аспектам изучения и освоения Крайнего Севера.

Литература

Азиатские игроки 2016 – Азиатские игроки в Арктике: интересы, возможности, перспективы. Доклад №26/2016/ [Махмутов Т.А. и др.]; [гл. ред. Иванов И.Г.]; РСМД. М.: НП РСМД, 2016. 56 с.

URL: <http://russiancouncil.ru/common/upload/Asia-Arctic-Report26-ru.pdf>

Арктика 2016 – Арктика 21 век: политика, экономика, экология: дайджест экспертно-аналитических материалов / сост. В.С. Ефимов, Е.Е. Верховцева. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2016.

Зонн 2013 – Зонн И.С., Жильцов С.С. Арктическая гонка: захватить и разбудить. М.: Восточная книга, 2013. 264 с.

Интервью 2019 – Интервью с К.Г. Филантом, ведущим научным сотрудником государственного казенного учреждения «Центр изучения Арктики». Салехард, 13 ноября 2019 г.; Интервью с Ю.А. Морозовым, журналистом газеты «Полярный круг». Салехард, 14 ноября 2019 г.

Коваль 2016 – Коваль В.П., Лыжин Д.Н. Международное экологическое сотрудничество в Арктике // Арктика и Север. 2016. № 22. С. 139–149.

Куцев 1989 – Куцев Г.Ф. Человек на Севере. М.: Политиздат, 1989. 217 с.

Паничкин 2016 – Паничкин И.В. Разработка морских нефтегазовых ресурсов Арктики: текущее состояние и перспективы. РСМД. Октябрь 2016. № 8. 12 с.

Пегин 2016 – Пегин Н.А. Национальная арктическая транспортная линия: проблемы и перспективы // Арктика и Север. 2016. № 22. С. 32–40.

Предложения 2013 – Предложения к дорожной карте развития международно-правовых основ сотрудничества России в области Арктики: рабочая тетрадь / [Вылегжанин А.Н. (рук.) и др.]; [гл. ред. Иванов И.С.]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2013. 56 с.

Россия 2016 – Россия и США в Арктике. Рабочая тетрадь № 30/2016. [Загорский А.В.]; [гл. ред. Иванов И.С.]; РСМД. М.: НП РСМД, 2016. 24 с. URL: <http://russiancouncil.ru/common/upload/Russia-USA-Arctic-Paper30-ru.pdf>

Скрипнюк 2016 – Скрипнюк Д.Ф. Северный морской путь в системе международных транспортных коридоров // Арктика: история и современность. Труды международной научной конференции. М.: Наука, 2016. С. 509–520.

Селин 2016 – Селин В.С. Движущие силы и проблемы развития грузопотоков Северного морского пути // Арктика и Север. 2016. № 22. С. 87–100.

Татаркин 2014 – Татаркин А.И., Лисовский В.В. Россия в Арктике: стратегические приоритеты комплексного освоения и инфраструктурной политики // Вестник МГТУ. 2014. Т. 17. № 3. С. 573–587.

Шапаров 2015 – Шапаров А.Е. Этнонациональная политика России в Арктике: основные подходы и принципы // Арктика и Север. 2015. № 21. С. 98–117.

Швец 2014 – Швец Н.Н., Берсенева В.В. Нефтегазовые ресурсы Арктики: правовой статус, оценка запасов и экономическая целесообразность их разработки // Вестник МГИМО – Университета, 2014. № 4 (37). С. 60–67.

Яновский 1989 – Яновский В.В. Человек и Север. Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1969. 158 с.

Berman 2012 – Berman M., Lance H. Remoteness, Transportation Infrastructure, and Urban-Rural Population Movement in the Arctic // Proceedings of the International

Conference on Urbanization of the Arctic, Nuuk, Greenland. August 2012. Stockholm: Nordregio, 2012. Pp. 108–122.

Brunstad 2004 – *Brunstad, Bjørn, Magnus, Eivind, Swanson, Philip Hønneland, Geir, Øverland, Indra*. Big Oil Playground, Russian Bear Preserve or European Periphery? The Russian Barents Sea Region towards 2015. Eburon Delft: Eburon Academic Publishers, 2004. 212 p.

Bigg 2012 – *Bigg C*. Russia's 'Gas Capital' Cuts Itself Off to Curtail Migration, Crime // Радио Свобода. 2012. 6 декабря. <https://www.rferl.org/a/russia-gas-capital-closes-itself-to-cut-migration-crime/24790218.html>

Klaus 2013 – *Klaus Georg Hansen, Soren Bitsch and Lyudmila Zalkind* (eds.). Urbanization and the Role of Housing in the Present Development Process in the Arctic // Nordregio Report. 2013.

Laruelle 2014 – *Laruelle M*. *Russia's Arctic Strategies and the Future of the Far North*. New York: Routledge; 2014. 280 p.

Laruelle 2016 – *Laruelle, Marlene* (Ed.). *New Mobilities and Social Changes in Russia's Arctic Regions*. L.: Routledge, 2016. 216 c.

Laruelle 2017 – *Laruelle, Marlene* (Ed.). *New Mobilities and Social Changes in Russia's Arctic Regions*. London; New York : Routledge, 2017. 215 p.

Laruelle 2019 – *Laruelle M*. The three waves of Arctic urbanisation. Drivers, evolutions, prospects// *Polar Record*. Cambridge University Press. Volume 55, Issue 1. Pp. 1–12.

Nymand 2015 – *Nymand and G. Fondahl* (eds.). *Arctic Human Development Report: Regional Processes and Global Linkages* Nordisk Ministerråd, 2015.

Orttung 2017 – *Orttung, Robert* (ed.). *Sustaining Russia's Arctic cities: resource politics, migration, and climate change*. New York, Berghahn Publishers, 2017. 274 p.

Sokolov 2017 – *Sokolov D*. *North Caucasians in oil Western Siberian cities: economic strategies, and community activities*. M.: Center for Regional Socio-Economic Studies RAMCOM, Russia, 2017.

ДОМ ПИОНЕРОВ И ДОМ ТЕХНИКИ – НЕ БЛИЗНЕЦЫ, НО БРАТЯ. НОРИЛЬСКИЕ ГИБРИДЫ ЖИЛЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ЗДАНИЙ

Пятидесятые годы прошлого века для Норильского городского строительства были заметно осложнены несколькими факторами. Во-первых, жилые дома строились исключительно по авторским проектам. Это обстоятельство, безусловно, украсило историческую часть города, но жилищную проблему не могло решить. Во-вторых, финансирование городских объектов велось по остаточному принципу – первоочередной задачей в Норильске всегда было производство. При этом на объекты социально-культурно-бытового назначения средств не выделялось вовсе. Именно поэтому в тот период, вплоть до 1959 г., в нашем городе почти не строились отдельно стоящие кинотеатры, спортзалы и дома культуры. А также поликлиники, ателье и магазины...

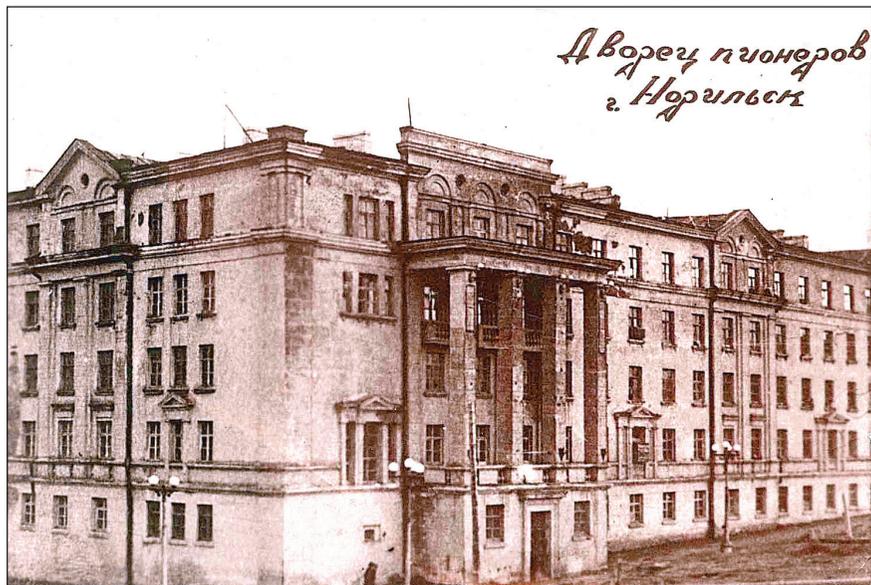
Но жить без этих учреждений в интенсивно растущем городе, где большинство жителей молодые рабочие и специалисты, невозможно. Столь привычного сегодня телевидения в Норильске тогда не было, поэтому населению остро, очень остро были нужны библиотеки, клубы и другие досуговые помещения. Их научились создавать почти из ничего.

Еще в послевоенный период норильчане научились приспособливать под социальные нужды разные строения. Например, здание, в котором когда-то размещалась первая временная электростанция, было переоборудовано в 1946 г. под пивзавод. Стадион в Старом городе был создан на энтузиазме жителей, театр был переделан из лагерной столовой. Многие социальные службы располагались в квартирах жилых зданий... Отдельно стоящие Дом инженерно-технических работников (ДИТР) и Дом физкультуры были, скорее, исключением из общего правила.

Об острой нехватке административных объектов в Норильске говорит тот факт, что в единственном полностью административном здании, построенном в 1945 г. на улице Севастопольской 7, работало долгое время сразу несколько десятков (!) разных учреждений. Там мирно соседствовали городские и партийные власти, библиотека, кинотеатр, ЗАГС, столовая и многие другие службы. Даже общежитие и несколько жилых квартир поместилось в этом относительно небольшом здании.

В такой обстановке дожидаться финансирования отдельно стоящих социальных объектов не приходилось, и наши архитекторы нашли собственный выход из положения. Они создали гибридные здания, которые

совмещали в себе полноценные социальные объекты и обычные квартиры. Первыми такими домами стали знаменитые дома ансамбля Октябрьской площади, где в одном объеме были совмещены и магазины, и общественные здания с большими колонными залами, и учреждения, и квартиры. Любопытный читатель обратит внимание, что в исторической части города почти все дома выстроены именно таким образом – в них как минимум есть встроенные помещения на первом этаже, а то и по всей высоте здания. Но самыми показательными гибридными домами вполне можно считать два симметричных здания на Комсомольской улице: Дом Пионеров и Дом техники.

Дом пионеров. 1950-е гг.

Парадные входы этих домов с высокими, до четвертого этажа, колоннами обращены на холм, где сейчас расположен рядовой жилой микрорайон. Сегодня не всем понятно, почему вся эта фасадная красота смотрит на архитектурный тупик, а не украшает, например, Комсомольскую площадь. Всему виной постоянно изменяющийся генеральный план города. В период строительства этих зданий на пресловутом холме располагался Комсомольский парк с аллеями, скамейками и скульптурами. Увенчать холм должна была смотровая площадка с колоннадой (там сейчас бассейн), откуда раскрывался бы замечательный вид на парадный вход в парк (там сейчас Дворец культуры) с колоннадами двух дворцов, симметрично взметнувшихся по бокам всей этой композиции.

Но не судьба. После того, как дворцы были созданы, планы сильно изменились.

В конце 1950-х гг., когда Норильск перестал быть лагерем и стал городом в составе Красноярского совнархоза¹, деньги на отдельные здания соцкультбыта были выделены в достатке. Буквально за несколько лет появилась знаменитая линия общественных объектов – музыкальная школа, кинотеатр им. Ленина, Дом культуры и бассейн – так называемый «шашлык Непокойчицкого», хотя по иронии судьбы главный норильский архитектор эти здания не строил... В результате этих изменений парк прекратил своё существование, а дворцовые колоннады оказались, по сути, никому не нужны.

Первым был построен Дворец пионеров, по адресу: улица Комсомольская 10. Здание было возведено достаточно быстро, почти за год и сдано в эксплуатацию в мае 1952 г. Общая площадь составила 9575 кв.м, а жилая – всего 5200 кв. м. Почти половина этого дома была отдана под нежилые помещения!

На торжественном открытии присутствовал Владимир Степанович Зверев, начальник норильского ИТЛ и Комбината, который 27 мая 1952 г. подписал приказ № 2275 о создании первого в Норильске Дома пионеров и школьников².

¹ В 1955 г. Норильский комбинат вошел в состав Красноярского совнархоза. Активно избавляясь от лагерного прошлого, Норильск принципиально менял структуру хозяйственной деятельности. Мы перестали быть частью министерства цветной металлургии, но стали частью краевой универсальной системы по производству всего – от овощей до комбайнов. Отраслевой принцип хозяйствования был заменен на территориальный. Красноярским совнархозом руководил сначала П.Ф. Ломако, а потом, когда его возглавил бывший норильчанин В.Н. Ксинтарис, для Норильска настали времена благоденствия. Роль личности этого человека в истории Норильска трудно переоценить. В рамках нашей темы достаточно сказать, что, зная проблему изнутри, Василий Николаевич добился целевого финансирования строительства социальных объектов в Норильске.

² Протокол тех. совещания при гл. инженере НК МВД СССР от 31 мая 1951 г. Рассмотрение проекта дома № 57: «В титульном списке первой очереди города включено строительство Дома Пионеров, без выделения его в самостоятельное здание. В соответствии с этим в габаритах угловой части дома 57 предусматривается расположение помещений, необходимых для проведения всех видов культурно-воспитательной работы с пионерами. Клуб состоит из зрелищной части на 220 человек и кружковой на 270. В полуподвальных частях дома запроектированы конторские помещения РЖО и домоуправления. Часть полуподвала предназначена для мастерских. Запроектирован подвал, предназначенный для хозяйственных кладовых жильцов дома. В остальной части дома располагается 95 жилых квартир. Проект одобрить».

Дом творчества. 1950-е гг.

Первое в Норильске специализированное клубное учреждение для детей работало под эгидой окружкома профсоюзов Норильского комбината. Это обстоятельство позднее, в период развитого социализма, сыграет существенную роль в судьбе пионерского досуга города. А пока, за год до официального присвоения Норильску статуса города (в 1953 г.), среди десятков лагерных зон юные «внуки Ильича» с восторгом осваивали дворцовые залы. Досуг населения в те времена строго регламентировался и был политизирован донельзя, а воспитанию подрастающего поколения уделялось особое внимание. Коммунистические идеи должны были передаваться из поколения в поколение, их популярность должна была неуклонно расти. Вот почему Дворец пионеров¹ появился в Норильске гораздо раньше других, не менее важных социальных объектов: музыкальной школы, бассейна, детского кинотеатра и т.д.

Для выполнения политической воспитательной задачи в дворцовых интерьерах вольготно разместились стандартные детские организации тех времен: игротека, комната сказок, драмкружок, штаб юных ленинцев «Искра», школа пионерского актива «Барaban», клуб вожатых «Пламя». Работал ки-

¹ Интерьеры Дворца пионеров до сих пор поражают своей роскошью. Колонные залы, парадные лестницы с величественными перилами, затейливые переходы и концертные площадки. Все это царское великолепие поражало воображение, тем более что снаружи дом выглядел почти так же скромно, как и соседние постройки. На стенах лестничных пролетов с центрального входа висели деревянные эстампы с сюжетами крыловских басен, повсюду были картины, зелень.

нозал, впоследствии кинотеатр «Сатурн». Позднее, в 1959 г., во Дворце пионеров был создан знаменитый ансамбль «Школьные годы», и в том же году этому учреждению было присвоено имя Аркадия Гайдара, героя гражданской войны и детского писателя. Пионерские дружины города долго боролись за это имя, собирая макулатуру и работая на субботниках.

Норильск рос и активно строился. Уже в конце 1960-х стало понятно, что одного Дворца пионеров для города недостаточно, но строить дополнительные здания в других районах нерентабельно. Поэтому было принято решение организовать клубную и кружковую работу во всех школах города, а в системе городского отдела народного образования (горно) создать второй Дом пионеров. Это произошло в 1970 г. решением Норильского горсовета № 35 от 30 января. Новая организация была расквартирована в ... действующем Доме пионеров, заняв одну из комнат, в порядке уплотнения. Оттуда, как из штаба, шло управление работой пионерских комнат в школах. С этого времени в Норильске работали два Дома пионеров – профсоюзный и образовательный, теснясь в одном здании и конкурируя в борьбе за детские норильские души.

Интересно, что за всю историю Дворца пионеров в Норильске его парадный вход с улицы Комсомольской практически не использовался. Он был организован под колоннадой, вблизи от проезжей части, что оказалось опасным для детей. Поэтому основным вход всегда использовался как запасной. Это обстоятельство было учтено при строительстве зеркального здания дома техники, где предусмотрели величественную лестницу с перилами, отделявшими посетителей от дороги.

В 1990 г. «школьный» Дом пионеров переехал в аналогичное здание на другой стороне Комсомольской площади, в Дом техники. Там новая организация приехала ко двору, и уже через год этому зданию официально был присвоен статус Дворца творчества детей и юношества (ДТДЮ). А в старом здании Дворец пионеров, переживая трудные перестроечные времена, идеологическое направление деятельности сохранить не смог. Он стал называться Центром детского творчества и формально оставался в структуре Комбината. Однако смена собственника Норильского градообразующего предприятия не могла не отразиться на этом здании. Помещения многократно сдавались разным торгующим организациям, типа магазинов оргтехники или кафе, а также для проведения концертов и дискотек. Одно время там даже располагалась костюмерная нашего театра. А интерьер между тем ветшал и требовал реконструкции. В 2008 г. во Дворце пионеров был проведен капитальный ремонт. Сегодня исторические залы являются частью Норильского колледжа искусств.

Жилые квартиры и подвальные помещения этого дома тоже чувствуют себя хорошо. Здание опирается на надежное скальное основание и не дает

повода для волнений своим жильцам. А подвальные помещения, многие из которых имеют отдельные входы, сменив за последнее время множество направлений деятельности, стали магазинами и техническими коммунальными службами.

А вот тот самый Дом техники, много лет известный как Дворец творчества – здание не менее интересное. Его построили в 1954 г., так же, как и в предыдущем случае заполнив объем жилыми квартирами и парадными колонными залами. Общая площадь здания составила 8107 кв. м, а жилая – 6114. Все дворцовые площади при строительстве предназначались для музея Комбината, экспонаты которого уже не помещались в одном из домов Старого города. Кроме того, в новом музее должны были демонстрироваться последние технические новинки, применяемые на производстве. Отсюда и название объекта.

Но жизнь часто меняет планы. Строили музей, а получилась... поликлиника. Она оказалась нужнее в те годы и работала в этом доме вплоть до 1959 г., когда в Норильске разрешили строить отдельные здания для социальных нужд. После этого, в канун нового, 1960 г. в Норильске был открыт первый и единственный в городе Дом технической пропаганды¹, по адресу: улица Комсомольская, дом 12. Здесь, например, можно было наглядно ознакомиться с технологической цепочкой работы предприятий Комбината, узнать планы модернизации. Музей стал частью этой удивительной организации, где проводились не только выставки технических новинок, но и тематические лекции. Велась научно-исследовательская, просветительская и экспозиционная работа. А на четвертом этаже Дома техники с февраля 1955 г. располагалась городская библиотека. Тогда она занимала всего три комнаты!

Внутреннее убранство Дома техники значительно отличается от интерьеров Дворца пионеров, несмотря на внешнюю схожесть этих зданий. Тем не менее парадность и торжественность, присущие архитектуре сталинского периода, в полной мере нашли свое отражение и здесь. Грандиозная парадная лестница на второй этаж, колонные залы, роскошные кресла, хрустальные

¹ История сохранила имя одного из каменщиков, возводивших здание Дома техники – Рудольф Бальцер. Он рассказывал, что кладка использовалась простая, в перевязку, а работу осложняли постоянные перебои в снабжении раствором и кирпичом. Да и качество раствора оставляло желать лучшего: в нем постоянно попадались камни, что осложняло работу. Интересно, что во время работы каменщика именно на этом объекте был проведен хронометраж рабочего времени – весьма популярная в те годы процедура. Она помогала увеличить производительность труда. Выяснилось, что из 300 минут рабочего времени каменщик производительно затрачивает 205 минут, из них на кладку уходит лишь 178 минут. За это время свою пятичасовую норму он выполняет на 127 %. Если бы не перебои в снабжении выполнение нормы было бы еще больше.

люстры, лепнина и барельефы знаменитых ученых. Обстановка невольно внушала трепет и уважение к техническому прогрессу.

Норильчане посещали Дом техники всегда с парадного входа, что выгодно отличало его от соседнего Дворца пионеров. Крыльцо было организовано так, что лестница с двумя спусками расположилась вдоль фасада, а перила с балясинами не позволяли посетителям случайно выбежать на проезжую часть улицы Комсомольской. Может быть, именно действующий парадный вход привлек внимание редких в наших широтах ласточек, которые, как утверждают старожилы, когда-то вили гнезда под его козырьком.

Ещё из значимых для города объектов культуры, начавшихся с Дома техники, следует отметить Народную картинную галерею. Она была образована постановлением Норильского горсовета 23 ноября 1973 г. и первые свои шаги делала именно здесь. Начало фондам положили 53 живописные, графические и скульптурные работы, подаренные Норильску дирекцией выставок Союза художников РСФСР.

В 2002 г. здание Дома техники, а вернее ДТДЮ, было реконструировано, и в аутентичных интерьерах появились современные нотки и материалы. Среди других значимых событий в судьбе здания отметим переименование профильной организации – ДТДЮ стал ДТДМ (слово «юношество» заменили на слово «молодёжь») в 2005-м и получение статуса ресурсного центра социально-педагогической направленности в 2009 г.

Сегодня Дворец в числе первых образовательных учреждений города осуществляет деятельность в автономном статусе. Чтобы это ни значило!

НОРИЛЬСК: МИФОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

Так исторически сложилось, что 90-е гг. XX в., круто изменившие жизнь не одного поколения россиян, для Норильска стали десятилетием, в котором сформировалась основная мифология об этом самом северном (с населением более 100 тыс. чел.) городе мира. Две основные мифологемы, прочно утвердившиеся в сознании соотечественников, можно кратко охарактеризовать следующим образом: «Норильск построен на костях Норильлага» и «Норильск – самый экологически грязный город страны». А ведь не так давно, ещё на нашей памяти, пускай даже тридцать лет назад, при слове «Норильск» рисовались героические будни полярных строителей, северных металлургов, а сам город прочно ассоциировался со словосочетанием Жемчужина Заполярья. Что имело под собой, надо сказать, веские основания.

Главная хитрость мифотворчества заключается в том, что в его основе лежит принцип полуправды: в основе любого расхожего мифа присутствует зерно истины, на которое накручивается приличный моток вымысла, в результате чего вся конструкция кажется вполне соответствующей истине.

Основная гулаговская история Норильска сложилась именно в период пресловутых девяностых. Преследуя благие цели – вернуть доброе имя невинно репрессированным людям, мы умудрились создать образ страшного лагеря, где над людьми издевались, морили голодом и холодом, умерщвляли всеми доступными методами. При этом полностью исключая здравый смысл, который нам говорил о том, что Норильлаг создавался в 1935 г. сразу вслед за основополагающим для будущего города приказом о строительстве Норильского полиметаллического комбината. Основная цель, как понятно из приказа, – строительство и запуск металлургического предприятия.

Здесь необходимо сказать, что попытки промышленного освоения нашей территории делались не раз, начиная ещё с XIX в. Первый заявочный столб на разработку медного месторождения поставили братья Киприян и Петр Сотниковы в 1865 г. Они, зная о странных голубых – окислившихся – камнях, то и дело попадавших промысловикам под Норильскими горами, пригласили подтвердить свои догадки академика Фридриха Богдановича Шмидта, по случаю оказавшегося в то время в Дудинке. Позже был приглашён горный мастер Фёдор Инютин, который и руководил работами на первом норильском заводике, построенном уже в 1868 г. Но тогда дело не пошло – непригодные для плавки кирпичи вскоре растрескались, да и вывозить получавшуюся черновую медь по тундре хотя бы до Дудинки получилось де-

лом накладным – северные олени оказались маломощными для такого дела, лошади – дорогими. Овчинка, как говорится, выделки не стоила.

Вторая попытка освоить богатства Норильских гор была предпринята сыном Киприяна – Александром Сотниковым. В 90-х гг. XIX в. он организовал Александро-Невские копи, чтобы снабдить углём экспедицию Добротворского по Северному морскому пути. Та же транспортная проблема превращала в пыль все ожидаемые доходы с мероприятия, и Александр Сотников прекратил дальнейшие разработки.

Потомок Сотниковых – Александр Александрович – решил возобновить промышленные попытки предков, но уже подойдя к делу профессионально: он уехал учиться в Томский технологический институт на геолога. Там он познакомился с Николаем Николаевичем Урванцевым. Эти два человека были участниками знаковой для Норильска экспедиции 1919 г. Но события октября 1917 г. внесли свои коррективы – Сотников был расстрелян, Урванцеву повезло больше – репрессирован он будет позже и останется в живых.

Молодая советская республика не забывала про богатства Таймыра и уже в 1929 г. возобновила попытки промышленного освоения территории. Но «Союззолото», в ведение которого была отдана Норильская промконтора, было раздираемо внутренними проблемами: революция, гражданская война, эмиграция выбили специалистов, новые сотрудники не всегда владели вопросом, всё это сопровождалось параллельными разборками между участниками боевых действий по разные стороны баррикад – кто на стороне Колчака, кто за Красную Армию. Такая организация работ не могла не сказаться отрицательно на результате. Не удивительно, что за три года работы на строительстве Норильского комбината ничего не случилось, кроме сорванных сроков поставок в навигацию, выживающих людей (отнюдь не заключённых), действительно в голоде и в холоде, брошенных практически на произвол судьбы.

Поэтому, возвращаясь к главным для современного Норильска документам 1935 г. о создании Норильскстроя и Норильлага, подчёркиваю – основная цель этих постановлений – создание работоспособной хозяйственной единицы, способной возвести, во что бы то ни стало, комбинат, который даст необходимый стране металл, тем более что в Европе всё отчётливее пахло Второй мировой войной.

Ситуация усугублялась той же самой транспортной недоступностью, как и при Сотниковых в XIX в. Даже сейчас к нам в город зимой, как говорится, «только самолётом можно долететь», в те же годы полярная авиация делала свои первые робкие шаги, и надеяться, кроме как на речную навигацию по Енисею (к слову, ближайший порт в 100 километрах от Норильска!), было не на что. Руководство Норильскстроя и Норильлага – а это были одни и те же люди – прекрасно понимало, что до следующей навигации, т.е.

девять месяцев, другой рабочей силы нет, и не будет. И эти девять месяцев надо работать с теми людьми, которые есть. И – не расстреливать или брать измором их поголовно, а, наоборот, беречь, сохранять в работоспособном состоянии. Радивых – поощрять, нерадивых – наказывать, но – сохранять! Других не будет! Иначе за срыв строительства стратегически важного для страны объекта недолго и самим оказаться на месте з/к. Что, впрочем, и произошло с первым директором строительства Владимиром Матвеевым.

На результат – поддержание контингента в рабочем состоянии – работали, в основном, поощрительные меры: так называемые зачёты, премирование деньгами, возможность отовариваться в продуктовых киосках, где продавали сливочное масло, печенье и т.п., отгулы и выходные дни (вплоть до расконвоирования).

Для некоторых осужденных попасть в Норильлаг означало выжить – об этом есть много свидетельств, которые в 1990-е гг. оставались незамеченными, потому что не укладывались в концепцию посыпания головы пеплом. Так, например, случилось с двумя армянскими архитекторами Мазмьяном и Кочаряном, чей друг, ответ. секретарь Союза советских архитекторов Каро Алабян приложил все усилия к тому, чтобы их перевели именно в Норильлаг – чтобы спасти.

Нет, безусловно, лагерь – это отнюдь не санаторий, и все «прелести» пенитенциарной системы ему присущи. В том числе и потому, что как это ни печально признавать, состав Норильлага по большей части состоял из бытовиков и уголовников. Как ни печально – потому что придётся расстаться с ореолом лагеря, в котором з/к – поголовно невинно-осуждённые представители интеллигенции, технической и творческой. Их – совести нации – здесь сидело вовсе не много. Если брать срез, например, 1948 г., то две трети заключённых – это «бытовики» и уголовники. А среди «политических», например, Горлага более половины была так называемыми националистами, бендеровцами и прочими, оказавшимися в местах не столь отдалённых после победы в Великой Отечественной войне.

Поэтому, если мы хотим понять, что же всё-таки происходило с нами и нашей страной в те годы, мы должны уходить от стереотипов и разбираться досконально. Вплоть до каждой конкретной судьбы.

А с темой невинно репрессированных и вовсе приходится быть аккуратным. Для примера приведу показательную историю, произошедшую с моим коллегой журналистом всё в тех же 1990-х гг. Он активно защищал в прессе и на телевидении одного из «невинно репрессированных», когда органы решили всё же допустить журналиста к делу его протеже. Владислав – так звали журналиста – сказал нам тогда, что зарёкся на будущее кого-либо защищать, не узнав всей картины до конца. Оказалось, что материалы дела доказательно, с фотографиями рассказывали о «подвигах» его подопечного, который, буду-

чи старостой на оккупированной фашистами территории, практически утопил в крови самолично всех, кто сопротивлялся нацистскому порядку.

И тем не менее лагерь был. Просуществовал он 21 год. Для истории Норильска – это важная, но далеко не единственная его страница.

Постлагерная история города так же драматична и важна – это период удивительных открытий, инноваций, героизма, дальнейшего строительства уникального города за Полярным Кругом. Люди, приехавшие сюда по зову сердца или в рамках комсомольского десанта, а может, и просто за «длинным» рублём, сделали город Норильск «Жемчужиной Заполярья» – так его называли гости территории, которые приезжали сюда и видели поистине реализованное чудо человеческой мысли. К слову, многие бывшие заключённые, получившие большой профессиональный рост, уникальный опыт работы в Заполярье, хоть и подневольный, после окончания срока оставались на территории, продолжая работать свободными на тех же должностях, что и во время заключения. И запись в трудовой книжке, где одной датой обозначалось увольнение и приём на одно и то же место работы, означала именно это обстоятельство.

В «золотую эпоху» Норильска, которую историки определяют периодом 1970–1980-х гг., население города планировали довести до полумиллиона. Именно поэтому начал возводиться новый район – Оганер, который должен был стать очередной вершиной деятельности советского человека, осваивающего Арктику. Для Оганера были разработаны специальные дома серии «КОПЭ-Север» с учётом всех особенностей сурового климата. Крупный жилой комплекс должен был воплощать в себе мечты советских инженеров и архитекторов о заполярном городе – сплаве технологий и живой природы. И это не было наивными мечтаниями – тому свидетельством многие изобретения в области строительства жилых и промышленных объектов в условиях Севера, которые были придуманы именно здесь – в Норильске. Среди них и методы свайного фундаментирования, и уникальный опыт мостостроения через капризные северные реки, и многое другое...

Но случилась Перестройка...

Что касается темы экологии и самого грязного города планеты, то не думаю будто открою секрет: многие города мира решают эту головоломку – как нарастить промышленное производство и не нанести ущерб окружающей среде. Решают эту проблему с разной степенью успешности. Что касается Норильска, то ему действительно досталось тяжёлое наследие советского периода в виде нерешённых проблем с утилизацией вредных отходов. Но, как говорит моя знакомая, это – вопрос предпочтения: от чего вы хотите умереть: от душья сернистым газом или смогом какого-либо «благополучного» мегаполиса...

Впрочем, шутки в сторону... За время потрясений постперестроечных времён город долгое время оправлялся от развала существовавшей экономической системы, приспосабливаясь к новым условиям. Был период, когда фасады главных улиц города не ремонтировались годами – что уж говорить о модернизации сложнейшего производства, улучшении экологической ситуации. Подозреваю, что не только в Норильске, но и в других промышленных районах страны ситуация была похожей.

Надо признать, что только сейчас наш город нашёл новый способ существования в изменившихся коренным образом условиях. И здесь большим подспорьем является тот факт, что государство вновь обратило пристальное внимание на Российский Север. Тому свидетельство не только документы и постановления, но и реальные дела: новые здания, построенные впервые после двадцатилетнего перерыва (среди них три детских сада), ремонт взлётно-посадочной полосы, прокладка объездной дороги и другие приметы времени.

Иркиндинский водопад на плато Пудорана.

Впрочем, у норильчан всегда было то, чего не могут отнять никакие экономические потрясения и проблемная экология – это уникальное и огромное плато Пудорана. В любые времена норильчане не забывали, что их город расположен не просто у подножия Норильских и Талнахских гор, а в предгорьях удивительной страны – края тысячи водопадов, красивейших ущелий и чистейших фьордовых озёр. Сегодня плато является одним из де-

вяти в Списке объектов природного наследия ЮНЕСКО наряду с Большим каньоном и озером Байкал. И здесь, похоже, необходимо развенчать ещё один миф, который говорит, будто в Путораны можно попасть только на дорогостоящих вертолётах. Отнюдь! Если вы прилетели на самолёте в Норильск, вы уже можете посетить это уникальное место – до ближайшего водопада Красные камни полчаса пешком от района Талнах.

Сегодняшний Норильск – город, построенный на вечной мерзлоте разными поколениями, выживший в смутные времена Перестройки и 1990-х, вновь полон надеждами: недалеко то время, когда он вернёт себе некогда заслуженное, а нынче забытое звание Жемчужины Заполярья.

Сегодняшний горожанин, безусловно, отличается от норильчанина XX в., тем более XIX в. До Октябрьской революции в Сибирь и на север Сибири шли активные люди по разным причинам – промысловики за новыми охотничьими угодьями, где нет конкурентов, государевы люди – за хорошо оплачиваемой службой вдали от прямого начальства. Конец XIX – начало XX в. добавил искателей приключений и настоящих исследователей. Трагические события XX в. внесли свою лепту в формирование норильского населения – в том числе и из преступивших закон, и из невинно осуждённых, оказавшихся за решёткой по доносу или злому умыслу следователя... Эпоха Хрущёва – Брежнева вновь вернула на нашу землю романтиков и исследователей разных мастей, а развал Советского Союза можно приравнять к революции 1917 г., ибо после этого события начался активный отток населения с Севера. Сейчас кажется, что вновь пополнять поредевшие ряды норильчан ринулись искатели лучшей жизни, этот процесс как будто похож на период комсомольских десантов, только вместо десантов – срочные трудовые договоры или никак не приживающийся на норильской земле вахтовый метод... Но главное не изменилось – на Севере задерживаются и остаются навсегда люди не ради длинного рубля, который к слову, сильно укоротился. Притяжение Севера, длинных зим, короткого лета, настоящего чувства локтя, без которого здесь никак, – это тема отдельного исследования. Потому что притяжение существует. Вопреки кажущейся для человека естественной любви к бесснежному теплу и круглогодичному солнцу...

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Белолобская Галина Степановна [Beloliubskaya Galina Stepanovna] – научный сотрудник лаборатории «Человек в Арктике», Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера, Сибирское отделение РАН (Якутск), gs.belolyubskaya@gmail.com

Гурьянова Галина Геннадьевна [Gur'ianova Galina Gennad'evna] – кандидат исторических наук, зав. PR-отделом Государственного бюджетного учреждения Ямало-Ненецкого автономного округа «Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского» (Салехард), galvarf@mail.ru

Дранникова Наталья Васильевна [Drannikova Natalia Vasil'evna] – доктор филологических наук, профессор кафедры культурологии и религиоведения САФУ, ведущий научный сотрудник центра изучения традиционной культуры Европейского Севера САФУ (Архангельск), n.drannikova@narfu.ru

Жеребцов Игорь Любомирович [Zherebtsov Igor Liubomirovich] – д.и.н., директор Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар), zherebtsov@mail.illhkpmisc.ru

Змеева Ольга Васильевна [Zmeeva Ol'ga Vasil'evna] – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц-региона – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук» (Апатиты), zmejeva@rambler.ru

Коротаев Алексей Васильевич [Korotaev Aleksei Vasil'evich] – заведующий отделом истории и археологии Государственного бюджетного учреждения культуры «Ненецкий краеведческий музей» (Нарьян-Мар), history@naomuseum.ru

Лабунова Ольга Владимировна [Labunova Ol'ga Vasil'evna] – аспирант Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар), ms.labunova@mail.ru

Лимерова Валентина Александровна [Limerova Valentina Aleksandrovna] – кандидат педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (Сыктывкар), jvva64@yandex.ru

Магомедов Арбахан Курбанович [Magomedov Arbakhan Kurbanovich] – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой связей с общественностью, рекламы и культурологии Ульяновского государственного университета (Ульяновск), armagomedov@gmail.com

Мазурин Алексей Брониславович [Mazurin Aleksei Bronislavovich] – зав. сектором новой и новейшей истории Государственного бюджетного учреждения Ямало-Ненецкого автономного округа «Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс имени И.С. Шемановского» (Салехард), mazurin@mvk-yamal.ru

Стрючкова Лариса Николаевна [Stryuchkova Larisa Nikolaevna] – журналист, член Союза журналистов России, главный редактор альманаха «Неизвестный Норильск», краевед, член правления общественной организации «Клуб исследователей Таймыра», автор книг об истории Таймыра и Норильска, сфера научной работы – топонимика Таймыра как отражение историко-культурных ландшафтов, ведущий специалист по связям с общественностью в ФГБУ «Заповедники Таймыра» (Норильск), liss888@mail.ru

Стрючков Станислав Анатольевич [Stryuchkov Stanislav Anatol'evich] – журналист, член Союза журналистов России, соиздатель альманаха «Неизвестный Норильск, краевед, зампредела Норильского отделения Русского географического общества, председатель правления общественной организации «Клуб исследователей Таймыра», автор книг об истории Таймыра и Норильска, ведущий специалист по связям с общественностью в ФГБУ «Заповедники Таймыра» (Норильск), stasnord@yandex.ru

Хабек Йоахим Отто [Habeck, Joachim Otto] – профессор, Институт этнологии, Факультет гуманитарных наук, Университет г. Гамбург (Universität Hamburg), otto.habeck@uni-hamburg.de

Шабает Юрий Петрович [Shabaev Iurii Petrovich] – доктор исторических наук, зав. сектором этнографии Института языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН (Сыктывкар), shabaev@mail.illhkomisc.ru

ABSTRACTS

Iurii Shabaev, Igor Zherebtsov, Ol'ga Labunova ANTHROPOLOGY OF THE POLAR CITY: IDENTITY, MENTAL MAP AND VARIABLE VORKUTA IMAGES

Vorkuta is one of the largest polar industrial cities in the Arctic, which arose at the turn of the 1920-1930s. as one of the centers of the Gulag in the European north of Russia. The city was created as a center of coal mining in the Arctic and the mines located around it produce high-quality coking coal, which is necessary for metallurgy. The construction of the mines and the city itself was carried out by the hands of prisoners of the Gulag. Only in the early 1960s. prisoners' labor was no longer used in mines and free recruitment of labor began. A way to attract labor migrants is the recruitment of labor by recruitment (conclusion of labor contracts). And so that people willingly went to work in the Arctic, they were offered good wages, which were not available in other regions. Therefore, in the 1960-1980-ies. the city flourished. Since the second half of the 1980s. the city is entering a period of crisis, and miners dissatisfied with their position will organize independent trade unions, which will turn into influential organizations that put pressure on the government. The transition to a market economy led to the fact that many mines became unprofitable and an organized relocation of Vorkuta residents to more favorable areas began. Today, this relocation is spontaneous, and the city, according to the remaining residents, is slowly dying.

Galina Beloliubskaya, Otto Habeck HOUSING MOBILITY, PERSONAL SPACE AND URBAN

Among the characteristic features of the post-Soviet period, there are changes in the demarcation of personal space and the means of expressing individual status as compared to Soviet times. This can be most clearly discerned in the transformation of the city's built environment, where changes can be easily documented by visual means. In this study, the authors discuss these processes on the example of Yakutsk, the capital of the Republic of Sakha (Yakutia) and the largest city in the region, currently home to almost half of the urban population of the entire republic. On the basis of photo documentation of the urban space, interviews with representatives of the municipal administration, engineers, real estate agents and residents, the authors discuss housing mobility; the specifics of personal space and the distinction between "personal", "public" and "pseudo-public" spheres in the urban environment; and problems and prospects of planning in a postsocialist city under Northern conditions. The authors pay special attention to the private-sector (chastnyi sektor) areas of Yakutsk, as the latter provide an interesting example of relations between the state and citizens in post-Soviet society.

Stanislav Stryuchkov HOUSE OF PIONEERS AND HOUSE OF EQUIPMENT – NOT TWINS, BUT BROTHERS. NORILSK PUBLIC BUILDING HYBRID

The article is devoted to the description of the unique construction experience of Norilsk during the transition from the camp labor system (the use of prison labor) to the standard economy. During this period, only housing construction was financed, and the need for social facilities was growing uncontrollably – civilian builders of the plant demanded quality leisure. Therefore, Norilsk architects learned to «hide» cultural objects in residential buildings, creating «hybrid» buildings from the side indistinguishable from neighboring buildings. Two symmetrically located objects on Komsomolskaya Street – the House of Pioneers and the House of Technology – a typical example of such construction. Behind the standard facades of typical Stalin-era residential buildings are grand staircases, large and small concert halls, exhibition areas, sideboards, chandeliers and carpet paths ... None of the guests of the city would have imagined that there were such incredible interiors inside them if there weren't portable columns facades. But why are these facades “turned away” from the main street and “look” at the faceless housing estate?

Larisa Stryuchkova NORILSK: MYTHOLOGY OF MODERNITY

Norilsk is the northernmost city in the world with a population of over 100 thousand people. The construction of such a city and the development of the territory as a whole required great efforts both in the 18th century, and in the 19th and 20th centuries. At the same time, that developed after Perestroika in the 90s of the 20th century, local history is replete with inaccuracies, hyperbole, and sometimes intentional fiction based on the principle of half-truth. All this distorts the logic of the development of historical events and makes it difficult to understand how the Russian North was actually mastered. This article discusses some mythologies related to the history and modernity of the city beyond the Arctic Circle.

Aleksei Mazurin, Galina Gug'ianova SALEHARD – ANCIENT AND MODERN CITY ON THE POLAR CIRCLE

Arctic civilization is a dream born at the intersection of the goals of industrial development of the northern territory and the understanding of the need to preserve the identity of its natural complex and the cultures of its peoples. The cities of the Siberian North are the stronghold of this civilization. One of them is Salekhard

Salekhard is a special place. A place where modern civilization is closely adjacent to untouched nature, where visitors from different cities of the country and the indigenous peoples of the North live nearby. The city, which could dozens of times into a small and disappearing settlement over time, but despite this grew and became the capital of a rich and developing region. Today Salekhard (until 1933 Obdorsk) positions itself as the only city in the world located on the line of the Arctic Circle.

Obdorsk appeared at the very end of the XVI century. Before the appearance of Russian Cossack squads, the capital of the Ostyak-Samoyed Obdory Principality, the settlement of Puling-Avot-Vosh, was located on this. With the arrival of the Cossacks from Berezov, the story of Obdorsk-Salekhard began. Salekhard has gone through several periods in its more than 420-year history. Within the framework of the first, “Cossack” (late XVI – first quarter of the XIX century), Obdorsk was fixed as a stronghold of statehood in the Far North of Russia. In the second period, “trade and missionary” (the first quarter of the 19th – early 20th centuries), Obdorsk became the center of fair trade with the natives of the North and the spread of Russian culture and the Christian Orthodox faith among them. The beginning of the third, “exile-industrial” period (the first third of the 20th – the end of the 20th century) was marked by the appearance of the first pages of official city history. Obdorsk was renamed Salekhard, it received the status of a city and center of the newly formed Yamal (Nenets) national district.

Throughout the above periods, the city was actively used as a place of detention and exile. Salekhard finally parted with his exiled past only in the 1950s. The fourth, “managerial” period in the history of the city (the end of the 20th century – today) began with the acquisition by Salekhard of the status of the capital of a subject of the Russian Federation, as well as its official symbolism. Currently Salekhard is the administrative, transport, business and financial center of the largest Russian gas and oil region – the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug.

The capital, like the entire district, is not only multinational, but also keeps the traditions of the indigenous peoples of the North “Khanty, Nenets, Selkups, Komi” “alive”. Newspapers are published here in the Nenets and Khanty languages. In 1998, the Scientific Center for the Humanitarian Research of Indigenous Minorities of the North of the Yamal-Nenets Autonomous District was established. In the capital of the okrug, the public organization «Yamal to Descendants» operates. Beginning in the second half of the 1960s, urban rootedness gradually formed here. The city has done the most for this in the last 15-17 years, since the beginning of the new century – it has changed outwardly, provided the conditions for development – sports, culture. For further development, the city needs not only managerial and financial resources, it needs a special resident whose Salekhard identity is of conscious value for him, ready to help his city become one of the strongholds of the Arctic civilization.

Arbakhan Magomedov POLAR CITIES IN THE MIRROR OF FOREIGN NORTHERN STUDIES: A CHALLENGE FOR RUSSIAN SOCIAL SCIENCE AND HUMANITIES

Arctic urbanization and development of urban polar communities constitute one of the dynamically evolving areas of Arctic research in the world. The article explores the most prominent examples of the Arctic research initiatives the pace of which has been accelerated abroad over recent years. These efforts are not only a part of vast foreign research infrastructure to explore the Far North but they provide valuable and timely contribution to the study of anthropology of the Russian polar town. The author proves that the research on the Western polar town anthropology represents the basis for theoretical and conceptual framework to understand political, economic and social processes occurring in urban communities of the Arctic and Sub-Arctic Regions. Simultaneously the current situation reveals the long-standing inherent drawback in national Arctic research that consists in low prioritization and peripherality of humanitarian aspects in the system of the domestic study of the Far North. Focusing on the humanitarian aspects of life of the Arctic has not become a significant component of national academic effort. This situation must become a challenge for the national academic government programs. Social humanitarian knowledge is to become an important factor in shaping the Russian Arctic policy as well. This situation acquires additional relevance ahead of the forthcoming Russia's chairmanship in the Arctic Council (2021–2023).

Olga Zmeyeva «OLD» – «NEW» MURMANSK: CITY AND ITS INHABITANTS

This article presents results of historical and anthropological study of the Murmansk. Scientific research was based on periodical materials, published memoirs documentary sources and statistical information.

The author determined historical profile of the city and specifics of organization of social and urban space. The appearance of the infrastructure and the administrative center itself is considered by the author as one of the periods of activation of migration processes. The specifics of the settlement of citizens in Murmansk is associated with the impact of the historical factor. The factors of urban space formation are revealed. These factors were decisive for representing the process of colonization of Murman as a conflict-free process.

The author concluded that the contrast of natural and climatic circumstances influenced the multiplicity of Murmansk identity, and the landscape specificity of the city was one of the conditions for the formation of a mobile social space. The influence of the administrative factor on the increase in migration activity of certain social and professional groups was revealed.

Valentina Limerova IMAGE OF ARKHANGELSK IN M.F. ISTOMIN'S POEMS AND ESSAYS

The article is focused on the problem of formation of the artistic image of Arkhangelsk in the regional literature. It is based on the works of an Arkhangelsk writer Mikhail Fedorovich Istomin (1821-1862), which were published in the late 1840s in the newspaper «Arkhangelsk provincial Gazette»: the poem «The Fate of Arkhangelsk» (1847) and the essay «Essays on Arkhangelsk and its surroundings» (1849). M.F. Istomin finds a number of historical analogies in the fates of Arkhangelsk and St. Petersburg and builds up an image of the North Dvina city taking into account the particular tradition of depicting the Russian capital, which had developed by that time. So the elements of the «Petersburg text» are easily recognizable not only in M. Istomin's descriptions of the pre-urban landscape in the mouth of Northern Dvina river (the silent desert, the dark, swampy wilderness), but also in the cosmogonic act of creation of the city by the will of a hero “creator of the universe” represented by Peter the Great. The reliance on the literary image of St. Petersburg is also reflected in the principles the views of Arkhangelsk are presented: an all-encompassing, panoramic view of the city from the river; special attention paid to the ceremonial and «multi-national» buildings making up the coastline (a combination of Russian and European urban planning traditions); comparisons to seaside European cities. Thus, Arkhangelsk depicted by M. Istomin is very different to literary images of peripheral provincial cities of Russia, which had a reputation of places culturally remote from the brilliant Russian capital. In its literary image Arkhangelsk repeats the idea of St. Petersburg as a European “lobby city” open to the sea and to the world.

Natalia Drannikova LOCAL IDENTITY OF RESIDENTS OF TWO NORTHERN CITIES: ARKHANGELSK AND SEVERODVINSK

The aim of our research includes the investigation of local identities of Arkhangelsk and Severodvinsk residents. For this purpose, a survey of the local population has been conducted during the period of 2000–2018. The subject of study encompassed speech and folklore data. The local identity of Arkhangelsk and Severodvinsk residents is tightly connected with historical processes. Arkhangelsk history is longer than 4 centuries. Historically and culturally it was regarded as a central city of Russian North, the core of traditional culture. Severodvinsk is opposed as an industrial town. Severodvinsk dwellers local identity demonstrates values of the modern society, values of civilisation, but not of culture. The presence of self-nominations of Arkhangelsk and Severodvinsk residents proves a developed local self-consciousness. They recognise themselves independent local communities. Ethnopsychologically speaking, residents of both cities find themselves calm, balanced, able of overcoming difficulties. They also juxtapose

pose themselves to the population of Central Russia. Besides local identity of the majority of Severodvinsk citizens coincides with their occupational identity. We claim that Arkhangelsk possesses a conceptual cultural dominant – it is a northern city-port, the starting point of all the Arctic expeditions, its residents are endowed with pomor self-consciousness. The fact that its symbols comprise Arts Museum «Malyje Korely» and State Academic Russian Northern Folk Choir partly proves that Arkhangelsk city dwellers emphasize their continuity as the bearers of peasant culture of Russian North. Severodvinsk conceptual dominant represents a factory town standing on the White Sea, where submarines are built. Symbolic images of Arkhangelsk and Severodvinsk coincide in terms of topography. Informants note the usual for cities spaces, sea and snowy winters. Besides there is a partial imagery coincidence at the level of professional life. For the residents of older generation Arkhangelsk is a city of shipbuilders and sailors; Severodvinsk is a ship-building centre for the residents of all ages.

Alekse Korotaev, Iurii Shabaev “NARYAN-MAR, MY NARYAN-MAR – TOWN NOT GREAT AND NOT SMALL”

The article is devoted to the description of the history and cultural evolution of one of the most northern cities of Russia – Naryan-Mar. The city arose in the early 1930s, when it turned into the capital of the Nenets Autonomous Okrug and mainly served as the administrative and cultural center of the vast territory. This role Naryan-Mar has preserved till nowadays, but the character of the development of the town has changed. A small and provincial town, built up mainly of wooden houses, such as Naryan-Mar was before the beginning of the twentieth century, gave way to a rapidly developing and prosperous urban settlement, which turned into the capital of a prosperous oil-producing region.

Содержание

Введение	3
----------------	---

Раздел 1. Статьи

Юрий Шабаев, Игорь Жеребцов, Ольга Лабунова Антропология заполярного города: идентичность, ментальная карта и меняющиеся образы Воркуты.....	12
Ольга Змеева «Старый» – «новый» Мурманск: город и его жители.....	51
Наталья Дранникова Локальная идентичность жителей двух северных городов Архангельска и Северодвинска: опыт сравнительного анализа	80
Валентина Лимерова Образ Архангельска в стихотворных и очерковых сочинениях М.Ф. Истомина	105
Александр Мазурин, Галина Гурьянова Салехард – древний и современный город на полярном круге.....	114
Алексей Коротаев, Юрий Шабаев «Нарьян-Мар, мой Нарьян-Мар – городок не велик и не мал». Город в социокультурном пространстве региона	132
Галина Белолобская, Йоахим Отто Хабек Жилищная мобильность, личное пространство и особенности городского развития Якутска.....	151

Раздел 2. Материалы

Арбахан Магомедов Полярные города в зеркале зарубежного североведения: вызовы для отечественной социально-гуманитарной науки	174
Станислав Стрючков Дом пионеров и Дом техники – не близнецы, но братья. Норильские гибриды жилых и общественных зданий	196
Лариса Стрючкова Норильск: мифология современности.....	203
Сведения об авторах	209
Abstracts	211

Научное издание

АНТРОПОЛОГИЯ ГОРОДА

Выпуск 2

Северный город:
Культурное пространство и идентичность
в арктических и субарктических городах

Оформление обложки
М.Е. Заболотникова

Технический редактор
Н.К. Забоева

Компьютерная верстка
О.Н. Низовцев

*Оригинал-макет подготовлен
Информационно-издательским отделом
Института языка, литературы и истории
Коми НЦ УрО Российской АН*

Печатается с готового оригинал-макета

Подписано в печать 22.12.2020.

Формат 60 × 90¹/₁₆.

Уч.-изд. л. 11,5. Усл. печ. л. 13,6.

Тираж 500 экз. Заказ № 1044

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
Тел. 8-499-973-42-06